

CORRUPT EDUCATOR

THE SYNDICATE ACADEMY

BIANCA COLE

Он скрывает мрачную тайну, которая навсегда изменит мою жизнь.

Я не должна быть здесь.

Меня вынудили сменить школу в середине выпускного класса.

Академия Синдиката — это воплощение всего, что я ненавижу.

Академия для наследников таких тиранов, как мои родители.

Я ненавижу здесь всё, за исключением одного — директора Оакли Бирна.

Самый великолепный мужчина, которого я когда-либо встречала, с пронзительными аквамаринными глазами.

Он мрачный, задумчивый и не похож на обычного директора.

Меня тянет к нему как магнитом, но я отталкиваю его.

Несмотря на его холодное обращение, невозможно удержаться, чтобы не соблазнить зверя выйти поиграть.

Поступок, о котором я скоро пожалею.

Этот человек скрывает за своими стенами мрачные тайны.

Тайны, которые могут уничтожить меня и мою семью.

Говорят, в любви и на войне все средства хороши.

Я не могу участвовать в войне, о существовании которой даже не подозревала.

Он намерен поглотить меня целиком и выплюнуть, оставив мой мир в клочьях.

Вопрос в том, переживу ли я его гнев?

Перевод: t.me/escapismbooks

Эта книга может быть прочитана как самостоятельная и имеет счастливый конец.

Глава 1

Оак

В ночном воздухе эхом разносится скрежет металла, раскаленного сильным жаром, и это подгоняет меня бежать быстрее.

Огонь.

Дым зловещими облаками клубится над зданием, предвещая тьму будущего. Моего будущего.

Пепел.

Когда я заворачиваю за угол и появляется комплекс, весь воздух выходит из моих легких. Искры пылающего пламени лижут окна дома со свирепостью, которая кажется неукротимой, пока огонь поглощает дело всей моей жизни.

Руины.

Мои ноги болят от того, что я пробежал мило до здания, пока я пытаюсь набрать в легкие чистый воздух. Дым заражает его, как болезнь, проникая в них так же быстро, как разрушает все, над созданием чего я работал.

Слишком поздно.

Пламя распространилось на все части офисов, включая верхний этаж, где находится серверная, которая является центром и сердцем моей корпорации. Сирены пронзают воздух, приближаясь ко мне и моей штаб-квартире, но я понимаю, что надежды нет. Если огонь доберется до серверной, дело всей моей жизни будет уничтожено.

Все, что я могу делать, это смотреть, как моя империя сгорает дотла. Логотип Арчеров сильно скрипит, когда пекло сгибает сталь, оставляя его висеть на стене здания на волоске.

Продажные придурки, стоящие за пожаром, забрали у меня всё из-за одного жалкого спора. Я отказался предоставлять свои услуги бандитам, поскольку мой бизнес законен, и именно так я хотел его сохранить, но они потребовали, чтобы я платил им деньги за защиту. Итак, они уничтожили всё это за то, что я сказал "нет".

Защищенные серверы Archer Data Corporation и весь капитал находятся в этом помещении. У нас ничего не останется, если огонь перекинется в серверную. Клан Кармайклов сделал это со мной. Они отняли у меня все, что я построил, одним нажатием кнопки.

Мое тело содрогается, когда я сжимаю кулаки по бокам, страстно желая ударить что-нибудь или кого-нибудь. Я стискиваю зубы с такой силой, что кажется, будто могу раздробить их вдребезги, когда смотрю на разрушения, которые они оставили после себя. Шуршание бумаги между пальцами привлекает внимание к письму, отправленное мне через почтовый ящик на фирменной бумаге "Кармайкл Энтерпрайзиз".

«Твоя империя сгорит за это.»

После угрозы Джейми Кармайкла на нашей встрече два дня назад, я был уверен, что это они в ту же секунду, когда услышал свой почтовый ящик в такой поздний час.

«Подчиняйся либо страдай, Бретт. Решение за тобой. Мы управляем этим городом, и никто не ускользает, не заплатив справедливую долю. Я уничтожу тебя, если ты этого не сделаешь.»

Мой отказ работать с бандитами привел к моему разорению, но кто не стал бы бороться с преступниками?

Люди, которых я презираю. Когда я был достаточно взрослым, я сбежал от подобных людей, оставив свою родную страну позади и сменил имя, создавая что-то свое с нуля.

Мое имя на здании — Арчер — окончательно сминается под воздействием жара, когда последняя стальная нить, прикрепленная к офису, обрывается. Я рычу, когда оно падает вниз, скребя стену здания и с лязгом разбивает окна.

Внутри меня таится тьма, которую я долгое время пытался похоронить, но она гложет меня изнутри, страстно желая вырваться на свободу и посеять хаос в клане Кармайклов. Может, я и не преступник, однако внутри меня царит мрак.

Когда я уходил из офиса, Джейн сказала мне, что сегодня будет работать допоздна, но, надеюсь, не в такое время. Уже второй час. Джейн проработала в Archer Data Corp семь лет, и все это время я игнорировал космическое притяжение между нами, зная, что генеральному директору не подобает встречаться со своими сотрудниками. Мои вкусы в сексе необычны, и она не поняла бы тьму, живущую во мне. Она не смогла бы по-настоящему полюбить такого мужчину, как я.

Я убеждаю себя, что Джейн не может быть внутри. Слишком поздно. Она бы давно ушла.

Полицейские и пожарные машины въезжают на парковку, отвлекая от мыслей. Они, без сомнения, попросят меня покинуть место происшествия, но я не могу. Мой мир рушится у меня на глазах.

Один из полицейских выходит из машины и подходит ко мне.

— Сэр, это вы нам позвонили? — Я утвердительно качаю головой.

— Да, это штаб-квартира моей компании.

Он кивает.

— Могу я узнать ваше имя, пожалуйста?

— Бретт Оакли Арчер.

Полицейский записывает имя в своем блокноте.

— Спасибо. Как вы узнали о пожаре?

Мое сердце колотится в груди, когда я сжимаю бумагу в кулаке. У Кармайклов в кармане правоохранительные органы, поэтому я не скажу ему о записке. Единственный способ победить их — играть в их игру.

Я склоняю голову.

— Я вышел прогуляться. Я живу в миле отсюда, и заметил дым, идущий из моего здания. Тогда и позвонил.

Он записывает мой отчет, прежде чем кивнуть.

— Спасибо. Пожалуйста, оставайтесь по эту сторону барьера, который мы возводим. Полагаю, ночью внутри никого нет?

— Уборщики работают всю ночь. Хотя я не знаю их расписания.

Он смотрит на часы.

— Не могли бы вы выяснить для меня? Нам нужно знать, можем ли мы столкнуться с гражданскими лицами.

Я достаю свой мобильный телефон из кармана и набираю номер Джейн. У нее должны быть с собой эти данные. Мой желудок скручивает, когда он звонит несколько раз, прежде чем переключиться на голосовую почту.

— Джейн, перезвони мне. Офис в огне.

Я отменяю звонок, мои руки трясутся от смеси шока и паники.

Оцепенение распространяется по мне, как болезнь, когда я думаю, что она может быть внутри. Все те разы, когда я отвергал её, всё потому, что был слишком одержим построением своей империи.

Что, если уже слишком поздно?

Я звоню Дорис, моей секретарше, чтобы проверить, что ей известно. Она отвечает после второго гудка сонным голосом.

— Сэр, в чем дело?

— Здание в огне. Там может кто-нибудь быть?

— Какой ужас!

Раздается шуршание, затем щелчок, когда она включает свет.

— Они появляются около трех часов.

— Джейн упомянула, что будет работать допоздна, но я предполагаю, что сейчас она уже должна быть дома, верно? — спрашиваю я, с трудом сглатывая.

Дорис обеспокоено втягивает воздух.

— О нет, Джейн регулярно оставалась с нами ранним утром. Я надеюсь, что это не так, но это не исключено, мистер Арчер.

Моя рука крепче сжимает мобильный телефон.

— Спасибо. Ты можешь оказать мне услугу?

— Конечно, все, что угодно, сэр.

Я сжимаю челюсти.

— Ты можешь позвонить в агентство по уборке и отменить их сегодня вечером вместо меня?

— Да, я сделаю это прямо сейчас, сэр.

— Спасибо, Дорис. Завтра никому не нужно будет приходить.

— Предоставьте это мне. Я разберусь со всем, сэр.

Я отменяю звонок, чувствуя, как мной снова овладевает паника из-за того, что Джейн может быть в здании. Никогда не прощу этих гребаных Кармайклов, если они заберут ее у меня.

Офицер, с которым я говорил ранее, задерживается возле барьера, который они установили.

— Я поговорил со своим секретарем, и уборщики приходят в три часа. Сейчас она отзывает их.

Он кивает.

— Никто не должен находиться внутри здания.

— Единственным человеком был мой сотрудник по подбору персонала. Она сказала, что работает допоздна, но я предполагаю, что не так поздно.

Я тяжело сглатываю, глядя на бушующий огонь, охвативший здание.

— Я не смог до нее дозвониться.

Офицер кивает.

— Хорошо, я предупрежу пожарных, что есть вероятность одного гражданского.

Я отступаю назад, уставившись на каркас здания, пока бушует огонь. Проходит по меньшей мере полчаса, прежде чем кажется, что пожарные выигрывают бой.

На поясе офицера потрескивает рация.

— Найдено тело, но пульса нет. Убедитесь, что парамедики готовы.

Он берет его и отвечает.

— Принято.

Моя кровь холодеет в жилах, когда я приближаюсь к нему.

— Кто это?

Он поднимает руку.

— Оставайся там.

Я пристально смотрю на мужчину, осматривающего вход в офис, в глубине души зная, что это она.

Джейн.

Выходят трое пожарных, и один из них несет стройное, гибкое тело, перекинутое через плечо.

Я бросаюсь вперед.

— Джейн!

Я кричу, прорываясь через ленту, чтобы достучаться до нее. Проблеск выгоревших яркосветлых волос — самый главный признак того, что это она.

— Мистер Арчер, — окликает меня полицейский, пытаюсь остановить.

Никто не смог бы остановить меня, когда я несусь к ним, заставляя глаза пожарного расширяться.

— Отойди, — приказывает один из них.

— Мне нужно знать, кто это. Она мертва? — Говорю я.

Он указывает на скорую помощь. — Подождите там, пожалуйста.

Я тяжело сглатываю и делаю, как он говорит, приближаясь к машине скорой помощи. У них наготове мешок для трупа, заставляя темный ужас еще глубже укорениться в моей душе.

— Не думаю, что вам следует быть здесь, — говорит парамедик.

Я качаю головой. — Я — владелец компании. Кто мертв?

Парамедик кивает. — Хорошо, подождите здесь.

Пожарный подходит ближе с телом и опускает ее в открытый мешок для трупов. Мой желудок переворачивается в тот момент, как только вижу лицо. Я смотрю на ее безмятежные, красивые черты, обожженные и почерневшие от огня и такое чувство, будто кто-то ударил меня под дых.

— Нет, — кричу я, бросаясь вперед.

Парамедик позволяет мне подойти к ней.

— Джейн, мне так жаль, — шепчу, проводя рукой по ее прекрасным золотистым волосам.

Комок застрял у меня в горле с такой силой, что я больше не могу говорить. Слезы скатываются по щекам, когда ее потеря поражает меня сильнее, чем потеря моей империи. Это является доказательством того, каким я был дураком, держась от нее подальше.

Я никогда не водил ее на свидание, никогда не целовал ее красивые губы, никогда не ощущал ее тепла рядом с собой. Сжимаю кулаки по бокам, когда горе перерастает в яростный гнев.

Наклоняюсь и шепчу ей на ухо, хотя она не может меня слышать:

— Я заставлю их заплатить за это, Джейн. Обещаю.

Сложная паутина эмоций захлестывает меня, когда гнев, вина и горе угрожают разорвать меня по швам.

Клан Кармайклов — самая влиятельная преступная организация в штате, а это значит, что нужно бежать из Джорджии сегодня ночью, чтобы у меня был шанс отомстить.

Страховка покрывает ущерб от пожара, но Archer Data Corp превратится в руины, как только распространится новость об уничтожении серверов.

— Сэр, я прошу прощения, но мы требуем, чтобы вы отошли.

Твердая рука опускается на мое плечо, когда я сжимаю ледяную руку Джейн. Глядя на нее, понимаю, что не смогу присутствовать на ее похоронах. Я должен уйти сейчас, если хочу исчезнуть.

Отпускаю ее руку, отрывая взгляд прекрасного лица. Медленно отхожу, зная, что вижу ее в последний раз. Последний раз, когда я стою на земле Атланты. Я доверяю Эрику, президенту компании, разобраться со страховой компанией и последствиями.

С сегодняшнего вечера Бретта Арчера больше не существует. Я исчезну с лица земли, и меня невозможно будет отследить.

Кармайклы не найдут меня, пока не станет слишком поздно. Я разрушу их мир и причиню им боль в десятки раз хуже, чем они причинили мне.

Сегодня ночью умер Бретт Оакли Арчер. Я должен стать кем-то другим во второй раз за свои двадцать восемь жизни.

Ева

Пять лет спустя...

— Клянусь, это не я, — говорю я, стоя перед моим отцом, который держит фотографию кого-то удивительно похожего на меня, целующегося со школьным уборщиком.

— Должно быть, кто-то отфотошопил это.

Для начала, не думаю, что я когда-либо вообще разговаривала со школьным уборщиком в своей жизни. Пока я смотрю на фотографию, от его вида у меня скручивает живот. Не то чтобы я тщеславна, но он определенно не тот мужчина, который меня привлек бы. С весом, вероятно, на сотню фунтов больше, чем следовало бы, и с меньшим количеством волос на голове, чем у меня на ногах.

Во-вторых, я никогда в жизни не целовалась с парнем, не говоря уже о каком-то случайном лысеющем мужчине средних лет. Трудно поверить в то что они думают, что это я.

— Ева Кармайкл, ты чуть не навлекла огромный скандал на нашу семью, — упрекает моя мать, качая головой в углу.

— Не думай, что мы настолько глупы, чтобы поверить, что это не ты.

Она делает шаг вперед и смотрит на меня с окаменевшим лицом.

— Как долго это продолжается?

Я ошарашенно смотрю в ответ, гадая, верит ли она, что у меня были бы отношения со школьным уборщиком.

— Я даже не знаю этого парня.

Мои родители жалкие, потому что у меня нет времени на мужчин.

Я фокусирую всю свою энергию на школьных занятиях, так как мне нужно поступить в лучшую школу, чтобы стать ветеринаром, к большому их отвращению. Несмотря на то, что они настаивают, что это никогда не произойдет, поскольку моя судьба — унаследовать семейный бизнес, я планирую вырваться из их рук и следовать своим мечтам.

Мой отец хлопает ладонью по столу.

— Ева, не лги нам, — рычит он.

Выражение его глаз злобное.

— Тебе восемнадцать лет. Самое время тебе взять на себя ответственность за свои поступки.

Я тяжело сглатываю, пытаюсь прогнать комок в горле. Меня бесит, что оба моих родителя считают меня виновной в этом.

— Ты спала с ним? — спрашивает мама, отчего жар разливается по каждому дюйму моей кожи.

— Нет! — кричу я, качая головой. — Я, блядь, даже не целовала его!

— Язык, Ева, — язвительно замечает мой отец. — Я сыт этим по горло.

Он косится на мою мать.

— Думаю, ты права. У нас нет выбора.

Я перевожу взгляд с матери на отца, гадая, что он имеет в виду.

— О чем ты говоришь?

Мама качает головой.

— Это будет жестоко, но я думаю, ей нужно усвоить суровый урок.

Я с трудом сглатываю.

— Не могли бы вы перестать говорить обо мне так, как будто меня здесь вообще нет?

Мой отец встречается со мной взглядом.

— Мы отправляем тебя в Академию Синдиката в штате Мэн, — невозмутимо заявляет он.

Такое чувство, что мои родители выбивают почву у меня из-под ног.

— Это за тысячу миль отсюда. От моих друзей, — протестую я, хотя у меня не так много друзей здесь, в Атланте. — Что за черт?

Мой отец стоит, возвышаясь надо мной во всем своем росте и величии.

— Ты уйдешь, не сказав больше ни слова. Ты — Кармайкл, и тебе пора понять, что это значит.

Он смотрит на мою мать.

— Единственный вариант учебы для тебя — это ходить в школу с такими людьми, как ты.

Я сжимаю кулаки по бокам.

— Ты имеешь в виду отпрысков других преступников?

Я качаю головой.

— Я не хочу иметь ничего общего с твоим отвратительным бизнесом.

Моя мать делает шаг ко мне и с силой хватает меня за запястье.

— Следи за тем, что говоришь, Ева. Я могу лишить тебя всего быстрее, чем ты успеешь выйти из этой комнаты.

Я прищуриваюсь, глядя на нее. Это то, на что я рассчитываю. Мое единственное преступление заключается в том, что я брала кровавые деньги, которые родители давали мне ежемесячно, и откладывала все это на банковский счет, к которому у них нет доступа. Вскоре он пойдет на мое обучение в колледже. Однако я пока не готова разыграть эту карту.

Я знаю их план в отношении меня. Мои родители хотят, чтобы я вышла замуж за босса мафии и позволила другому преступнику перенять семейный бизнес, начав цикл заново. Это никогда не закончится. Я ни за что не стану продолжать наследие и обрекать своих будущих детей на такое ужасное существование.

Кто-то должен разорвать порочный круг, и я намерена быть той, кто наконец положит конец тирании.

Мое сердце трепещет в груди, когда я смотрю на темное, пугающее здание. Его холодный камень и резкие линии лишь предвещают то, что ждет меня внутри. Колонны, обрамляющие вход по всей многометровой длине фасада, только усиливают внушительный эффект.

Я тяжело сглатываю, понимая, что собираюсь поступить в школу, полную отродий кровожадных преступников, которые, вероятно, точно такие же, как мои родители.

— Пожалуйста, не оставляй меня здесь, мама, — говорю я, умоляя ее взглядом.

Выражение ее лица становится жестче, когда она смотрит на меня без каких-либо эмоций.

— Академия Синдиката — идеальное место для тебя, чтобы научиться дисциплине, Ева.

Она заправляет выбившуюся прядь волос за ухо.

— Тебе нужно понять, какого поведения мы ожидаем от тебя как от единственного

наследника клана Кармайклов.

Я ненавижу, когда мать называет меня единственным наследником, потому что все это напоминает мне о моей потере — нашей потере — и все же по тому, как она это говорит, можно подумать, что ее ребенок не был мертв и похоронен.

Карл, мой старший брат, умер два года назад. В отличие от меня, он окунулся в преступную жизнь, как утка в воду. К сожалению, это его погубило. В восемнадцать лет он организовал ограбление с наркотиками, пытаясь произвести впечатление на наше жалкое подобие отца, и неуправляемые байкеры в Атланте убили его.

Несмотря на наши различия, я любила его больше, чем кого-либо другого. Его смерть не только пробила дыру внутри меня, но и оставила единственной наследницей клана Кармайклов, что означает, что родители заставят меня выйти замуж по договоренности с каким-нибудь злым криминальным авторитетом, который сможет продолжить семейный бизнес, поскольку женщины не могут править в одиночку.

Преступный мир по-прежнему не принимает женщин в качестве лидеров в двадцать первом веке. Они планируют продать свою дочь кому-то, кто принесет пользу их бизнесу, но я не намерена подчиняться.

Моя мама щелкает языком.

— Пошли. Директор Бирн ждет нас.

Ее высокие каблуки стучат по каменным ступеням, когда она поднимается ко входу в готическое здание.

— Поторопись, Ева, — говорит она, оглядываясь через плечо.

Я делаю глубокий, успокаивающий глоток воздуха, прежде чем ступить на первую ступеньку. Высокий арочный вход выглядит зловеще, когда я прохожу через него. В глубине души я надеялась, что холодный, суровый внешний вид был только фасадом, однако и внутри каменные стены окаймляют простые, голые коридоры. Стук маминых каблуков отдается эхом, следуя указателям в сторону кабинета директора.

— Не отставай, Ева, — зовет она.

Я ускоряю шаг вслед за мамой, плотнее запахивая кардиган. В моей новой старшей школе холодно.

Кто, блядь, переходит в новую школу за семь месяцев до окончания выпускного класса?

Это безумие. Хотя не настолько, как то, что мои родители посчитали, что я спала с уборщиком. Мой отец даже обвинил меня в попытке забеременеть, чтобы разрушить семью. Меня оскорбляет, что они думают, что я была бы настолько глупа, чтобы забеременеть, даже если бы спала с ним. У меня нет намерения разрушать свою жизнь еще до того, как она началась. Тем не менее, это не помешало матери потащить меня прямиком к врачу, чтобы мне вживили противозачаточный имплантат в руку. В мои планы не входит рождение ребенка. Они включают поступление в колледж и получение степени ветеринара.

Мать и отец всеми способами контролировали мою жизнь с тех пор, как я себя помню, заставляя посещать школу для девочек с младшего возраста, поэтому я не понимаю, почему они отправили меня в школу с совместным обучением сейчас. Они хотели убедиться, что я не общаюсь с мальчиками, но теперь думают, что я опустилась так низко, что попала в объятия школьного дворника.

К тому же этот мужчина был вдвое старше меня. Теперь его уволили за то, чего он не совершал, и родители увезли меня самолетом за тысячи миль от дома. Я не знаю, что более оскорбительно: их вера в то, что я бы поставила мужчину выше своей учебы, или то что они

думают, что мои стандарты настолько низки.

Мама останавливается перед дверью с именем директора Оакли Бирн, вырезанным на латунной табличке. Она уверенно стучит.

— Войдите, — отвечает низкий голос. Голос, от которого у меня по спине бегут мурашки.

В этой школе есть что-то настораживающее. Я почувствовала тревогу в тот момент, когда переступила порог, но не могу понять, почему. Возможно, колонны в готическом стиле и темный камень напоминают мне что-то из фильма ужасов. Это заставляет меня чувствовать, что я вступаю в опасное место.

Мать поворачивает дверную ручку и распахивает дверь, заходя внутрь.

Мое сердце стучит в ушах, когда я вглядываюсь в мрачные глубины офиса передо мной. Чувство надвигающейся катастрофы охватывает меня, когда я чувствую, что меня вот-вот бросят на съедение волкам.

— Пойдем, Ева, — зовет мама.

Я переставляю ноги одну за другой и вхожу в темный офис. Моим глазам требуется мгновение чтобы привыкнуть. А затем, кажется, что мое сердце совсем перестает биться. Пара поразительных аквамаринových глаз пристально смотрит на меня. Мужчина, которому они принадлежат, встает, привлекая мое внимание к бугрящимся мышцам, выступающим под его простой белой рубашкой. Он должен быть примерно шести футов пяти дюймов ростом, поскольку возвышается над столом.

— Миссис Кармайкл, я полагаю? — он спрашивает мою маму, но его глаза ни на секунду не отрываются от меня.

— Да, мне очень жаль, что мы опоздали, директор Бирн.

Мать бросает на меня раздраженный взгляд, как будто это я виновата в задержке нашего рейса.

— К сожалению, с ней у Вас будет полно проблем.

Невероятно.

Меня наказывают за то, чего я не совершала. Я всю жизнь заботилась о том, чтобы ни разу не переступить черту, и вот благодарность, которую я получаю. Они вырвали меня с корнем и перевернули мою жизнь с ног на голову из-за одной глупой выходки. Поскольку это единственное правдоподобное объяснение, которое я смогла придумать, Кейси Хоган, мой заклятый враг в предыдущей школе, подставила меня с помощью фотошопа.

Директор, который вообще не должен быть директором, поскольку выглядит как мужчина-модель, продолжает пялиться на меня с таким напряжением, что у меня трепещет в животе. Он как будто ждет, что я съезжусь и отведу от него взгляд.

— Ни один ученик не является для меня слишком сложным.

Его голос глубокий и мягкий, словно масло. Этот человек не похож на обычного директора, но Академия Синдиката — не типичная средняя школа, судя по тому, что я прочитала в брошюре, которую дала мне мама.

Она смеется, и это самый фальшивый смех, который я когда-либо слышала.

— Нет, я верю, что это правда. Ваша репутация опережает вас.

— Безусловно, — отвечает он, все еще глядя на меня, как будто оценивая.

Я всматриваюсь в его резкие, красивые черты. Мои глаза перемещаются с темных вьющихся волос на твердую, мощную челюсть, обрамленную короткой, ухоженной бородой. Похоже, что мастер-скульптор кропотливо вырезал каждую его черточку. Он настолько

совершенен.

— Ева, — ругает меня мама. — Ответь директору.

Я встречаюсь с ней взглядом, понимая, что не знаю, что он сказал.

— Прости, что?

Она качает головой.

— Видите, что мы терпим? Директор Бирн спросил, нравится ли тебе внешний вид территории?

Я тяжело сглатываю, пожимая плечами.

— Выглядит неплохо.

Впервые с тех пор, как я переступила порог кабинета, я отвожу от него глаза. Жар, разливающийся по моему телу, невозможно игнорировать.

Он прочищает горло и переводит свой пристальный, задумчивый взгляд на мою мать.

— Как успехи Евы в учебе?

Разумеется, это вопрос, который он мог бы задать мне. Мама открывает рот, чтобы ответить, но я вмешиваюсь быстрее.

— Я лучшая в своем классе по всем предметам.

Я высоко поднимаю подбородок и встречаю его устрашающий взгляд.

— Она такая, но она здесь не поэтому. Нам нужно, чтобы она научилась дисциплине и держалась подальше от неприятностей, пока не закончит школу.

Моя мать прочищает горло.

— Мы не можем позволить ей разрушить нашу репутацию.

Я сдаюсь. Родители мне совсем не верят, несмотря на то, что я никогда не давала им повода для этого. Хотя, если бы они знали мой окончательный план разорвать с ними отношения, они бы никогда больше мне не доверяли. Стоит какой-то суке из школы подставить меня, как они тут же верят подделанным уликам.

— Конечно, нет. Студенты со схожим положением послужат Еве хорошим примером для подражания.

Его глаза мерцают злым блеском, от которого у меня по спине пробегают мурашки, когда он возвращает свое внимание ко мне.

— Во время отдыха парни и девушки строго разделены, так как мужское общежитие находится в отдельном здании.

Он смотрит на меня.

— Мы также строго следим за нашим персоналом.

Меня охватывает жар, я смотрю на мать и понимаю, что она рассказала ему, о том, что якобы произошло.

— Это все дерьмо собачье, что я целовалась с уборщиком, — выпаливаю я, заставляя маму ахнуть от нецензурного выражения.

— Кто-то отфотошопил изображение, а мои родители слишком глупы, чтобы понять это.

В любом случае, я не уверена, почему меня волнует, что думает директор.

— Язык, Ева. И не говори о нас с таким неуважением.

Она поднимает руку и сильно бьет меня по лицу (её любимый способ унижить меня), устраивая шоу перед директором.

Я подношу руку к своему горящему лицу, скрипя зубами от раздражения.

Я оглядываюсь на мужчину и, кажется, в его глазах мелькает едва сдерживаемая ярость,

когда он смотрит на мою мать.

Выражение лица директора Бирна становится суровым, когда он отрывает взгляд от нее и возвращается ко мне.

— Я понимаю, что Вы имеете в виду. Если Ева не может взять на себя ответственность за свои действия, я научу ее, что происходит с учениками, которые лгут.

Мое сердце замирает в груди. В его тоне слышится очень серьезная угроза, от которой у меня внутри все сжимается от беспокойства.

— Рада это слышать.

Мама поворачивается ко мне.

— Если я не услышу, что ты следуешь всем правилам в этой школе, я отрекись от тебя, несмотря ни на что.

Я не отвечаю ей, так как знаю, что это пустая угроза. У моих родителей нет другого наследника, так что их частые обещания вышвырнуть меня — полный бред, хотя хотелось бы, чтобы это было не так.

Я хочу, чтобы они отказались от меня, чтобы я могла следовать своей мечте стать ветеринаром. Даже если они не прогонят меня, я уйду сама и никогда не оглянусь, как только закончу школу.

Оак

Ногти впиваются в ладони, я крепко сжимаю кулаки, используя тупую боль для самоконтроля. Какая-то зловещая часть меня жаждет протянуть руку, схватить Анджелу за дурацкий конский хвост, притянуть к себе и обхватить руками ее горло, пока я не вышибу из нее жизнь прямо на глазах у дочери.

Я закрываю глаза, делая глубокий, успокаивающий вдох. Мысленная картина того, как её жизнь ускользает из глаз, как я душу её, пока её дочь наблюдает за этим, приносит удовлетворение, но еще не время.

Под моей кожей кипит ад, провоцируя затаившегося зверя. Мечь никогда не была так близка. Я практически могу ощутить это на своем языке, но убийство здесь и сейчас не принесет ей достаточных страданий.

Ничего, кроме намеренных и мучительных пыток не подходит. Когда я вдоволь позабавлюсь, я с удовольствием сотру семью Кармайкл с лица этой земли.

— Если это всё...

Она бросает взгляд на свою дочь.

— У Евы есть чемодан с вещами, который привезет шофер, — говорит Анджела.

Я стискиваю зубы.

— Да, это все. — Указываю на дверь. — Вы можете идти.

Внимание Анджелы переключается на дочь.

— Веди себя прилично.

Она разворачивается и выходит из офиса, не попрощавшись с Евой. Анджела Кармайкл — эгоистичная и бессердечная стерва, и я ничего другого не ожидаю от такой женщины, как она.

Мой взгляд перемещается на Еву, когда та сжимает челюсти, и я замечаю проблеск тоски в блестящих ореховых глазах, когда она смотрит, как уходит ее мать. Я предполагал, что девушка может быть похожа на свою мать, с этими глубокими бездушными карими глазами и иссиня-черными волосами, но она — полная противоположность, со светло-карими глазами и золотистыми светлыми волосами, волнами спадающими на плечи.

Дверь захлопывается за Анджелой, напоминая мне, что я таращусь на свою ученицу. Такое чувство, будто когти скребут по внутренностям моего тела, пытаюсь вырваться на свободу, когда я позволяю Анджеле Кармайкл покинуть кампус живой. Пять лет я ждал, чтобы отомстить, и это было нелегко, хотя я и терпеливый человек.

Я не удивлен, что Анджела не узнала меня. Мы встречались однажды, и я легально сменил имя во второй раз, когда бежал из Атланты пять лет назад. В глазах закона я Оакли Джеймс Бирн, а не Бретт Оакли Арчер.

Имя, которое стало моей второй натурой. Бретт Арчер умер вместе с Джейн Уильямс и Archer Data Corp.

Анджела настолько эгоцентрична, что я не ожидал, что она узнает меня. Мужчину, которого она и ее муж уничтожили без раздумий, одержимые желанием продемонстрировать свою власть.

Мой план начинает реализовываться, когда она покидает университетский городок, оставляя в моих руках своего единственного наследника. Ключ ко всему. Они так

беспокоятся о репутации своей семьи, что невольно привели свою дочь на порог дьявола.

Я задел за живое поверхностных Кармайклов, заставив забыть о том, что их дочь безупречно чиста. Профессионально обработанной фотографии, на которой она запечатлена со школьным уборщиком — это все, что им понадобилось, чтобы перевести ее в мою академию в штате Мэн.

Жалкие.

Мне нужны были рычаги давления, и их дочь стала идеальной мишенью, хотя я еще не решил, как ее использовать. Весь прошлый год я был сосредоточен только на том, чтобы привести ее в эту академию. Первоначально моей целью был ее старший брат Карл, пока его не убили два года назад.

Я планирую втоптать имя Кармайклов в грязь, используя их дочь, прежде чем устранить их.

Арчер Дэниелс, школьный тренер и один из моих ближайших друзей, согласился завязать с ней отношения для начала, но глядя на невинное создание, стоящее рядом со мной, не думаю, что она может поддаться его обаянию.

Я выглядываю из окна своего офиса, когда Анджела Кармайкл спускается по ступенькам к черному лимузину, на котором она приехала.

— Меня здесь быть не должно, — раздается рядом со мной сердитый голос, возвращая моё внимание к дочери моего врага.

Я удивлен, обнаружив, что ее яркие карие глаза устремлены на меня с таким яростным выражением, на которое мало кто осмелился бы рядом со мной. Я пугаю большинство студентов, но ее, похоже, не смущает мое присутствие. Трудно не заметить ее естественную красоту. Ева Кармайкл внешне является полной противоположностью своей фальшивой, эгоцентричной матери. Тем не менее, она — Кармайкл, а все Кармайклы одинаковы.

— Это совершенно не соответствует действительности. Ты наследница клана Кармайклов.

Я выпрямляюсь и подхожу ближе к ней в попытке запугать ее.

— Академия Синдиката — вот где твое место.

Она высоко поднимает подбородок, ничуть не смущенная моей тактикой запугивания.

— Меня не интересует семейный бизнес.

Зрелая мудрость в уникальных ореховых глазах делает её старше своих восемнадцати лет.

— Слова избалованной принцессы, которая не понимает, что значит зарабатывать на жизнь.

Я качаю головой.

— Ты усвоишь здесь несколько трудных уроков, Ева.

Ее челюсть сжимается, и она расправляет плечи. Девушка не маленькая, но по сравнению с моим ростом она крошечная.

— Я твердо намерена зарабатывать на жизнь, когда закончу учебу.

Ее брови хмурятся, а кулаки сжимаются по бокам.

— Я буду ветеринаром, что бы кто ни говорил. Я не хочу иметь ничего общего с ненормальной преступной организацией моих родителей.

Ее вспышка удивляет меня. По иронии судьбы, я учу студентов, оказавшихся в той же ситуации, что и я в восемнадцать лет, когда сбежал. Ни один из присутствующих студентов не заинтересован в том, чтобы вести честную и ограниченную жизнь. Обычно они такие же

облажавшиеся, как и их родители, если не хуже.

— Тебе не следует говорить об этом другим ученикам, — я прищуриваюсь на нее. — Они воспользуются этим как слабостью.

Не знаю, зачем я предупреждаю ее о других студентах, если мое единственное намерение — помучить эту девушку, но у нас в школе есть несколько сильно испорченных учеников. Парни и девушки, которые разжевали бы ее и выплюнули.

Она сжимает челюсти.

— Быть лучше своих родителей — это не слабость.

Теперь ее глаза пылают гневом.

Ее слова бьют меня под дых, потому что когда-то я был таким же, как она. Она — безнадежный романтик, верящий, что есть спасение от тьмы, но она ошибается и узнает об этом.

— Твои родители хотят, чтобы ты возглавила семейный бизнес, и я здесь для того, чтобы сделать из тебя идеального лидера для этого бизнеса.

Я скрещиваю руки на груди.

— Ты будешь делать то, что тебе говорят, пока ты здесь. Что будет потом, зависит от тебя и твоей семьи.

Я внимательно изучаю ее реакцию, заинтригованной дочерью моего врага. Она совсем не такая, как я ожидал. Вместо умного ответа она держит язык за зубами, но свирепо смотрит на меня.

— Пойдем. Я покажу тебе твою комнату в общежитии.

Я жестом показываю ей, чтобы она выходила из кабинета.

Она разворачивается и уходит, соблазнительно покачивая бедрами.

В этот момент я понимаю, что беззастенчиво пялюсь на ее пышную фигуру и, особенно, на упругий, округлый зад. Покачав головой, я иду за ней, стараясь держаться на шаг впереди.

— Следуй за мной.

Несмотря на то, что каблук Евы намного ниже, чем у ее матери, она цокает по каменному полу, яростно сотрясая воздух. Звук — это все, что стоит между нами, пока мы направляемся к женскому крылу общежития.

Трудно поверить, что после долгих махинаций я завладел самым дорогим для Анджелы и Джейми Кармайклов. Они разорвали мой мир на части и разрушили созданную мной империю за считанные минуты, а также убили женщину, которую я был слишком слеп, чтобы понять, что люблю.

Крупная страховая выплата позволила мне приобрести Академию Синдиката у Артема Сидорова, бывшего командира "Братвы", который с радостью ушел на пенсию в семьдесят один год. Школа имела репутацию учебного заведения для подготовки успешных лидеров, но я пошел дальше, расширив обучение на все мафиозные кланы, а не только на "Братву".

Я беру у Евы ключ-карту, чтобы войти в женское крыло общежития, и веду ее в роскошный коридор. Номера, конечно же, напоминают гостиницу, поскольку семьи не ожидали бы меньшего для своих любимых отпрысков.

Переход из главной школы, холодной и темной, в западное крыло общежития создает странный контраст.

Тихий вздох Евы — тому подтверждение. Звук привлекает мое внимание к ней, и мои брови слегка натягиваются. Я нахмуриваю брови и возвращаю свое внимание к коридору, прокладывая путь через лабиринт дверей к её комнате.

Наконец, нахожу номер шестьдесят девять.

— Это твоя комната. — говорю ей, указывая на дверь. Я протягиваю ключ-карту. — А это твой ключ.

Я провожу им по панели, и она открывается со щелчком.

Она морщит лоб.

— Это школа-интернат или отель?

— Для защиты студентов все комнаты имеют карточный доступ. — Я пожимаю плечами, когда она непонимающе смотрит на меня. — Электронный замок невозможно взломать, — добавляю.

За пять лет, прошедших с тех пор, как я приобрел эту академию, у нас произошло несколько инцидентов, которые повергли бы в шок самых закоренелых преступников. В общей сложности за пять лет мы потеряли семь студентов в результате жестоких нападений. Инциденты потрясли меня до глубины души, но я предполагаю, что никогда не было бы легко собрать наследников криминальных семей под одной крышей. Я толкаю дверь в ее спальню и вхожу внутрь.

— У тебя есть своя комната, за первой дверью — небольшая гостиная, за второй — ванная, ведущая в гардеробную, — объясняю ей.

Ева следует за мной внутрь.

— Это не то, чего я ожидала, увидев остальную часть школы.

Она кладет свою сумку и заходит в комнату, где ее ждет один чемодан. Учитывая, что девушка будет жить здесь, вещей у неё немного.

— Это все, что ты взяла с собой? — Я спрашиваю.

Ева смотрит на меня с грустью в глазах. — Да.

Она слегка пожимает плечами. — Они позволили мне упаковать только одну сумку.

Я сжимаю челюсть, гадая, что это за укол в животе. Может быть, сочувствие? Эта девушка пострадала от таких родителей, как Анджела и Джейми Кармайл. Однако я отказываюсь признавать, что в глубине души, под своей ангельской внешностью, она не такая, как они. Женщина, воспитанная злом, не вырастает незатронутой им.

Я наблюдаю, как она подается вперед и нежно проводит пальцами по кремовому шелковому белью на кровати с балдахином. Нельзя отрицать, что она потрясающе красива, но это маска для того, что скрывается под ней — тьмы и гнилого зла.

— Послушай меня, Ева, — говорю строгим голосом.

Она оборачивается и встречается со мной взглядом, широко раскрыв глаза.

— Простите, сэр.

От слова "сэр" у меня все сжимается внутри, и я чувствую, как набухаю в штанах. Здесь ученицы не называют меня "сэр", так что, возможно, это слово вызывает к моей доминирующей стороне, которую я давным-давно похоронил. Я хмурю брови, глядя на неё и размышляя, почему одно слово, исходящее от этой девушки, так повлияло на меня.

— Слушай внимательно. Ты будешь подчиняться здешним правилам, нравится тебе это или нет. — Я сокращаю расстояние между нами, заставляя ее отступить к стене. — Я не уклоняюсь от телесных наказаний для тех, кто не слушается.

Ева вздрагивает, ее глаза распахиваются, когда воздух со свистом вырывается из легких.

Удовлетворение охватывает меня при первых признаках того, что она действительно находит меня пугающим. Я стискиваю зубы, когда меня охватывает другое чувство, отличное от удовлетворения. Жгучее, запретное вожделение, которое скапливается где-то в глубине

моего нутра.

У нее перехватывает горло, когда она сглатывает, и она качает головой.

— У меня нет проблем с соблюдением правил и никогда не было. Мои родители — наивные идиоты, верящие в то, что я могла завести роман с уборщиком средних лет.

Я поднимаю бровь.

— Жалкое отрицание при наличии фотодоказательств, мисс Кармайкл.

Ее глаза вспыхивают.

— Не тогда, когда существует Photoshop.

Она говорит это так буднично, глядя на меня с восхитительной уверенностью.

— Я могу выбить из тебя отрицание, Ева. — Я делаю паузу, пристально глядя на нее несколько мгновений. — Не думай, что я этого не сделаю.

Она по-прежнему уверена в своей правоте.

— Это не отрицание, сэр. Это правда. — говорит она, отворачиваясь от меня.

— Ты что, проявляешь ко мне неуважение?

Я рычу, хватая ее за запястье и резко разворачиваю к себе.

Ее глаза расширяются, когда она переводит взгляд с моей руки, обхвативший ее запястье, на меня.

— Пожалуйста, отпустите мою руку, сэр.

Я смотрю ей в глаза, игнорируя ее просьбу.

— Никогда больше не поворачивайся ко мне спиной. Ты поняла?

Когда Ева не отвечает, остатки контроля, которые у меня были, утекают сквозь пальцы.

— Обычно я не прибегаю к телесным наказаниям в первый день обучения студента. — Я придвигаюсь к ней ближе, побуждая ее сделать шаг назад, все еще держа за запястье. — Однако ты испытываешь мое терпение своим нахальным отношением. — Я продолжаю двигаться, пока задняя часть ее ног не упирается в кровать. — Я задал тебе вопрос, — рычу я.

Горло Евы подпрыгивает, привлекая мое внимание к ее тонкой шее.

— Да, сэр. Я понимаю, но, пожалуйста, не могли бы Вы убрать свою руку с моего запястья?

Вот оно снова. Напряжение между моих бедер в ту секунду, когда она произносит это гребаное слово. Это все равно, что подбросить бензина в костер.

— Раз уж ты вежливо попросила.

Я наклоняюсь к ней, вдыхая ее аромат — смесь лаванды и жасмина, который сводит меня с ума.

— В следующий раз ты так легко не отделаешься.

Наши губы находятся в нескольких сантиметрах друг от друга, и она смотрит на меня со смесью шока, страха и легкого возбуждения.

— Ты поняла?

Ева прерывисто дышит, отчаянно кивая.

— Да, сэр.

Я отпускаю ее запястье и запускаю пальцы в свои волосы.

— Хорошо.

Я шагаю к двери, чтобы увеличить расстояние между нами.

— Отдохни немного. Одна из моих коллег зайдет к тебе утром и ответит на завтрак ровно в восемь часов.

Я смотрю на часы на стене, чтобы убедиться, что они точно показывают время.

— Никому не открывай эту дверь до утра, что бы ни случилось.

У студентов есть традиция издеваться над новенькими, особенно над теми, кто начинает в середине семестра. Мое предупреждение, говорю я себе, заключается в том, чтобы она не подвергалась опасности, и любая травма не помешала моим планам.

Ее брови хмурятся.

— Почему?

— Ты и твои вопросы меня раздражают. Делай, как я говорю, ясно?

Ева кивает в ответ.

— Окей, сэр. — Она плюхается на кровать. — Я немного отдохну.

Если она будет продолжать в том же духе, я закончу тем, что трахну её как животное в знак приветствия в академии.

Ева перекачивается на живот, задирая ноги в воздух, чем демонстрирует розовые кружевные трусики под юбкой. Когда она понимает, что я все еще медлю и продолжаю смотреть на нее, она говорит.

— Вам еще что-нибудь нужно, сэр? — бросая на меня взгляд через плечо.

Я сжимаю кулаки по бокам, хмуро глядя на нее. Либо она понимает, что демонстрирует мне свое нижнее белье, и это преднамеренная попытка возбудить меня, либо она слишком чертовски невинна, чтобы понять это. Присяжные еще не определились.

— Нет, это все.

Я сжимаю челюсть, глаза все еще прикованы к ее трусикам.

— Не открывай дверь этим вечером.

Я выхожу из комнаты и хватаюсь за ручку двери, захлопывая ее.

Ева Кармайл отличается от того, что я ожидал увидеть в дочери моих врагов. Она влияет на меня, что все усложняет, поскольку я не могу быть тем, кто опозорит ее, не потеряв при этом ничего взамен. Я прислоняюсь спиной к двери и замечаю, что моё дыхание неровное.

Арчер известен своими порочными поступками. Он не директор школы, и мы скрываем его многочисленные интрижки со студентками. Однако, если я переступлю черту, последствия будут совершенно другими, чем из-за поведения Арчера. Это может уничтожить меня во второй раз, и будь я проклят, если позволю еще одному Кармайклу погубить меня.

Ева

Стук в дверь заставляет меня сесть прямо.

— Кто там?

Вспоминаю о предупреждении не открывать дверь и мне интересно, вернулся ли директор Бирн.

Он самый страшный мужчина, которого я когда-либо видела, а я встречалась с несколькими отвратительными персонажами из-за рода деятельности моих родителей, но он также самый красивый мужчина.

— Это твоя соседка, — отвечает голос.

Я встаю и подхожу к двери, раздумывая нужно ли открывать ее после предупреждения Оака.

— Чего ты хочешь? — спрашиваю я.

— Хотела представиться. Я живу слева от тебя.

После чего следует мгновенье тишины.

Я морщу лоб, размышляя, почему директор Бирн посоветовал мне не открывать дверь. Если я хочу вписаться в общество, то должна быть дружелюбной, а отказ открывать дверь — не самый лучший способ завести знакомства.

Я открываю дверь невысокой симпатичной девушке с рыжими волосами.

— Привет.

Она ухмыляется.

— Привет. Ты — Ева Кармайкл, верно?

Я сжимаю челюсть и киваю.

— Да, а ты?

— Джинни Дойл, — говорит она, протягивая мне руку для пожатия.

Я с тревогой смотрю на неё.

— Как Дойл из Чикаго? — спрашиваю, понимая, что она родственница Каллаганов из Чикаго. Я знаю, что каждый ребенок здесь — потомок известных преступников. Именно по этой причине, я никогда не впишусь сюда, но, по крайней мере, это всего на семь месяцев.

Она наклоняет голову.

— Да, ты собираешься оставить меня торчать здесь? — она смотрит на свою руку.

Я пожимаю ее, и в ответ Джинни так яростно сжимает, как будто пытается переломать мне кости.

— Приятно познакомиться, — говорю я, отнимая свою руку.

Она улыбается, но это злобная улыбка, от которой по моему телу пробегают мурашки.

— Тебе не следовало открывать дверь, — говорит она, когда по обе стороны от нее появляются две девушки.

Меня охватывает ужас, и я захлопываю дверь у них перед носом, но две девушки останавливают меня, толкая ее настежь.

— Что вам нужно?

Я подавляю свой страх.

Одна из новеньких хрустит костяшками пальцев.

— Поприветствовать тебя в Академии Синдиката.

Голос отца звучит в моей голове, когда я смотрю на трех девушек, желающих мне зла.

Тебе нужно научиться вести свои собственные сражения, Ева.

Когда мне было шесть лет, родители записали меня на занятия боксом, хотя я не проявляла к нему никакого интереса. Они заставляли меня продолжать, пока мне не исполнилось шестнадцать, и мой учитель гарантировал им, что я смогу постоять за себя в кулачном бою. Возможно, я наконец-то смогу применить полученные навыки. Хотя одной против троих будет непросто.

Я делаю шаг в сторону от них, готовясь к нападению.

— Я не хочу никаких неприятностей. — поднимаю руки вверх.

Одна из подружек ухмыляется.

— Жаль, что они нашли тебя.

Я сжимаю кулаки и держу их перед лицом.

— Как скажешь.

Они все смеются надо мной, что только злит меня.

Джинни наносит удар первой, бросаясь на меня и нанося удар в живот. Я отступаю, а затем бью ее по лицу, заставляя врасплох.

Одна из других девушек подходит ко мне и бьет кулаком в грудь. Я хватаю ее за запястье и сильно выворачиваю его, ударяя коленом ей в живот.

Она стонет, когда я отпускаю ее, толкая обратно к другой девушке.

Джинни снова подается вперед, глаза сверкают от ярости.

— Неплохо для новичка.

Я прищуриваюсь, глядя на нее.

— Я не новичок.

Она смеется.

— Я слышала, ты чертова снежинка, которая даже никого не убивала. — Она наклоняет голову набок. — Какая наследница клана не убивала к восемнадцати годам?

У меня сводит живот.

— Ты больна, если думаешь, что это повод для хвастовства — отнимать чью-то жизнь.

Джинни бросает взгляд на одну из своих подруг.

— Ты можешь в это поверить?

Она качает головой.

— Сучка не заслуживает места в Академии Синдиката, если хочешь знать мое мнение.

Я свирепо смотрю на них обоих.

— Тебя никто не спрашивал.

Они обмениваются взглядами.

— Ей нужно преподать гребаный урок, — говорит другая девушка, хрустя костяшками пальцев.

Я держу кулаки перед собой, как меня учили. Не в моем характере быть агрессивной, но я буду защищаться.

Она налетает на меня и наносит удары в левый бок, которые я легко блокирую. Девушка теряет терпение, и слишком быстро наносит удар справа. Я сильно бью ее кулаком в живот, из-за чего она стонет и сгибается пополам.

— К черту это, — говорит Джинни, бросаясь на меня.

Она валит меня на пол, нанося удар за ударом. Я изо всех сил пытаюсь оттолкнуть ее, но ее сила подавляет меня: она наносит около трех сильных ударов, прежде чем я успеваю

сбросить ее с себя.

Из моей разбитой губы сочится кровь.

— Что с тобой не так? — спрашиваю я, отказываясь верить, что этим девушкам доставляет удовольствие причинять боль другим. В этом нет никакого смысла, но мой брат был таким же, полный решимости доказать, что достоин порочной империи, которую построили мои родители.

— Ничего, — отвечает Джинни. — Чего ты ожидала от академии, полной наследников мафии?

Я не ожидала такого дерьма в свой первый вечер здесь. Факт в том, что я буду выделяться, как бельмо на глазу, потому что у меня нет в планах перенимать бизнес моих родителей.

Самая высокая из девушек выходит вперед.

— Если ты думаешь, что это плохо, ты будешь удивлена.

В ее тоне звучит жестокость, когда она лезет в карман и достает оттуда какой-то предмет. Она так быстра, что я успеваю заметить лишь вспышку металла, когда она делает выпад вперед и вонзает нож мне в правую ногу.

Я кричу в агонии, когда она выдергивает его, отчего кровь брызгает в воздух. Мой желудок сжимается при виде крови, хльщущей из глубокой раны, и я делаю шаг назад, что только усиливает кровотечение.

Боль ужасна, когда я нагружаю ногу, поэтому я балансирую на одной ноге, зная, что они могут напасть снова, и я не смогу от них отбиться.

— Что за черт? — говорю, свирепо глядя на них, когда чужеродная ярость проникает в мою кровь. — Трое против одного итак достаточно несправедливо, так еще и с ножом?

Та же девушка, которая ранила меня, ухмыляется и подходит ближе, вертя нож в руке.

— Поскольку ты отбивалась, к тебе особое отношение.

Я отпрыгиваю назад на единственной здоровой ноге, зная, что лишь оттягиваю очередную болезненную атаку. Мой взгляд устремляется к дверному проему, за которым уже собралась публика, но никто не приходит мне на помощь.

Высокая девушка снова наступает на меня, и я уворачиваюсь от нее, но только чуть-чуть, падая при этом и приземляясь плашмя на задницу.

От толчка ногу пронзает мучительная боль и я рычу, раздраженная тем, что не могу дать отпор этим ненормальным.

Они убьют меня?

Я бы всего ожидала от студентов этого сумасшедшего дома. Это место должно быть незаконным, но копы, как и все власти в этом мире, коррумпированы, как и преступники. Деньги — корень всего зла, и если у вас их достаточно, не имеет значения, какие отвратительные преступления вы совершаете. При наличии денег всё это исчезнет.

Девушка ухмыляется мне сверху вниз, направляя нож на другую ногу. Она удерживает мой взгляд, наслаждаясь страхом, который исходит от меня.

Она делает движение, чтобы вонзить нож мне в другую ногу, но я обезоруживаю ее, вырывая нож из её руки, когда она меньше всего этого ожидает.

Я направляю на нее нож, размахивая им.

— Отойди нахуй от меня.

Девушка ухмыляется.

— Или что? Ты собираешься пырнуть нас ножом?

Я вливаюсь в нее взглядом, темная ненависть кипит у меня под кожей.

— Да, держись от меня подальше, черт возьми.

Та же девушка достает что-то из кармана и щелкает запястьем, открывая складной нож. Пока я пытаюсь придумать план, сердце стучит в ушах. Возможно, я сделаю только хуже, если буду стоять, пока из раны хлыщет кровь, но я пытаюсь подняться на ноги. Я снова падаю на задницу, к удовольствию нападавших.

— Какая жалкая слабачка, — говорит Джинни, глядя на других девочек. — Что нам с ней делать?

Голова плывет от потери крови, вызывая головокружение. Я не уверена, что эти девушки хотя бы дважды подумают перед тем, как убить меня. Я крепче сжимаю нож в своей руке, оставаясь сосредоточенной.

— С дороги, — гремит директор. — Все вы, возвращайтесь в свои комнаты.

Девушка роняет нож на пол рядом со мной, ее лицо бледнеет, когда она отскакивает, как будто кто-то дал ей пощечину. Она боится, что ее поймают директор. Я бы не удивилась, если бы это было частью учебной программы, поскольку они воспитывают жестокость и темноту.

Пронзительные аквамариновые глаза директора находят мои, и в них полыхает гнев. Я не могу понять, направлен ли он на них или на меня.

— Вы трое будете отчитываться перед профессором Ниткиным. — Он свирепо смотрит на них. — Он будет отвечать за ваше наказание.

Три девушки бледнеют, Джинни смотрит на меня со жгучей ненавистью. Они поворачиваются и уходят, так что я остаюсь наедине с директором Бирном. Как только они уходят, он обращает свое внимание на меня.

— Что я тебе говорил, Ева? — спрашивает он.

Я прерывисто выдыхаю и морщусь: ребра болят от полученных ударов.

— Не открывать дверь.

Я остаюсь на полу, чувствуя себя крошечной, когда он возвышается надо мной.

Его глаза горят яростью, он движется ко мне, сокращая расстояние.

— И что ты сделала?

— Открыла дверь.

Стыд охватывает меня, когда я отвожу глаза.

— Мне очень жаль, сэр.

Тихий рык срывается с губ директора Бирна, когда он присаживается на корточки рядом со мной. Этот звук пугает меня, но также оказывает странное воздействие, которое я не могу до конца понять. Его землистый, мускусный аромат проникает в мои чувства, когда он подходит так же близко, как ранее этим вечером.

Он бросает пиджак на мою кровать, снимает галстук, и расстегивает рубашку, отчего по моему телу разливается тепло.

— Что Вы делаете? — спрашиваю я.

Его глаза сужаются, фокусируясь на ране на моей ноге.

— Мне нужно быстро наложить жгут на колотую рану. Ты теряешь слишком много крови, и я боюсь, что задета артерия.

Он снимает рубашку, и невозможно не восхищаться его мускулистым телом и темными татуировками, которые покрывают его руки и левую часть груди, даже когда я истекаю кровью, или, возможно, это потому, что я истекаю кровью, так как от этого у меня немного

кружится голова.

Он отрывает рукав и достает ручку из кармана пиджака, быстро используя ткань и ручку, чтобы наложить жгут на рану. Очевидно, что мужчина делал это раньше, поскольку жгут мгновенно останавливает кровоток. Закончив, он натягивает рубашку обратно, несмотря на отсутствие рукава, и застегивает ее, а затем надевает пиджак.

Он встречается со мной взглядом, присаживаясь передо мной на корточки.

— Обними меня за шею.

Мои глаза расширяются.

— С-сэр?

Он закрывает глаза и делает долгий, прерывистый вдох, пугая меня.

— Я сказал, обними меня за шею.

В его голосе слышатся убийственные нотки.

Я тяжело сглатываю, не решаясь прикоснуться к этому грубому мужчине. Он настолько красив, что это пугает, особенно так близко.

Его горящие глаза находят мои, а челюсть сжимается. Напряженность в этих аквамариновых глубинах вызывает у меня странное ощущение в животе.

— Не заставляй меня повторяться.

Медленно обвиваю руками его шею, тепло его кожи обжигает меня, заставляя осознать, насколько я замерзла. Я дрожу, мое тело жаждет его тепла, а голова кружится. Он прав. Я потеряла много крови, и когда закрываю глаза, мое тело хочет отключиться.

Директор Бирн просовывает одну руку под мои колени, а другой обхватывает за спину, поднимая меня, словно я ничего не вешу.

— Остайся со мной, Ева. Что бы ты ни делала, не закрывай глаза.

Мой желудок трепещет. Сильное давление мышц директора Бирна на мое тело, когда он прижимает меня к себе, опьяняет. Его тепло безопасно и успокаивает, хотя этот мужчина пугает меня до смерти. Он напряженный, задумчивый и устрашающий, но у меня такое чувство, что ему нравится, когда ученики его боятся.

— Куда Вы меня несете? — спрашиваю, нарушая тишину между нами.

Его челюсть сжимается и он продолжает смотреть вперед.

— Я не потерплю глупых вопросов.

Я прикусываю нижнюю губу, сосредотачиваясь на чем угодно, только не на великолепном лице моего нового директора. На таком близком расстоянии, это вроде как невозможно игнорировать. Он прекрасен, и то, как он несет меня — интимно и заставляет меня пылать изнутри. Не говоря уже о том, что от него божественно пахнет мускусом, сосной и еще чем-то, что я не могу точно определить. Мои бедра сжимаются вместе, когда желание к нему усиливается.

— Думаю, что смогу идти сама, сэр, — предлагаю я, чувствуя, как все мое тело нагревается от продолжительной близости с ним, жар между бедер нарастает, когда чувство осознания покалывает мою кожу.

Директор Бирн качает головой.

— Я повидал немало ножевых ранений, и если ты попытаешься пройти, это причинит больше вреда, чем пользы, а ты потеряешь больше крови.

Я тяжело сглатываю, задаваясь вопросом, как часто в этой академии людей режут ножом.

— Значит, здесь часто подрезают студентов? — спрашиваю, желая, чтобы мой голос не

звучал так испуганно и ничтожно.

Его челюсти сжимаются, и он кивает.

— Да.

Это все, что он говорит, вынося меня прямо из парадного входа холодной, величественной школы и одной рукой открывает пассажирскую дверцу большого внедорожника, прежде чем осторожно усадить меня на сиденье.

— Пристегнись.

Он захлопывает дверь, заставляя мое сердце колотиться о грудную клетку.

Я делаю, как он говорит, надеваю ремень и защелкиваю его на месте.

Директор Бирн, не глядя на меня, обходит машину, садится в водительское кресло и включает двигатель. Урчание двигателя — это все, что стоит между нами, когда он выезжает через кованые ворота.

Оак

Нередко я звоню родителям новых учеников в первое же утро, чтобы сообщить о происшествии, но не понимаю, почему должен это делать для Евы.

Я предупредил ее, чтобы она не открывала дверь, но она проигнорировала мое предупреждение. Проведя рукой по волосам, беру телефон со своего стола и набираю номер Джейми Кармайкла. Я сжимаю пластик так сильно, что удивляюсь, как он не трескается пополам.

Раздается гудок, и через несколько мгновений он отвечает.

— Алло.

Я бы узнал его голос где угодно.

— Мистер Кармайкл. — Я прочищаю горло. — Это директор Бирн из Академии Синдиката.

Он вздыхает. — О, ради Бога. Что она натворила на этот раз?

Я сжимаю свободный кулак, подавляя рычание, которое пытается вырваться на свободу. Ева совсем не похожа на других студентов — она невинна, учитывая, что является дочерью двух самых ужасных людей, которых я когда-либо встречал.

— Несколько девушек напали на Еву в ее комнате. В данный момент она находится в больнице, поскольку получила ножевое ранение левой ноги, перелом ребра и несколько поверхностных ушибов. — Я на мгновение замолкаю. — Я должен информировать вас обо всех инцидентах, которые происходят в кампусе.

Джейми Кармайкл щелкает языком.

— Отлично. Надеюсь, это заставит ее постоять за себя в будущем.

Постоять за себя?

Я сжимаю челюсть, так как знаю, что слова, которые хочу сказать, разозлят его.

Для девушки, которая настаивает на том, что не хочет иметь ничего общего с миром, в котором родилась, она неплохо справилась с тремя самыми жестокими девчонками в школе. Ева отбивалась, но они превосходили ее числом трое на одну. Не говоря уже о том, что зачинщицы ввязались в драку с ножом, склонив чашу весов в свою пользу.

Я не удивлен, что реакция ее отца такая бесчувственная. Оба супруга заслуживают того, чтобы гнить в аду.

— Действительно. Это был исключительно звонок вежливости, — выдавливаю я, изо всех сил пытаюсь сдержать ярость, поднимающуюся на поверхность.

Он вздыхает. — Не сообщай мне в следующий раз, когда Ева будет ранена. — На несколько мгновений наступает тишина. — Я жду от тебя вестей только в том случае, если она будет мертва, и тогда я сам убью тебя.

Он бросает трубку, разжигая огонь, бушующий внутри меня.

Когда я планировал свою месть, она выглядела по-другому. Вместо желания мучить и причинять вред их дочери, я не могу не пожалеть ее. Я швыряю телефон и массирую виски.

Хватаю со стола пресс-папье и бросаю его через всю комнату. Он ударяется о стенку и разлетается на осколки. Все идет не так, как я планировал. Ева Кармайкл должна была быть похожа на своих эгоистичных родителей, и все же мне трудно увидеть в ней что-то иное, чем жертву их умышленного пренебрежения.

Я беру бутылку скотча со своего стола и наливаю себе стакан, наслаждаясь тем, как он обжигает мое горло. Для учителя необычно пить на рабочем месте, тем более что через час у меня занятия, но мне насрать.

Ева преследует меня с тех пор, как я увидел ее, по совершенно неправильным причинам. Она сильная и знает, чего хочет. Ее решимость стать ветеринаром очаровательно невинна и восхитительно храбра, даже если она наивно верит, что когда-нибудь сможет оторваться от родителей. Они выследят ее, если она попытается сбежать.

Звонит офисный телефон, и я вижу по определителю номера, что это из больницы.

— Алло, говорит Оакли Бирн.

— Мистер Бирн, это доктор Кенворд. — Наступает короткое молчание. — Я звоню по поводу Евы Кармайл.

— Да.

Я тяжело сглатываю, вспоминая, как ее широко раскрытые карие глаза следили за мной, когда я оставлял ее одну в больнице. Часть меня чувствовала себя виноватой, что абсурдно. Я не мог провести с ней ночь в больнице.

Он вздыхает.

— Ножевое ранение не затронуло крупных артерий, но мы не можем точно сказать, повреждены ли нервы.

Я скрежещу зубами. Еве досталось от трех девчонок больше, чем остальным, и я думаю, это потому, что она давала им отпор.

— Как долго она должна находиться в больнице?

— Ей нужен отдых, но мы бы предпочли оставить ее у себя на несколько дней, чтобы быть уверенными, — предлагает он.

— Разве медсестра не может присмотреть за ней здесь? — Спрашиваю я, не желая, чтобы она оставалась вдали от академии дольше, чем она уже есть.

На несколько минут воцаряется тишина.

— Как Вам угодно, при условии, что ваша медсестра достаточно уверена в себе, чтобы обработать ножевое ранение.

Элейн Джаспер — наша постоянная медсестра, и она имела дело со многими ужасными травмами. Ножевые ранения — ее специализация в этой школе.

Раны Евы были серьезными, но ничего такого, с чем она не смогла бы справиться. Поскольку вчера у Элейн был выходной, мне ничего не оставалось, как отвезти ее в местную больницу.

— Я уточню у нее и дам Вам знать позже.

Не хочу вызывать у него подозрений по поводу того, что происходит в этой школе.

Он прочищает горло.

— Правильно ли я понимаю, что это был несчастный случай?

В его тоне слышится подозрение, вот почему мы не пользуемся услугами больниц.

— Да, Ева упала на кухне с ножом и порезала себя, — невозмутимо уверяю его, в моем тоне нет неуверенности.

— В будущем мы будем более внимательно относиться к тому, кто может входить на кухню.

— Безусловно. — Между нами несколько мгновений тишины. — Что ж, я буду ждать решения вашей медсестры. — Он отменяет звонок.

Я тяжело вздыхаю и закрываю глаза, потирая виски. Было бы намного проще, если бы

брат Евы, Карл, оставался моей целью.

Что касается ее брата, то яблоко от яблони недалеко упало. Он был точно такой же, как его родители, но я с трудом добился, чтобы тот поступил в академию. Его отец хотел, чтобы он с раннего возраста был глубоко вовлечен в семейный бизнес, и все мои усилия были тщетны. Вскоре после моей последней попытки уговорить его присоединиться, я узнал о его смерти и понял, что должен направить свои усилия на их дочь.

Ева Кармайкл.

Невинный цветок на поле, заросшем темным ядовитым плющом. Непонятно, как она осталась, казалось бы, нетронутой тьмой, но это усложняет ее использование.

Под невинным фасадом должен скрываться тот же безжалостный эгоизм, который воплощают в себе ее родители, и я его раскопаю. Я не верю, что она так идеальна, как кажется на первый взгляд, и я намерен разорвать ее на части и раскрыть правду, прежде чем погубить ее никчемную семью вместе с ней.

Сердце сильно колотится о грудную клетку, когда я направляюсь в больничную палату Евы. Перспектива встречи с ней оказывает на меня нежелательное воздействие. Когда я добираюсь до комнаты и заглядываю в окно, то чувствую, как у меня сжимается желудок.

Ева сидит в постели, выпрямившись, и читает книгу по ветеринарии. Большинство девушек целыми днями просиживали бы в телефонах, листая отупляющие социальные сети. В одном я отдам ей должное: она предана своим мечтам.

Ненавижу, что мое восхищение ею растет, особенно когда это восхищение работает против меня. Она станет сопутствующим ущербом в моей жажде мести, но было бы проще, если бы ее было легко невзлюбить.

Я делаю глубокий вдох и вхожу через открытую дверь в палату. Сначала она меня не замечает.

— Ты возвращаешься со мной, Ева, — объявляю я, скрещивая руки на груди.

Она поднимает голову, и её красивые ореховые глаза расширяются.

— О, я думала, что должна остаться здесь на несколько дней, сэр.

Я сжимаю челюсть, чувствуя, как желание сильнее овладевает мной при употреблении этого чертового слова.

— Почему ты называешь меня "сэр", Ева?

Она хмурит брови. — Так я всегда называла своих учителей. — Ева пожимает плечами. — Наверное, на юге это естественно.

Она не извиняется за это и не спрашивает, следует ли ей прекратить. В глубине души я не хочу, чтобы она это делала.

— Понимаю. — Я держу руки скрещенными на груди. — Сегодня в академию вернулась медсестра Джаспер, и она позаботится о тебе в изоляторе.

В ее глазах мелькает страх, а горло сжимается, когда она сглатывает. Понятно, что после случившегося Ева опасается возвращаться в школу.

— Не волнуйся. Эти студентки больше и близко к тебе не подойдут, — уверяю я ее, подходя ближе к кровати. — Я гарантирую это.

Я замечаю смесь любопытства и облегчения на ее лице.

— Как Вы можете быть уверены в этом?

Я сажусь на стул рядом, сжимая кулаки, чтобы удержать себя от прикосновения к ней.

— Профессор Ниткин наказал их. Они не посмеют тронуть тебя снова.

Ее нежное горлышко подрагивает, когда она снова сглатывает.

— Понятно.

Между нами повисает напряженная тишина, пока мы оба смотрим друг на друга, в воздухе потрескивает электричество.

Она хмурит брови.

— Вы рассказали моим родителям? — её голос звучит неуверенно.

Я не могу понять, почему чувствую вину за свой ответ.

— Я говорил с твоим отцом. Он велел мне не рассказывать ему о возможных будущих травмах.

Вспышка печали появляется в ее потрясающих глазах, но мгновенно исчезает, когда она стискивает челюсти.

— Конечно, он сказал это. — Она смотрит на свои руки, лежащие на кровати, сжимая пальцы.

Трудно не пожалеть ее, а это осложнение, которое мне не нужно. Наследница клана Кармайклов — полная противоположность людям, которые причинили мне зло пять лет назад, но это может быть прикрытием. Я не готов поверить, что ее не коснулась тьма, в которой она выросла.

— Ты готова уходить? — спрашиваю.

Ее губы поджимаются, и она прищуривается, глядя на меня.

— Как только я оденусь... Хотя понадобится медсестра, чтобы помочь мне надеть брюки.

Я тяжело сглатываю при упоминании о том, что ей нужно одеться, а это значит, что под тонким больничным халатом она практически голая.

— Я поищу кого-нибудь.

— Спасибо, — отвечает она, возвращая свое внимание к книге.

Я выхожу из палаты и ищу медсестру, но никого не вижу. За стойкой регистрации сидит молодая женщина, и я подхожу к ней.

— Извините, здесь есть медсестра, которая помогла бы моей ученице одеться?

Она хмурится, когда смотрит на меня.

— Они все заняты. Произошла ужасная дорожная авария, и весь персонал помогает в отделении неотложной помощи.

Я сжимаю челюсть.

— Вы можете помочь? — спрашиваю её.

Она качает головой.

— Мне не разрешается оставлять стол без присмотра. У нас здесь много конфиденциальных файлов.

Я тяжело вздыхаю, потирая переносицу.

— Хорошо. — отвечаю и ухожу, возвращаясь обратно в палату.

Ева лежит на кровати с закрытыми глазами, прижав запястье ко лбу. Я стискиваю зубы при мысли о том, что мне придется помочь ей одеваться. У меня нет выбора.

Я прочищаю горло, когда захожу внутрь, заставляя ее подпрыгнуть.

Она сдвигает брови.

— Медсестры нет?

Блядь.

— Произошла неприятная авария, и в настоящее время нет свободного персонала.

На ее лице появляется неподдельное беспокойство.

— Надеюсь, никто не пострадал слишком сильно.

Она без посторонней помощи перебирается на край кровати и, морщась, свешивает ноги.

— Я разберусь с этим сама, сэр.

Она выжидающе смотрит на меня. Когда я не двигаюсь, она откашливается.

— Не могли бы Вы остаться снаружи?

Я качаю головой.

— Ты не можешь одеться сама. — Мои челюсти сжимаются. — Я помогу.

Ее глаза расширяются, а щеки становятся ярко-красными.

— В — в этом нет необходимости, сэр.

— Ты не можешь одеваться в таком состоянии. — Я беру ее сумку. — У тебя есть что-нибудь, что не будет давить на рану?

Я чувствую, как мое сердце стучит у меня в ушах при мысли о том, чтобы помочь ей одеться.

Ева все еще выглядит шокированной, когда качает головой.

— Я не уверена. Может быть, юбка, но сейчас холодно, не так ли?

Юбка не должна быть слишком сложной задачей. Я киваю в ответ.

— Да, но в машине есть отопление, и мы доставим тебя прямиком в лазарет. — Я открываю сумку, нахожу юбку и беру блузку и джемпер. — Это подходит? — спрашиваю я.

Она краснеет еще больше, когда кивает.

— Да, но также мне нужно нижнее белье, сэр.

Блядь. Ева говорит мне, что она совершенно голая под больничным халатом.

— Конечно.

Я роюсь в сумке и нахожу черный кружевной лифчик и черные стринги в тон, от которых мой член твердеет в штанах. Я крепко сжимаю ткань в руках, представляя ее именно в этом, невинно смотрящую на меня, пока я целую каждый дюйм ее нежной кожи.

Что, черт возьми, со мной не так?

Эта ситуация не могла быть более неуместной.

Я прочищаю горло, кладу одежду на кровать и встаю рядом с ней.

— Ты можешь стоять?

Ева пожимает плечами.

— Я не пыталась без посторонней помощи.

Мое сердце бьется так сильно, что кажется, будто оно пытается пробить мою грудную клетку.

— Наверное, будет лучше, если ты останешься сидеть, — говорю я.

Она кивает в ответ.

— Да, сэр.

Ее щеки багровеют, когда она наблюдает за мной, а губы слегка приоткрываются, пока наши взгляды остаются прикованными друг к другу.

Я тяжело сглатываю и хватаю черные стринги, опускаясь перед ней на колени.

Из-за такой позиции невозможно не представить, как я прижимаюсь ртом к ее центру, заставляя ее выкрикивать мое имя. Я выбрасываю эти мысли из головы и для начала слегка приподнимаю ее раненую ногу.

Ева морщится, доказывая, что она не смогла бы справиться со всем одна. Наклониться

было бы достаточно сложно, особенно с ее ушибленными ребрами.

Я натягиваю ткань на ее левую лодыжку, затем на правую, прежде чем осторожно поднять трусики вверх по ее пышным бедрам. Мой член тверд и пульсирует от желания, когда пальцы скользят по ее нежной фарфоровой коже. Когда добираюсь ими до верха ее бедер, Ева хватает мои руки в свои, широко раскрыв глаза. Ее язык смачивает нижнюю губу.

— Думаю, что дальше смогу справиться с этим, сэр, — бормочет она.

Я сжимаю челюсть, жалея, что она остановила меня. Все, чего я хочу, — это провести пальцем по ее центру и почувствовать, какая она влажная. То, как она вздрагивает от моих прикосновений, является достаточным доказательством того, что она возбуждена. Добавьте к этому ее прерывистое дыхание, когда ее грудь яростно поднимается и опускается, и румянец на щеках. Я чувствую, что она, вероятно, промокла насквозь из-за меня.

Я прочищаю горло, пытаюсь сосредоточиться.

— Конечно.

Убираю руки с ее трусиков и сжимаю кулаки по бокам, переключая свое внимание на юбку.

Ева морщится, извиваясь, чтобы надеть стринги. Они отличаются от розовых кружевных трусиков, которые были на ней в день приезда.

— Готова? — спрашиваю, держа юбку.

Она кивает, делая глубокий вдох.

— Да, сэр.

Я бы хотел, чтобы она не была такой чертовски вежливой прямо сейчас. Игнорируя набухший член, снова приседаю перед ней, и поднимаю ее левую ногу, продевая через нее юбку, затем поднимаю правую ногу и делаю то же самое.

Ева снова морщится, но я не могу сфокусироваться на этом. Все, на чем я могу сосредоточиться, — это не срывать стринги и юбку и не зарываться головой между ее полных бедер. Мои импульсы настолько первобытны, что кажется, будто они пытаются сжечь меня изнутри. Я на грани потери контроля.

На этот раз я позволяю своим пальцам скользить по ее коже сильнее, медленно поднимая ее юбку, желая чувствовать ее как можно дольше.

Она тихо ахает, когда мои пальцы намеренно скользят по внутренней стороне ее бедер. Ее широко раскрытые невинные глаза устремляются на меня, что приводит меня в чувство, и я отпускаю юбку. Она поправляет ее до конца, застегивая молнию сбоку.

— Ты сможешь справиться с этим отсюда? — говорю я, бросая взгляд на лифчик и блузку.

Она тяжело сглатывает.

— Я не думаю, что надену лифчик. У меня болят ребра.

Я киваю в ответ и хватаю бюстгальтер, запихивая его обратно в сумку. Я вижу очертания ее сосков под больничным халатом, который на ней надет. По крайней мере, свитер скроет их от моего взгляда.

— Тебе помочь с блузкой и свитером?

Часть меня хочет, чтобы она сказала "да". Мысль о том, чтобы увидеть ее красивые, сморщенные соски, сводит меня с ума от желания.

Она качает головой.

— Нет, сэр. Я справлюсь. Если Вы подождете снаружи, я крикну Вам, когда буду готова. Я стою там, борясь с первобытным желанием взять эту девушку здесь и сейчас.

— Конечно. — Я поворачиваюсь и выхожу из комнаты, закрывая за собой дверь. Прислоняюсь к ней спиной, пощипывая переносицу.

Во что, черт возьми, я сейчас вляпался?

Ева Кармайл — воплощение невинного искушения, и я не уверен, что смогу удержаться от того, чтобы не откусить кусочек запретного плода. Плода, который я намерен уничтожить вместе с ее семьей. Мое желание к ней — это осложнение, которое мне не нужно.

Ева

В машине воцаряется неловкая тишина, подчеркиваемая ревом двигателя, когда директор Бирн подъезжает к академии. Он не должен был помогать мне одеваться в больнице, так как это неуместно.

Мое тело покалывает от того, как его пальцы нежно скользили по моей коже. Он как будто старался превратить меня в расплавленную лужу желаний, хотя, возможно, это и не входило в его планы.

Я и сейчас все еще ощущаю это сексуальное напряжение, но не могу понять, исходит ли оно от меня или я просто выдаю желаемое за действительное. Конечно, директор Бирн — самый привлекательный мужчина, которого я когда-либо встречала, но я также под кайфом от обезболивающих.

Я ни за что не привлекла бы такого мужчину, как он, тем более что я его ученица, ученица, которую родители отправили сюда, потому что я якобы переспала с уборщиком в моей последней школе. Он может предположить, что я шлюха, которая переспит с кем угодно, и, возможно, он прощупывает почву. Это не шокировало бы меня, так как эта школа необычна.

Директор Бирн с напряжением смотрит на дорогу. Его большие пальцы крепко сжимают руль, костяшки пальцев побелели.

Я не понимаю, почему он так зол.

— Я сделала что-то не так, сэр?

Он усиливает хватку, глаза сужаются, но не отрываются от дороги.

— Нет, почему ты так говоришь?

Я тяжело сглатываю, накручивая на палец локон волос.

— Вы кажетесь всегда таким сердитым. — Я пожимаю плечами, когда его пронзительные аквамариновые глаза на мгновение переходят на меня. — Я подумала, может быть, это потому, что у Вас ко мне претензии.

Из его груди вырывается тихий рокот, когда он качает головой.

— Я не сержусь, Ева.

Я смеюсь.

— Могли бы обмануть меня.

Его хватка становится еще крепче, кожа скрипит под давлением. Напряжение в его плечах и сжатая челюсть, когда он стискивает зубы, указывают на то, что он лжет мне.

Между нами повисает тишина, поскольку он не намерен продолжать разговор, сосредоточив все свое внимание на дороге.

Я смотрю в окно, наблюдая, как исчезает город, когда мы направляемся в лес, усаженный деревьями, где Академия Синдиката скрыта от посторонних глаз.

— Мэн прекрасен, — говорю я, поглядывая на директора. Это так отличается от бетонных джунглей Атланты, в которых я выросла. — Вы видели черного медведя, сэр?

Он качает головой.

— У меня нет времени ходить в лес.

Я чувствую разочарование, что он не поддерживает со мной разговор, но у меня ощущение, что Оакли Бирн — человек, который предпочитает не участвовать в светских

беседах.

— Тогда что Вы делаете для развлечения? — спрашиваю я, задаваясь вопросом, занимается ли он чем-нибудь еще, кроме преподавания и управления академией.

— Развлечения? — он усмехается, ухмылка играет в уголках его губ, несмотря на все его попытки сдержать ее. — Я слишком занят, чтобы развлекаться.

Я наматываю волосы на пальцы, сосредоточившись на красивом мужчине, сидящем рядом со мной.

— Это позор. Жизнь слишком коротка, чтобы быть скучной.

Я тяжело сглатываю, думая о своем покойном брате. Его жизнь едва началась, когда эти байкеры забрали его слишком рано. Это жестоко, и хотя мы были такими разными, мы были близки с детства.

— У меня мало свободного времени, учитывая мои обязанности в академии.

Его голос становится мягче, и когда я смотрю на него, напряжение спадает.

— Жизнь пролетит быстрее, чем Вы думаете, — говорю я, качая головой. — Всегда нужно находить время для себя.

Его глаза встречаются с моими, пылая эмоцией, которую я не могу определить.

— Это правда.

Он впервые улыбается настоящей улыбкой, и это зрелище выбивает кислород из моих легких. Это захватывает дух.

— Возможно, я так и сделаю. Как ты развлекаешься? И нельзя говорить «учебой», так как это не считается.

Я вздыхаю, выглядывая в окно.

— Я люблю читать.

Он улыбается.

— Какой твой любимый роман всех времен и народов?

Я хмурю лоб, пытаюсь подобрать.

— Это сложный вопрос. Я люблю "Джейн Эйр" Шарлотты Бронте.

Я вижу, как он закатывает глаза при этих словах.

— Но мне нравятся все жанры, а не только романтика. — Я пожимаю плечами. — Что Вам нравится делать? — спрашиваю, желая узнать больше о человеке-загадке.

Напряжение возвращается, когда он прочищает горло.

— Мне нравится рисовать.

Рисовать.

Я не ожидала, что он это скажет, ведь он такой серьезный.

— В самом деле? Что Вы рисуете? — спрашиваю, пока он въезжает через огромные кованые ворота на длинную извилистую подъездную дорожку академии.

Он проводит своей большой рукой по затылку.

— Я не рисовал много лет, но раньше мне нравилось рисовать людей.

— Ух ты, Вы, должно быть, талантливы. Вы писали портреты?

Его взгляд перемещается с дороги на меня.

— В основном обнаженную натуру.

— О, ясно, — бормочу я, жар разливается по моим венам и сжигает меня. — Я хотела предложить Вам нарисовать меня, но это было бы неуместно.

Не знаю, откуда это взялось, но я сразу же жалею об этом. Он бросает на меня горячий взгляд.

— Определенно, — выдавливают он из себя, прежде чем заехать на парковку перед готическим зданием.

Мужчина выходит из машины и обходит ее, открывая мою дверцу. Обнимает меня одной рукой за спину, а другой подхватывает под колени, поднимая так, словно я ничего не вешу.

Я обнимаю его за шею, чтобы поддержать себя, наслаждаясь теплом его тела, прижатого к моему. Я чувствую, как он напрягается, когда несет меня через главный вход в школу, но вместо того, чтобы повернуть направо, он поворачивает налево.

— Может, мне попробовать пройтись? — я спрашиваю.

На его челюсти дергается мускул.

— Нет, в твоей карте сказано, что тебе нельзя вставать на ноги, пока не заживут швы, за исключением кратковременного мытья и посещения туалета.

Он несет меня вверх по нескольким лестничным пролетам, пока не подходит к большой двойной дубовой двери со словом "Медпункт", вырезанным на деревянной вывеске.

Директор Бирн разворачивается и пятится к дверям, которые распахиваются внутрь, прежде чем повернуться обратно.

Медпункт похож на шикарную частную клинику с комнатами, расположенными по обе стороны от большого зала ожидания в передней части, заполненного чрезмерно дорогой мебелью.

Он несет меня в третью комнату справа.

— Это твоя, — говорит он, осторожно опуская меня на кровать. — Сестра Джаспер зайдет через минуту, чтобы помочь тебе устроиться.

— О, хорошо. — Я улыбаюсь ему, чувствуя себя неловко, когда он задерживается рядом со мной, его аквамариновые глаза пристально смотрят на меня. Когда он больше ничего не говорит, я нарушаю молчание. — Спасибо вам за все, сэры.

Он сжимает кулаки и кивает, прежде чем выйти.

Я тяжело вздыхаю, поскольку, что бы он ни говорил, он всегда кажется сердитым рядом со мной.

Стук приближающихся каблучков предупреждает меня о том, что медсестра уже в пути. В дверном проеме появляется невысокая русоволосая женщина с мягкой улыбкой.

— Здравствуй, дорогая. Я медсестра Джаспер, и я буду ухаживать за тобой. — Она спешит ко мне. — Помочь тебе переодеться? — спрашивает она.

Я киваю, желая, чтобы директор Бирн также помог мне с раздеванием. Напряженность того момента и мягкое прикосновение его мозолистых пальцев к внутренней стороне моих бедер до сих пор находят отклик во мне.

Я никогда ни в кого по-настоящему не влюблялась раньше, за исключением Джейми Орли в шестом классе, но он ненавидел меня. Возможно, это закономерность в отношении мальчиков и мужчин, к которым я равнодушна, поскольку я не уверена, что нравлюсь и Оакли.

Директор Оакли Бирн, однако, самый красивый мужчина, которого я когда-либо встречала. Думаю, что забыть о своей влюбленности в него будет невозможно, особенно после того, как я увидела его без рубашки, почувствовала его тело на своем и его руки побывали так близко к самой интимной части моего тела.

Он снился мне прошлой ночью, и что-то подсказывает мне, что он, вероятно, появится еще во многих снах, особенно после сегодняшнего дня.

Следующие четыре дня я развлекала себя чтением для подготовки к выпускному экзамену SAT1.

Если и есть что-то положительное в моей травме, так это свободное время для изучения того, что я хочу.

Академия Синдиката не утруждает себя сдачей экзаменов SAT, но я зарегистрировалась, чтобы сдать экзамены в ближайшей средней школе в следующем году, и у меня есть входной билет.

В глазах закона, в настоящее время я учусь на дому, а не посещаю какую-то гребанную академию для наследных преступников.

Кто-то прочищает горло у моей двери, пугая меня. Я даже не слышала, как она открылась.

Я поднимаю глаза, и на меня смотрят те пронзительные аквамариновые глаза, которые преследуют мои фантазии с тех пор, как я встретила его.

Оакли Бирн.

— Здравствуйте, сэр, — говорю я, тепло распространяется по моему телу, когда покалывание разгорается на каждом дюйме моей обнаженной кожи.

— Здравствуй, Ева, — говорит он. Мое имя звучит непристойно из его уст, но, вероятно, это мое воображение. Его пристальный взгляд напряжен, как будто он хочет прожечь им во мне дыру. — Как у тебя дела?

Я сплываю, разрывая зрительный контакт между нами, когда потребность разливается по моему телу, согревая меня изнутри.

— Гораздо лучше, спасибо. — Меня никогда и ни к кому не тянуло так сильно, как к директору Бирну.

Он придвигается ближе, засовывая руки в карманы брюк, что привлекает мое внимание к выпуклости у него в промежности. Мой желудок переворачивается, когда я представляю, как невероятно было бы увидеть этого бога-мужчину обнаженным.

— Сестра Джаспер сообщила мне, что надеется, что ты будешь достаточно здорова, чтобы начать занятия через три дня. — Он останавливается в футе от меня.

Я смотрю на него, улыбаясь и кивая.

— Да, сэр. Мне не терпится покинуть эту палату.

— Держу пари, — говорит он, оглядывая маленькую, но уютную комнату. — Обычно выбор предметов происходит в первый день семестра, но поскольку ты начинаешь обучение в середине семестра, мне необходимо подтвердить, какие занятия ты будешь посещать.

У меня скручивает живот, потому что я знаю, что в этой школе не преподаются обычные предметы. Речь идет о том, чтобы научить студентов быть криминальными авторитетами, что меня совершенно не интересует.

— Понятно. — Я сцепляю пальцы перед собой на кровати. — Вы хотите, чтобы я выбрала сейчас?

Он кивает, делает шаг вперед и кладет передо мной на кровать бланк и ручку, прикрепленную к планшету.

— Да, мне нужно убедиться, что в выбранных тобой классах найдется место. — Его плечи напряжены, когда он отходит. — Я просто посижу здесь на случай, если у тебя возникнут вопросы. — Он садится на стул у кровати и наблюдает за мной с такой интенсивностью, что меня бросает в дрожь.

Я ерзаю под его пристальным взглядом, прежде чем взять листок бумаги. У меня сводит живот, когда я читаю уроки, ни один из которых вы не найдете в средней школе Колумбуса, где я раньше училась.

— Допрос? Попытки? — спрашиваю, широко раскрыв глаза. — На самом деле? — Мои глаза встречаются с глазами директора, и он смотрит на меня со странным блеском в своих аквамаринových глубинах.

— Конечно. А чего ты ожидала? — Легкая ухмылка изгибается на его губах, заставляя мой живот трепетать. — География?

Я качаю головой.

— Нет, это просто... — Я понимаю, что то, что я собираюсь сказать, звучит нелепо, поэтому я обрываю себя.

— Просто что, Ева? — спрашивает он, вставая и подходя к краю кровати.

— Это не то, чего я хочу, — бормочу, уставившись на бумагу. Когда я поднимаю взгляд на директора Бирна, в его глазах появляется мягкость, которая застаёт меня врасплох. Я с трудом сглатываю.

Его рука ложится на мою, посылая искры по моим венам.

— Ты должна извлечь максимум пользы из своей ситуации.

Я прочищаю горло.

— Совершенно верно, сэр.

Мускул на его челюсти снова напрягается, он убирает свою руку от моей и откидывается на спинку сиденья.

— У тебя есть вопросы по занятиям?

Я киваю, отстегивая ручку от планшета.

— Всего шесть предметов? — спрашиваю, встречаясь с пристальным взглядом директора.

— Да, по твоему выбору. — Он проводит рукой по шее. — Все студенты должны сдавать физику, английский и математику, а также шесть предметов на выбор.

Я удивлена, услышав, что здесь преподают математику и английский. В списке пятнадцать различных предметов, и все они меня ни в малейшей степени не интересуют. Я выбираю те, которые не кажутся слишком ужасными, избегая допросов и пыток, как чумы.

Боевая подготовка.

Стратегия лидерства.

Отмывание денег.

Стратегическое Планирование.

Анатомия.

Право.

Закончив, я поднимаю глаза и вижу, что директор Бирн наблюдает за мной, как ястреб. Это довольно нервирует, так как этот мужчина знает, как запугать, но, возможно то, что он настолько красив, делает его взгляд еще более устрашающим.

— Закончила, — говорю я, передавая ему лист бумаги.

Он берет его и быстро просматривает мой выбор, приподнимая бровь.

— Боевая подготовка?

Я скрещиваю руки на груди.

— После того, что со мной случилось, я бы сказала, что мне это нужно, не так ли?

Уголок его губ приподнимается, но он быстро становится суровым.

— Я бы сказал, что ты выстояла против трех очень злобных девушек.

Мое сердце колотится сильнее от комплимента.

— Никогда не помешает совершенствоваться, — говорю, глядя куда угодно, только не на него. — Есть ли место в этих классах?

Он прочищает горло.

— Да, там есть свободное место, — он хмурит брови. — Однако тебе придется остерегаться Арчера, преподавателя по боевой подготовке. — Мужчина странно смотрит на меня. — Он неравнодушен к блондинкам.

Я хмурю брови.

— Вы намекаете, что мой учитель может приударить за мной? — спрашиваю, находя это довольно странным с его стороны.

Он кивает.

— Он известен этим, и так как ты по закону... — Он замолкает, качая головой. — Просто будь осторожна, вот и все, что я хочу сказать.

Несмотря на свое недоумение, я киваю.

— Так и сделаю. Вам еще что-нибудь нужно, сэр? — спрашиваю.

Его ноздри раздуваются от вопроса, а глаза, кажется, почти прожигают меня насквозь.

— Нет, Ева. Отдохни и поправляйся. Увидимся в классе.

Он выходит из комнаты, спина прямая, как гладильная доска.

Как только дверь закрывается, я тяжело вздыхаю, не в силах успокоиться рядом с таким потрясающе красивым мужчиной.

Возьми себя в руки, Ева.

Этот человек — мой профессор.

Между нами никогда ничего не произойдет, как бы сильно я этого ни хотела.

Оак

Я стою в дверях моего класса и наблюдаю за Евой через маленькое окошко.

Прошло девять дней с тех пор, как она прибыла в академию, но это первый урок, на котором она присутствует. Среди прочих предметов я преподаю стратегию лидерства, которая ей не слишком интересна, но ни один из предметов, которые мы здесь изучаем, ее не заинтересует.

Медсестра Джаспер дала ей два костыля, чтобы девушка могла ходить, пока заживает рана от ножа. Она считает, что Ева могла повредить нерв, но только время покажет.

Ева сидит в передней части класса рядом с Дмитрием Яковым, который смотрит на нее, как голодный волк, готовый наброситься. Мышцы живота напрягаются, когда я сжимаю кулаки по бокам.

К счастью, Ева, похоже, не замечает его внимания, рисуя что-то в маленьком блокноте перед собой.

Я разжимаю кулаки, берусь за дверную ручку, поворачиваю ее и захожу внутрь. Пристально смотрю на Еву, которая не поднимает глаз, когда я вхожу.

Хихиканье доносится из задней части класса, пока все болтают между собой. Все девушки смотрят на меня с интересом, за исключением одной.

Внутри растет раздражение от того, как мало внимания она мне уделяет.

Я ставлю свой портфель рядом со столом, расстегиваю пиджак и вешаю его на спинку стула.

Когда я снова поднимаю взгляд, она все еще не смотрит на меня.

Другие девочки в классе рассматривают меня, когда я расстегиваю манжеты и закатываю рукава до локтей, ненавидя болтовню, которая доносится с конца кабинета.

Ева не отрывает глаз от своего блокнота, как будто находится в трансе.

Я прочищаю горло.

— Достаньте свои книги и откройте на пятьдесят шестой странице, — приказываю.

Ева остается неподвижной, рисуя что-то в блокноте. Она в собственном маленьком мирке, так как не реагирует.

Я иду к парте, сжимая кулаки по бокам. Даже когда оказываюсь в футе от нее, она все равно меня не замечает.

— Ева, ты меня слышала?

В тот момент, когда я произношу ее имя, она выходит из оцепенения, поднимая глаза, чтобы встретиться со мной взглядом.

— Нет, извините, сэр. — Я вижу, что она рисует детальное изображение птицы, обозначая по ходу дела ее анатомию.

Моя челюсть сжимается при употреблении этого слова, которое, кажется, имеет силу разрушить меня.

Джинни Дойл и Анита Хендерсон, две девушки, которые напали на Еву в ее первый вечер, хихикают у нее за спиной. Джинни наклоняется к Аните, шепча что-то, что заставляет Аниту смеяться. Это только усиливает кипящую ярость, пульсирующую в моих венах.

Я пристально смотрю на эту пару.

— Ты хочешь что-то сказать, Джинни? — спрашиваю, сосредоточив на ней свое

внимание. — Или мне нужно отправить тебя обратно к профессору Ниткину?

Джинни бледнеет, ерзая на стуле под моим пристальным взглядом.

— Нет, мне очень жаль, директор Бирн.

— Хорошо, — говорю я. Затем вновь перевожу взгляд на Еву, которая смотрит на меня со странным выражением, ее книга теперь лежит на столе. — Страница пятьдесят шесть, и не заставляй меня повторять снова.

Ева сглатывает, быстро перелистывая на нужную страницу.

— Да, сэр. Я приношу свои извинения.

Желание бушует во мне, как лесной пожар, безжалостно горящий в лесу, и мне трудно отвернуться от нее.

Я стискиваю зубы и возвращаюсь к своему столу, незаметно поправляя брюки. За пять лет, прошедших с тех пор, как я купил эту эксклюзивную школу, я никогда не желал ни одну из своих студенток. И последней ученицей, которую ожидал возжелать, была дочь моего врага. Студентка, чью семью я намерен погубить.

Я беру маркер и пишу на доске имена трех исторических лидеров.

Гунн Аттила

Чингисхан

Королева Мария I

— Мы увековечиваем этих трех лидеров в истории, потому что все они имеют одно сходство. — Я поворачиваюсь лицом к студентам. — Кто-нибудь может сказать мне, какое?

Отвечает Наталья.

— Они были безжалостны в том, чего хотели. Наталья Гурич — одна из самых ярких учениц этой школы. Из неё получится отличный лидер, но боюсь, что это будет напрасно.

Братва — крайне женоненавистническая организация, основанная на архаичных традициях, и я не верю, что эта организация позволит женщине руководить, даже если она единственная наследница Михаила Гурича.

Я киваю.

— Совершенно верно. История не была благосклонна к этим лидерам, но для нас они являются идеальными образцами для подражания.

Дмитрий толкает Еву локтем, что привлекает мое внимание к ним, когда он шепчет ей на ухо.

Щеки Евы краснеют, показывая, что он сказал что-то неуместное. Дмитрий известен тем, что постоянно флиртует с девушками.

— Дмитрий, — рявкаю я.

Он подпрыгивает, выпрямляясь в кресле.

Я скрещиваю руки на груди.

— Если тебе есть что сказать, расскажи всему классу.

На его губах появляется легкая ухмылка.

— Не думаю, что вам понравится то, что я сказал, профессор.

Моя кровь нагревается от выражения его лица, заставляя кипеть под кожей. Я готов взорваться, гнев переполняет меня. Я шагаю к ним, и кладу руки на его стол.

Дмитрий съезживается на своем стуле, когда я нависаю над ним.

— Повтори то, что ты сказал сейчас.

Несмотря на свое дерзкое поведение минуту назад, он бледнеет. Он только болтает и не кусается.

— Я сказал, что с удовольствием поприветствую Еву в академии после занятий в моей комнате в общежитии.

Меня пронзает зеленая ревность от того, что он даже подумал о том, чтобы сделать к ней шаг.

Класс смеется над его комментарием.

— Вон. — рывкаю я.

Дмитрий хмурит брови.

— Профессор?

— Неуважительно так разговаривать с женщиной. — Я киваю в сторону двери. — У профессора Ниткина свободное окно. Скажешь ему, что я послал тебя.

Дмитрий бледнеет, глядя на меня с недоверием.

— Не слишком ли это строгое..

Я хлопаю руками по столу.

— Сейчас же, или я буду посылать тебя к нему каждый день, пока ты не усвоишь урок.

Дмитрий встает, собирает свои книги и выходит из комнаты. Когда я возвращаю свое внимание к классу, все лица выглядят потрясенными. Гаврил Ниткин — наш самый страшный профессор, так как он садист по части телесных наказаний. Даже самые безжалостные ученики боятся быть наказанными им.

Я хлопаю в ладони.

— Кто-то еще хочет сказать что-нибудь унижительное своим одноклассникам? — спрашиваю я, оставаясь стоять перед Евой.

Тишина оглушает в то время, как она удивленно смотрит на меня. Я позволяю своему взгляду переместиться на нее на несколько мгновений, наблюдая, как сильнее краснеют ее щеки, а грудь неистово поднимается и опускается.

— Хорошо, — говорю я, когда все молчат. — Я хочу, чтобы вы прочитали с пятьдесят шестой по шестьдесят пятую страницу. — Я отворачиваюсь от Евы, возвращаюсь к своему столу, и сажусь за него.

Мое суровое наказание для Дмитрия необычно, и я знаю, что если бы он сказал это любой другой девушке в этой комнате, моя реакция была бы другой. Чистая ревность подняла свою уродливую голову, вызвав еще больше вопросов о моих сомнительных побуждениях к Еве. Я никогда не испытывал такого внутреннего влечения к женщине до того, как увидел ее. Она у меня под кожей, а это ужасное осложнение, которое мне не нужно.

Я замечаю, как Джинни наклоняется и снова что-то бормочет Аните.

— В тишине, если только не хотите присоединиться к Дмитрию. — Я пристально смотрю на них, заставляя их заткнуться.

Я возвращаюсь к своему столу и сажусь за него, обнаруживая, что мое внимание приковано прямо к Еве. Ее щеки все еще пылают, а волосы немного растрепаны с тех пор, как она нервно провела по ним пальцами. Все в ней заманчиво в худшем смысле этого слова.

Я намерен втянуть семью Евы в скандал, но не себя вместе с ними. Если бы я вступил в сексуальные отношения со студенткой, репутация академии пошатнулась бы.

Моим первоначальным намерением было использовать Арчера Дэниелса. Однако это проблематично, когда моя ревность поднимает свою уродливую голову. Это ставит меня в затруднительное положение, так как я не знаю, как использовать это соблазнительное создание, чтобы отомстить.

Весь класс читает книгу, включая Еву, которая выглядит потерянной на страницах, ее глаза следят за словами с широко раскрытыми глазами и невинным удивлением.

Книга противоречива, поэтому мы используем ее здесь. В ней подробно описывается величие, проявленное безжалостными тиранами из истории. Мужчины и женщины, которых большинство людей считают бесчеловечными монстрами, но мы можем многому научиться у их прошлого руководства относительно управления преступной организацией в современном мире.

Наталья заканчивает чтение.

— После этого я хочу, чтобы вы написали короткое двухстраничное эссе в пользу одного из лидеров, о котором вы только что прочитали и который вас больше всего вдохновляет.

Ева хмурит брови, отрывает глаза от книги и переворачивает страницу в блокноте. Мое сердце учащенно бьется, когда я отслеживаю каждое изящное движение, которое она делает, поднимая ручку и невинно постукивая ею по нижней губе. Картина невыносима, так как все, о чем я могу думать, это о том, как мой твердый член раздвигает их, когда я ввожу его внутрь.

Ева поднимает глаза, наши глаза встречаются и горят, когда она понимает, что я наблюдаю за ней. Даже когда ее глаза слегка расширяются, я не могу заставить себя отвести взгляд, пока она наконец не делает это, заставляя себя обратить внимание на блокнот на столе, где она пишет свое сочинение.

Ее щеки теперь практически пунцовые, она пристально смотрит на стол, но я все еще не могу заставить себя оторвать от нее взгляд.

Через несколько минут она снова поднимает взгляд и практически вздрагивает, когда видит, что я все еще зациклен на ней, как наркоман. Ее тонкое горло подрагивает, когда она с трудом сглатывает, облизывая свои идеальные, пухлые губы.

Она поднимает руку, привлекая мое внимание к ее упругой груди в обтягивающей блузке, которая на размер меньше, так как между пуговицами появляются зазоры. Видение того, как я разрываю ткань на части и швыряю ее на спину на свой стол, заполняет мой разум.

— В чем дело, Ева? — Я спрашиваю.

— Могу я воспользоваться туалетом?

Мой член наполовину тверд под столом, и я знаю, что она хочет в туалет только для того, чтобы скрыться от моего пристального взгляда. Я слегка наклоняю голову набок.

— Конечно. Тебе нужна помощь с костылями?

Ее ноздри раздуваются, когда она качает головой. — Нет, сэр.

Я киваю в сторону двери. — Поторопись. Ты должна закончить это эссе до того, как уйдешь.

— Конечно. — Её губа дрожит, прежде чем она зажимает ее между зубами. Она хватается за свои костыли и так быстро, как только может, выходит из класса, оставляя меня наедине с моим желанием.

Я поправляю штаны и сосредотачиваюсь на книге, лежащей передо мной, зная, что Ева не закончит это эссе до конца урока. Это значит, что ей придется допоздна оставаться со мной наедине во время обеденного перерыва. Мой член пульсирует от такой перспективы.

Я постукиваю пальцами по столу, читая эссе с предыдущего занятия о методах принуждения к лидерству, пытаюсь игнорировать темную бурю, бушующую в глубине моего

живота.

Проходит десять минут, прежде чем я слышу приближающийся стук костылей Евы по полу снаружи. До конца урока осталось пятнадцать минут, а она еще даже не начала свое эссе. Наконец она добирается до класса и входит, садясь за свой стол. Ева смотрит куда угодно, только не на меня, берет ручку и начинает писать.

Наталья откашливается, привлекая к себе внимание.

— Я закончила, профессор.

Я улыбаюсь, несмотря на беспокойство, поселившееся в глубине моих костей.

— На мой стол, пожалуйста. — Я смотрю на часы. — Ты можешь пойти на обед раньше. Все, кто не закончит свое эссе к моменту звонка, на обеде останутся здесь.

Мое внимание переключается на Еву, чьи щеки покрываются румянцем, когда она строчит быстрее.

Проходит несколько минут, и довольно много студентов заканчивают до звонка, кладут свои бумаги мне на стол и уходят. Когда раздается звонок, в классе остается четверо учеников. Ева, Джинни, Анита и Алексей.

Спустя еще пару минут Джинни и Анита заканчивают, подходят к стойке и передают мне свои сочинения. Алексей и Ева быстро строчат, но я вижу, что Ева отстает от него, так как она написала всего три четверти страницы по сравнению с его полутора страницами.

Алексей щелкает ручкой и встает, закидывая рюкзак на плечо.

Ева наблюдает за ним, когда он протягивает мне свое эссе, прежде чем выскользнуть из класса и закрыть за собой дверь.

Одни.

Я делаю глубокий вдох и медленно опускаю руку к промежности, лаская себя через ткань, когда предсемя капает на трусы-боксеры.

Ева делает то, чего раньше не делала ни одна женщина. Я чувствую себя неандертальцем, готовым перекинуть ее через плечо и наброситься на нее на своем столе.

Ее щеки пылают, когда она строчит быстрее, не отрывая глаз от бумаги.

— Не спеши, Ева. Я не хочу оценивать дерьмовое эссе, потому что тебе не терпелось попасть на обед.

Желание к ней поглощает меня, когда я медленно и бесшумно расстегиваю молнию на брюках под столом и вытаскиваю член, поглаживая его вверх-вниз сильными толчками, наблюдая за ней.

Ее глаза поднимаются, чтобы встретиться с моими, но я продолжаю гладить себя под столом. Я благодарен, что он массивный спереди, так что она не знает, что я делаю.

— Конечно, сэр.

Я тихо стону, слыша, как она называет меня "сэр". Мой взгляд не отрывается от ее ангельского личика, пока я глажу свой член всё сильнее и быстрее, фантазируя обо всех грязных вещах, которые хочу с ней сделать.

Ева сосредоточенно смотрит на лист бумаги, набрасывая что-то в более приемлемом темпе. Ее язык слегка скользит между губ, когда она концентрируется, что делает невозможным выкинуть из головы мысленную картину того, как ее язык поклоняется длине моего члена.

Я чертыхаюсь себе под нос, чувствуя, как приближается разрядка.

Ева поднимает глаза, слегка сдвинув брови, и несколько секунд пристально смотрит на меня, прежде чем вернуть свое внимание к сочинению.

Каждое движение руки по пульсирующему стволу приближает меня к освобождению. Я наращиваю темп, мысленно прокручивая в голове образ её, извивающейся и обнаженной на моем столе, умоляющей меня о члене.

— Черт, — бормочу я, теряя представление о том, где я и кто еще находится в комнате.

Мой член растет в ладони, когда освобождение обрушивается на меня. Я хриплю, хватаюсь свободной рукой за край стола и выплескиваю все капли своего семени на нижнюю часть стола, задыхаясь. Я был так поглощен своим удовольствием, что даже не почувствовал приближения Евы.

— Вы в порядке, сэр? — спрашивает она, нахмутив брови, стоя над столом и держа в руке эссе.

Я засовываю свой все еще полутвердый член в штаны и киваю.

— Да, Ева. Всё хорошо, — выдыхаю я, гадая, что, черт возьми, на меня нашло. — Оставьте сочинение здесь.

Она кладет его на мой стол и уходит, ее бедра покачиваются самым возбуждающим образом, когда она выходит прямо за дверь.

Я тяжело вздыхаю и хватаю несколько салфеток со стола, чтобы убрать беспорядок, который я устроил под ним. Мое дыхание тяжелое и затруднено.

Я никогда еще не был так неуправляем — так чертовски безумен. Мое сердце колотится так сильно, что кажется, будто оно пытается вырваться из груди. У Евы Кармайкл есть какая-то больная и извращенная власть надо мной — власть, которую мне нужно преодолеть, если я когда-нибудь собираюсь отомстить ее семье.

Глава 8

Ева

— Привет, я Наталья, — говорит девушка, присаживаясь рядом со мной в кафетерии. —

Подумала, что тебе не помешает компания.

Я улыбаюсь ей, но не могу побороть паранойю, охватившую меня. В последний раз, когда кто-то представился мне, я получила ножевое ранение и неделю пролежала на больничной койке.

— Не волнуйся. Я не психопатка, как Джинни, Керри или Анита. — Она берет вилку и вгрызается в овощную лазанью, явно чувствуя мое беспокойство.

Наталья была в моем классе с директором Бирном перед обедом. Я заметила, что она была одной из немногих, кто отвечал на его вопросы, и ушла первой, закончив свое эссе. Она мотивированная студентка, которая хочет преуспеть, как и я. Разница лишь в том, что она хочет жить преступной жизнью.

— Я видела тебя на занятии по лидерству, — говорю я.

Она кивает.

— Да, игнорируй таких придурков, как Дмитрий. Он пожалеет об этом после того, как побывает у Ниткина.

— Кто такой профессор Ниткин? — спрашиваю я.

С тех пор, как директор Бирн отправил к нему нападавших на меня, я уже не первый раз слышу его имя.

— Он гребаный садист. — Она смотрит на меня и пожимает плечами. — Если ты будешь вести себя хорошо и не высовываться, то никогда не увидишь его с этой стороны, надеюсь. — Она вздыхает. — Только таких идиотов, как Дмитрий, отправляют к нему для наказания.

Я киваю в ответ, наблюдая за своей новой знакомой. Она очень привлекательна, с темно-каштановыми волосами и такими же темными глазами, а ее кожа загорелая и безупречная.

— Как давно ты учишься в академии?

— С самого детства. — Она улыбается. — Мой брат отправил меня сюда, когда мне было восемь лет.

Мои глаза расширяются.

— Вау, так мала. Разве ты не скучала по дому? — спрашиваю я, задаваясь вопросом, каково это — быть отправленной в школу-интернат в столь юном возрасте. Когда я была маленькой, мое детство было очаровательным, даже если родители были строгими, пока я не узнала обо всех неприятных тайнах, которые скрывала от меня семья.

Она смеется, качая головой.

— Нет, для меня было облегчением оказаться подальше от всего этого, особенно после того, как моя мать уехала в Россию. Я люблю своего брата, но у него не было времени на меня, пока он пытался управлять организацией нашего покойного отца.

— О, мне жаль твоего отца, — говорю я, понимая, что, несмотря на отсутствие заботы обо мне со стороны родителей, они, по крайней мере, всегда были рядом.

Она качает головой.

— Не стоит. Мне нравится жизнь такой, какая она есть.

На ее лице появляется печальная улыбка, когда она вздыхает. — Хватит обо мне. — Она наклоняет голову. — Кто переходит в новую школу в середине первого семестра выпускного класса?

Я поднимаю руку.

— Кажется, я.

Она смеется, успокаивая меня.

— Да ладно. Почему?

— Это долгая история.

Она смотрит на часы.

— Что ж, нам нужно убить еще двадцать пять минут обеденного перерыва.

Я смеюсь.

— Верно.

Тяжело сглатываю, пытаюсь придумать, как объяснить ту безумную историю, которая привела меня сюда.

— Честно говоря, это довольно нелепо.

— Выкладывай, — говорит она, ободряюще улыбаясь.

Я мгновение колеблюсь, прежде чем кивнуть. Такое чувство, что открываются шлюзы, когда я рассказываю ей о подделанной фотографии уборщика и меня и о том, как мои родители сошли с ума. Я говорю ей, что никогда с ним не разговаривала, не говоря уже о том, чтобы переспать, и что за этим должна стоять Кейси Хоган, так как она всегда меня ненавидела.

Наталья слушает, пока я не заканчиваю. Ее брови хмурятся, когда она смотрит на часы.

— Не такая уж длинная история, в конце концов. — Она улыбается. — Хотя это отстой, что твои родители тебя не послушали. — Она пожимает плечами. — Я только что встретила тебя, но могу сказать, что ты говоришь правду.

— Можешь? — спрашиваю я, удивленная тем, что она мне верит.

Наталья кивает.

— Ага. — Она быстро оглядывается вокруг, чтобы убедиться, что никто не подслушивает. — На твоем месте я была бы начеку. Кто-то хотел, чтобы ты оказалась здесь, в этой академии. Бьюсь об заклад, что это так.

Я хмурю брови.

— Я решила, что это розыгрыш Кейси из моей старой школы.

Наталья качает головой.

— Милая, наивная, Ева. — Она тяжело вздыхает. — В мире, в котором мы живем, подобных совпадений не бывает. Кто-то хотел, чтобы ты посещала эту школу. — Она кладет свою руку поверх моей и сжимает. — Будь осторожна, это все, что я хочу сказать. — Ее брови сходятся вместе. — У меня такое ощущение, что ты не похожа на других девушек здесь.

Мы с ней поладим.

— Хорошо, буду, — я улыбаюсь ей. — Спасибо, что посидела со мной.

Она смеется.

— Приятно поговорить с кем-то новым. Люди здесь такие скучные и предсказуемые, за исключением двух моих лучших подруг, Адрианны и Камиллы. — Она улыбается. — Я познакомлю тебя с ними сегодня за ужином, если хочешь. — Она со стоном достает из сумки расписание. — У меня сейчас занятия по боевой подготовке с Арчером. А у тебя?

Я тоже вытаскиваю своё и смотрю на следующий урок.

— Бинго, — я улыбаюсь.

Наталья качает головой.

— Это не то, чему стоит радоваться. Арчер — суровый тренер. Даже если он большую часть времени шутит, он доводит всех до предела. — Ее брови сходятся вместе, когда она смотрит на мои костыли. — Хотя, я почти уверена, что тебе придется пропустить это занятие.

— Тогда, наверное, мне придется наблюдать? — спрашиваю.

Она закатывает глаза.

— Да, везучая сучка.

Я смеюсь над этим.

— Большинство людей не назвали бы меня везучей из-за того, что меня пырнули ножом.

— Туше. — Она хихикает. — Но тебе повезло, что ты пропустишь боевую подготовку. — Она встает и взваливает на плечо сумку. — Если мы не хотим опоздать, надо поторопиться.

Я киваю и хватаю свою сумку, перекидывая ее через плечо. А затем тянусь к костылям, которые находятся в руках директора Бирна.

Мое сердце перестает биться в груди, когда он угрожающе смотрит на меня сверху вниз. Не знаю, что такого в этом человеке, но у него есть способ украсть весь кислород из комнаты, в которой он находится.

— Сэр, можно мне, пожалуйста, мои костыли? — спрашиваю я.

Глаза Натальи расширяются, когда она переводит взгляд с него на меня.

— Ты пока не в состоянии участвовать в боевой подготовке. — Он крепко держит мои костыли, не делая никаких движений, чтобы вернуть их. — Твоя мать настояла на важности твоего обучения дисциплине. — Он смотрит на меня своими бледно-аквамариновыми глазами с такой интенсивностью, что я вздрагиваю. — Это урок, который мы преподаем в ранние годы, но я проведу с тобой индивидуальное обучение, пока ты не пригодна к боевой подготовке.

Мои щеки пылают при мысли о том, чтобы провести время один на один с этим богом-мужчиной.

Наталья смотрит на него с открытым ртом. Наверное, это нестандартно, когда с учениками занимаются индивидуально. Она переводит взгляд на меня.

— Похоже, на этот раз я сама по себе. — Она улыбается. — Увидимся позже?

Я киваю в ответ, чувствуя себя слишком смущенной, чтобы сформулировать ответ.

Наталья выходит из столовой, оставляя меня наедине с директором, который нависает надо мной. Он все еще сжимает мои костыли железной хваткой.

— Можно мне, пожалуйста, мои костыли, сэр? — Я спрашиваю снова.

Мускул на его челюсти напрягается каждый раз, когда я называю его «сэр», но я не могу понять почему. Возможно, он не привык к ученикам-южанам в этой школе, поскольку я не так уж часто слышу южный акцент здесь.

— Конечно. — Он вкладывает один костыль мне в правую руку, а другой — в левую, при этом его кожа на мгновение касается моей. Меня охватывает жар, и я пытаюсь игнорировать электрические искры, пробегающие по моему телу.

Это безумие, как его прикосновения влияют на меня.

— Спасибо. — Я неуклюже поднимаюсь на ноги, всматриваясь в него, как только обретаю равновесие. — Мне следовать за Вами?

Его ноздри раздуваются, когда он кивает.

— Да, мы пойдем в мой кабинет. — Он поворачивается ко мне спиной, готовый уйти.

— Не в классную комнату, сэр? — спрашиваю я. Мысль о том, чтобы оказаться в этом маленьком темном кабинете наедине с ним, вызывает у меня беспокойство.

Его спина напрягается, а шаги замедляются.

— В это время все классы заняты. — На несколько мгновений воцаряется тишина. — Следуй за мной.

Я тяжело сглатываю и молча слеую за ним из кафетерия по темному коридору к его кабинету. Цоканье моих костылей по брусчатке — единственный звук, который эхом разносится в тишине. Мои ладони уже вспотели, а сердце практически колотится о грудную клетку с каждым шагом.

Этот мужчина слишком устрашающий и слишком красивый, чтобы оставаться с ним наедине. Он одновременно пугает и возбуждает меня. То, как он наблюдал за мной сегодня на уроке лидерства, граничило с хищничеством.

Он останавливается перед своим офисом, просовывает руку в карман пиджака и достает ключ.

Я смотрю, как он вставляет его в замок, медленно поворачивая. Щелчок эхом разносится по холодному каменному коридору. Мысль о том, что я буду заперта с ним в его крошечном кабинете на целый час, заставляет бабочек порхать у меня внутри.

— После тебя, — говорит он, его голос гладкий, как масло. Ненавижу, как от его голоса мурашки пробегают по каждому дюйму обнаженной кожи.

Что, черт возьми, со мной не так?

Я прохожу мимо него, ближе, чем следовало бы, и моя рука задевает его пиджак. За моей спиной раздается щелчок поворачивающегося замка, нервируя меня еще больше. Его мужской аромат наполняет воздух, заставляя желание вспыхивает прямо у меня между бедер.

Зачем ему запирает дверь?

Я неловко опираюсь на свои костыли в центре его кабинета, ожидая, когда он скажет мне, где сесть.

— Присаживайся сюда, — говорит он, указывая на диван.

Я с трудом сглатываю и, спотыкаясь, осторожно прислоняю костыли к дивану, прежде чем опуститься на него.

Он садится рядом со мной, ближе, чем я ожидала.

— Не думаю, что у меня есть книги для этого урока, сэр, — говорю, смотря куда угодно в комнате, только не на него.

Я замечаю фотографию в рамке, на которой улыбается красивая блондинка. В груди вспыхивает боль, которую я не могу понять. Интересно, его ли это жена, и не знаю, почему меня волнует, женат он или нет. Это не мое дело.

— Нет, Ева. — Его голос прорывается сквозь мои мысли, предупреждая о его близости. — Это практический урок.

Я резко поворачиваю голову, встречаясь с его взглядом. Мои брови сходятся на переносице.

— Что это должно означать, сэр?

Его челюсть снова сжимается, и он качает головой.

— Я бы предпочел, чтобы ты называла меня Оак, Ева.

Мое сердце трепещет в груди от просьбы называть его по имени.

— Это кажется немного неуместным. — Я встречаю его напряженный взгляд.

Он усмехается, и этот звук превращает меня в расплавленную лужицу желания, когда я крепко сжимаю бедра вместе. Его внимание перемещается на мои ноги, как будто чувствуя, насколько я сейчас возбуждена.

— Нет, что неуместно, так это то, что ты все время называешь меня «сэр».

Я морщу лоб.

— Это вежливо, а не неуместно.

Он рычит, его лицо темнеет.

— Дисциплина дается тебе нелегко, не так ли, Ева?

Тогда я понимаю, что просьба называть его по имени была моим первым испытанием, и я провалилась.

— Да, — отвечаю я, опустив голову. — Наверное, Вы правы.

Он прочищает горло.

— Я — авторитетная фигура в этой комнате, и если я говорю тебе называть меня Оаком, что ты должна делать?

Я облизываю пересохшие губы.

— Называть Вас Оаком, — отвечаю я.

— Хорошая девочка, — говорит он, и его похвала разогревает мою кровь. Он наклоняет голову. — Ты продолжаешь глупо притворяться, что не целовалась со школьным уборщиком?

Вопрос застаёт меня врасплох, я сажусь прямо, ярость бурлит в моих венах.

— Притворяться? — спрашиваю я, впиваясь ногтями в ладонь. — Это не было притворством. Кто-то меня подставил.

— Не лги мне, Ева, — говорит он убийственным голосом. В каждом произносимом им слогe звучит угроза.

— Я не лгу. — Я высоко поднимаю подбородок. — Это правда, и ничто из того, что Вы можете сказать, не изменит этого.

— Как я и думал, — бормочет он, направляясь к своему столу.

Мое сердце колотится о ребра в предчувствии его следующего урока.

— Я серьезно. Попросите экспертов проанализировать фотографию. — Я энергично впиваюсь ногтями в ладонь. — Они подтвердят, что это фальшивка.

Его аквамаринный взгляд встречается с моим.

— Это может быть правдой, а может и нет, но я видел фотографию, и она показалась мне убедительной. — Он достает линейку из ящика стола, заставляя мое сердце пропустить удар. — Я учу дисциплине с помощью одного метода. — Он проводит пластиком по ладони.

Что он намерен делать с ней?

— Какого метода? — спрашиваю, мое сердце колотится со скоростью сто миль в час.

Мрачная улыбка изгибает его красивые губы, и вспышка зла, которую я видела в тот день, когда поступила в академию, загорается в его глазах.

— Боль.

Я тяжело сглатываю, когда он придвигается ближе.

— Вы просите меня солгать о той фотографии.

Я никогда не был хорошим лжецом. Я ненавижу врать.

Он наклоняет голову.

— Дисциплина — это соблюдение правил, Ева. Если я попрошу тебя перестать лгать о фотографии, то это то, что ты должна сделать.

Я закрываю глаза, делая глубокий, прерывистый вдох. Я не позволю этому придурку заставить меня соврать об этом, что бы он ни делал.

— Но я не лгу, — выдавливаю я из себя.

Он вздыхает. Когда я открываю глаза, он стоит в нескольких футах от меня.

— Ч-что Вы собираетесь делать? — Спрашиваю, ненавидя то, как мое тело дрожит от страха.

На его губах появляется ухмылка, которая наполняет меня ужасом.

— Я же говорил тебе, Ева, что мы здесь не стесняемся телесных наказаний. — Он выставляет ладонь и шлепает по ней линейкой. — Протяни мне руку, пожалуйста.

Я с трудом сглатываю и раскрываю перед ним протянутую ладонь.

Он поднимает линейку, а затем бьет ею по моей ладони с такой силой, что у меня перехватывает дыхание. Удар жалит, я в шоке смотрю на директора.

— Ты перестанешь лгать мне, Ева?

Я стискиваю зубы и пристально смотрю на него.

— Я, блядь, не лгу.

— Еще два за этот язык, — рычит он, хватая мою вторую ладонь и прижимая ее к другой. Он быстро опускает линейку поочередно на обе ладони, заставляя меня вскрикнуть. — Теперь скажи правду.

Я смотрю на него с новообретенной ненавистью, испытывая противоречивые чувства, при взгляде в его аквамариновые глаза.

— Я говорю правду, — выдавливаю я.

Следуют еще шесть ударов, сильнее, чем раньше. Я чувствую, как слезы наворачиваются на глаза.

Он щелкает языком, этот звук заставляет ярость закипать у меня внутри.

— Я думаю, мне нужно быть жестче. — Его аквамариновые глаза сверкают злым умыслом, когда он смотрит на меня, заставляя мой желудок скручиваться от тошноты.

Он не успокоится, пока я не признаюсь в чем-то, что не является правдой, что противоречит всем моим инстинктам и морали. Я не признаюсь в том, чего не делала.

Это будет очень длинный час.

Оак

Требуется вся моя выдержка, чтобы не перегнуть эту красавицу через стол и не отшлепать ее линейкой по заднице до такого состояния, что она не сможет сидеть несколько дней.

Я садистский сукин сын, потому что знаю, что она не лжет, но ничего не могу с собой поделать. Тьма внутри меня требует, чтобы я причинил ей боль, наказал ее за то, что она является отпрыском двух людей, которые разорвали мой мир на части. И все же какая-то часть меня хочет, чтобы она была рядом, умоляла меня своими прекрасными, ярко-карими глазами остановиться.

— Ты готова сказать мне правду? — спрашиваю я, прекращая атаку на ее красные ладони.

Ее глаза сужаются, и она молча смотрит на меня.

— Нужно ли мне усилить наказание? — спрашиваю я, ища в этих глазах страх.

Если она и боится меня, то не показывает этого.

— Что, черт возьми, это должно означать?

Я прищуриваю глаза. Еву, кажется, совершенно не трогает боль, которую я причинил. Какая-то часть меня отчаянно хочет надавить на нее еще сильнее, посмотреть, как долго она продержится, и я так близок к тому, чтобы последовать этому инстинкту. У каждого есть переломный момент, и я хочу посмотреть, как долго она будет придерживаться своих высоких моральных устоев.

— Я дам тебе еще один шанс, Ева.

Ее глаза сужаются.

— Или что?

Как будто все, что она говорит, предназначено для того, чтобы вывести мою тьму на поверхность.

— Я задеру юбку и выкрашу твою задницу в красный цвет, пока ты не скажешь мне правду.

Ее челюсть отвисает, глаза расширяются — наконец-то она реагирует на меня, даже если это заняло больше времени, чем следовало.

— Вы с ума сошли?

Я скрещиваю руки на груди, свирепо глядя на нее, чтобы она поняла, насколько я серьезен.

— Наклонись.

Горло Евы мягко вздрагивает, а ноздри раздуваются, когда она качает головой.

— Мне жаль, но этого не будет.

Несмотря на страх, вспыхивающий в карих глазах, ее голос спокоен, как всегда.

— Не заставляй меня просить дважды, Ева. Тебе не понравится то, что произойдет, если ты это сделаешь.

Она внезапно двигается, вскакивая на ноги и бросаясь к запертой двери моего кабинета. Все ее тело напрягается, когда она дергает за ручку, вспоминая, что видела, как я запираю ее.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я, подходя к ней.

Мой член тверже камня, плотно обтянутый трусами-боксерами. Крайне неуместно, что

я запер нас здесь вместе, не говоря уже о том, что попросил ее наклониться для меня.

— Если ты не перегнешься через мой стол в ближайшие пять секунд, я раздену тебя догола и привяжу к нему, — рычу я.

Ее глаза расширяются, когда она поворачивается ко мне лицом, выглядя потрясенной моей угрозой.

— Вы сейчас серьезно?

Этот вопрос подпитывает мою ярость, когда я направляюсь к ней.

— Это прозвучало как шутка? — рычу, хватая ее за запястья и притягивая к себе.

Вздых срывается с ее пухлых губ, когда она качает головой.

— Я говорю Вам чертову правду. Вы ведете себя как мудака, не веря мне, совсем как мои родители.

— Как ты меня назвала? — Я свирепо смотрю на нее.

Ее горло сжимается, когда она тяжело сплывает от моего тона, но она не повторяет сказанное.

— Наклоняйся. Прямо. Сейчас. — Я крепче сжимаю ее запястье между пальцами. — Последнее предупреждение. Я больше не буду просить.

Ее щеки бледнеют, она медленно кивает, как будто только сейчас осознав, насколько я серьезен. Каждый её шаг к моему столу является нерешительным, я смотрю, как она отходит, прежде чем оглянуться через плечо.

Я не отворачиваюсь, удерживая ее взгляд.

Ева наклоняется над моим столом, пытаясь удержать подол юбки на заднице. Ей это не удается.

Мой член упирается в молнию костюмных брюк при виде обнаженной кожи и узкой полоски черного хлопка. Я стискиваю зубы, чтобы не застонать, и делаю шаг к дрожащей Еве.

Как только я оказываюсь в метре от нее, она наконец говорит.

— Сэр, в этом нет необходимости.

Я ухмыляюсь, поскольку ей еще многому предстоит научиться, когда дело доходит до дисциплины.

— Это необходимо. Как я просил тебя называть меня, Ева? — спрашиваю я, приподнимая подол ее юбки, чтобы положить ей на зад край линейки.

Я не могу подавить тихий стон, который срывается с моих губ при виде ее стрингов и практически голой, идеальной, упругой попки.

— Оак, — бормочет она. — Пожалуйста, не делай...

Я опускаю линейку на ее левую ягодицу сильно и быстро, заглушая любую мольбу, готовую сорваться с пухлых губ. А затем делаю то же самое с правой. Оба раза она визжит от боли.

— Оак, пожалуйста, прекратите, — бормочет она.

Я делаю глубокий вдох.

— Почему? Ты собираешься признать правду?

— Никогда, — выплевывает она. — Тот дерзкий огонь, который мне начинает нравиться, вспыхнул так же быстро, как и исчез.

Я сильнее шлепаю ее линейкой по заднице, два раза подряд по каждой ягодице.

Она хнычет, ее бедра дрожат.

Я прищуриваюсь, когда замечаю влажное пятно, образующееся прямо между ее бедер,

говорящее мне, что это ее заводит, хотя должно быть наказанием.

Я двигаю кончиком линейки между бедер и провожу по влажному шву на хлопке, заставляя ее ахнуть.

— Ева, это не должно быть приятным, — говорю холодно.

Сдавленный крик срывается с ее губ, когда я осторожно прижимаю линейку к мокрому, обтянутому тканью, возбуждению.

— Такая грязная девчонка. — Я провожу кончиком линейки по ее покрасневшей коже. — Это доказательство того, что ты была в таком отчаянии, что трахнулась со школьным уборщиком. — Я снова шлепаю ее по ягодицам, наблюдая, как краснеет кожа.

Рубцы за гранью эротичности, и все, чего я хочу, это провести руками по её коже, лаская боль, прежде чем дать ей больше.

— А теперь ты становишься мокрой для своего директора, не так ли?

— Нет, — рычит она, ее тело напрягается. — Ты чертов психопат.

Я смеюсь над ее вспышкой и шлепаю еще несколько раз, пока она не начинает задыхаться от смеси боли и удовольствия.

— Хватит, — кричит она, в голосе смесь муки и чистой похоти.

— Пожалуйста, Оак, остановитесь.

Я кладу линейку на стол, над которым она склонилась, и подхожу ближе.

— Ты уже усвоила свой урок? Собираешься сказать мне то, что я хочу услышать?

В этот момент раздается звонок.

— Мне нужно идти на следующий урок, — выдыхает она.

— Я хочу, чтобы ты сказала правду. Расскажи мне, что ты делала со своим уборщиком, грязная девчонка, — рычу я, мой самоконтроль дает трещину.

— Я уже говорила Вам. Ничего. — выдавливает Ева.

— Встань, — приказываю я.

Она делает, как я говорю, выпрямляется и одергивает подол юбки.

Я хватаю ее за запястье и заставляю повернуться ко мне лицом. Наши тела так близко, что мы соприкасаемся, когда ее грудь поднимается и опускается от резких вдохов.

— Я хочу, чтобы ты посещала это занятие каждый день. Я пришлю тебе расписание по электронной почте. В некоторые дни тебе придется сократить время обеда.

— Не думаю, что это то, что имела в виду моя мать, когда просила Вас обучить меня дисциплине.

Я поднимаю бровь.

— Твоя мать сказала мне использовать любые необходимые средства, и так и будет, Ева. Не думай, что я этого не сделаю.

Она качает головой.

— Через семь месяцев я уйду из этой забытой богом школы и оставлю позади имя своих родителей. — Ее глаза горят целеустремленностью. — Я поступлю в ветеринарную школу прежде, чем они узнают о случившемся, и никогда не вернусь в Атланту.

Моя рука по-прежнему крепко сжимает ее запястье, когда я притягиваю ее ближе, прижимая ее тело к своему. Я заглядываю ей в глаза, задаваясь вопросом, верит ли она в это. Родители выследят ее и притащат обратно домой. Однако трудно не восхищаться ее мужеством.

— Они никогда этого не позволят, — говорю я, и тут же жалею об этом, когда вспышка печали появляется в ее глазах.

— Мне все равно. Я не хочу иметь ничего общего с их отвратительным бизнесом. — Ее губы кривятся. — Если понадобится, то сбегу из страны.

Я поднимаю бровь, сомневаясь, что даже бегство из страны ускользнет от влияния Кармайклов. Они могущественны, и у них много союзников по всему миру.

— Но как это связано с тем, что ты сказала мне правду, Ева? — Спрашиваю я, понимая, что мы оба отвлеклись.

Ее ноздри раздуваются.

— Сколько раз я должна повторять Вам, что кто-то отфотошопил это дурацкое фото? — Она прижимает свободный кулак к боку.

— Отрицай сколько хочешь. Я видел фотографию и не верю тебе. — Это удар ниже пояса, поскольку я сам подделал фотографию, но я должен сломить ее решимость, если собираюсь использовать девушку против ее родителей. — Я выбью из тебя ответ, который хочу услышать, даже если это, блядь, убьет меня.

— Вы никогда не услышите от меня признания. — В ее глазах вспыхивает вызов, когда она откидывается назад. — Так что, вместо этого, Вам придется убить меня, — говорит она, её голос ровный и спокойный.

Мой взгляд опускается на пухлые вишневые губы, и это заставляет ее соблазнительно прикусить их. Напряжение вспыхивает между нами, когда я снова поднимаю на неё глаза, видя пылающее желание, бушующее в этих прекрасных ореховых глубинах. Мой член пульсирует, отчаянно требуя освобождения. Я хочу трахнуть эту девушку прямо здесь.

Как, черт возьми, я мог потратить пять лет на планирование уничтожения Кармайклов только для того, чтобы развернуться на 360 градусов, как только увижу их дочь? Я сжимаю челюсти, пытаюсь напомнить себе, что эта соблазнительная маленькая лисица — на самом деле отпрыск моего врага.

— Оак? — Она выдыхает мое имя. Ее глаза прикованы к моим губам, которые приблизились опасно близко к ее собственным.

Ее дыхание щекочет мне лицо, и я вдыхаю ее опьяняющий цветочный аромат.

— Возможно, есть другая причина, по которой ты меня отшлепал? — Спрашивает Ева, облизывая губы. — Ты тоже это чувствуешь? — Ее широко раскрытые невинные глаза наблюдают за мной.

— Чувствую что? — Огрызаюсь я, гадая, к чему она клонит.

Она качает головой, отбрасывая свои светлые волосы за плечо.

— Наверное, мне это показалось.

Я перемещаю руку на ее бедра и впиваюсь в них кончиками пальцев, желая, чтобы мой член не был настолько твердым, что из-за него вся кровь отхлынула от моего гребаного мозга.

— Показалось что, Ева? — рявкаю я, мое терпение на исходе.

Ее щеки становятся темно-красными, что соответствует ее покрытой рубцами заднице, когда она бормочет.

— Химия между нами.

Черт.

Моей единственной целью при покупке этой академии было разрушить ее семью, но теперь границы размываются. Эта девушка флиртует со мной, прыгая прямо мне в руки. Единственная проблема в том, что, чтобы погубить ее, мне придется погубить себя.

— Будь осторожна, мисс Кармайкл. — Я отпускаю ее бедра и отступаю на шаг, делая

глубокий вдох, не зараженный сладким цветочным ароматом. — Ты не знаешь, с кем связываешься.

Ее подбородок приподнимается, когда она уверенно смотрит на меня.

— Возможно, это Вам следует быть осторожным, Оак.

Она поворачивается ко мне спиной и шагает к двери, которая все еще заперта. А затем я слышу звяканье ключей, когда она вставляет ключ от двери кабинета в замок.

Маленькая гадюка украла их, пока я ее шлепал.

Она оборачивается и сердито смотрит на меня.

— Ловите. — Ева бросает связку, заставляя меня поймать. А потом она вылетает из моего кабинета, оставляя меня тосковать по ней так, как я никогда ни по кому не тосковал, и захлопывает за собой дверь.

— Твою ж мать, — бормочу я себе под нос, поворачиваясь и запуская пальцы в волосы.

Что, черт возьми, мне делать с Евой Кармайкл?

Это гребаный вопрос века. Все казалось определенным, а мой путь — ясным, пока в мою жизнь не ворвалась Ева, словно торнадо, пронесшаяся по миру и перевернувшая все с ног на голову.

Мне нужно обуздать свое желание к ней. В противном случае Кармайкл может уничтожить меня во второй раз.

Ева

Наталья садится рядом со мной на уроке права, улыбаясь.

— Ты выглядишь так, словно кто-то нассал тебе в хлопья.

Я качаю головой.

— Дерьмовый урок с Бирном, — бормочу, мои руки и задница все еще горят после его атаки. Трудно поверить, что в этой школе сходят с рук такие жестокие наказания. Еще труднее поверить в то, как он прикасался ко мне после этого. То, что он сказал, граничило с сексуальностью.

А теперь ты становишься мокрой для своего директора, не так ли?

Мое сердце до сих пор неровно бьется, когда я думаю о том, каково это — быть в его власти.

Ее брови хмурятся.

— Не может быть, чтобы это было так плохо, как боевая подготовка. — Она тяжело вздыхает. — Арчер был сегодня раздражительным.

Оак был законченным мудаком, но я не хочу вдаваться в подробности.

— Кто преподает этот курс? — Я спрашиваю.

— Бирн.

У меня сводит живот, когда я слышу его имя.

— Он преподает право, дисциплину и лидерство.

Черт.

— Великолепно, — бормочу я, с трудом сглатывая, когда мои страх и возбуждение смешиваются в перспективе увидеть его снова. Три раза за один день — это чертовски много.

— Ее брови хмурятся, когда она замечает исчезающие рубцы на моих ладонях.

— Он тебя ударил? — Спрашивает Наталья.

Я киваю в ответ. — Да, по-видимому, здесь это стандартная практика.

Наталья кивает.

— Так и есть, но Бирн обычно не тот, кто применяет телесные наказания. Это Ниткин.

Я вздыхаю.

— Отлично, значит, ко мне особое отношение.

— Она хмурит брови. — Это немного странно. Почему он тебя ударил?

— Потому что он мудака, — бормочу я.

В этот момент в класс заходит директор Бирн.

Наталья тихо хихикает.

— Расскажи мне об этом позже.

Она открывает свою книгу на странице восемьдесят пять, где, должно быть, они находятся на этом уроке. Эта глава называется "Судебная экспертиза".

Дрожь пробегает по позвоночнику, когда я понимаю, что на этих занятиях студенты учатся уклоняться от закона, оставаться по ту сторону его, не попадаясь на глаза.

Директор Бирн не смотрит на меня. Несмотря на это, я чувствую, как пылают мои щеки в его присутствии, вспоминая о том, как я с ним разговаривала. Я не знаю, что на меня нашло, но это случается всякий раз, когда я с ним. Желание противостоять его авторитету и

раздражать его.

То, как он прикасался ко мне, было ничем иным, как эротикой, даже если это было линейкой. Ни один учитель не должен так обращаться с учеником, но это не похоже на обычную школу.

Он поворачивается и пишет на доске.

"Убийство".

— Кто-нибудь может мне сказать, как избежать обвинения в убийстве?

Рука Натальи взлетает вверх.

— Наталья, — говорит он.

Она делает глубокий вдох.

— Самое главное — убедиться, что вы не оставили следов ДНК на месте преступления.

— Именно. — Он хлопает в ладоши, когда его взгляд останавливается на мне. — Ева, как мы можем это гарантировать?

Я хмурю брови.

— Извините, сэр, я новичок в этом деле, поэтому не совсем уверена.

— Тебе следовало наверстать упущенное, пока ты находилась в больнице. — Его ноздри раздуваются. — И как я просил тебя называть меня?

Я тяжело сглатываю.

— Я предположила, что это было на уроке дисциплины.

— Ты предположила неверно. — Он складывает свои огромные мускулистые руки на груди. — Я ожидаю, что всё, чему ты научишься на дисциплине, ты перенесешь на все наши совместные занятия.

Я киваю в ответ.

— Хорошо.

Его глаза сужаются.

— Хорошо, что?

Наталья ерзает рядом со мной, как будто ей неудобно за меня.

— Хорошо, Оак, — выдавливаю я, впиваясь ногтями в саднящие ладони.

Многие перешептываются, когда я обращаюсь к нашему учителю по имени, но этот засранец ухмыляется.

— Хорошо, а теперь, Наталья, скажи мне ответ.

Наталья бросает на меня извиняющийся взгляд, прежде чем произнести:

— Всегда надевай перчатки, бахилы и, в идеале, что-нибудь на волосы, чтобы не оставить их на месте происшествия.

Оак кивает.

— Правильно. — Его проницательный взгляд на мгновение встречается с моим.

Я смотрю на него, и ненависть закипает во мне. Этот мужчина — долбаный мудака. Может, он и красив, но он прогнул до глубины души. Нет такого мира, в котором его избиение было бы необходимым, но он все равно это сделал.

Больной сукин сын.

Я сжимаю бедра вместе, когда он отводит взгляд.

Самое отвратительное то, что его наказание сделало меня чертовски мокрой. На короткий, безумный миг я захотела, чтобы он стянул с меня стринги, засунул в меня свой член и лишил меня девственности. Это все, о чем я могла думать, и даже сейчас, два часа спустя, я все еще отчаянно нуждаюсь в освобождении.

У меня осталось еще одно занятие, а потом я собираюсь исчезнуть в своей комнате, чтобы принять очень долгий горячий душ.

— Какой урок у тебя следующий? — Спрашиваю я, когда мы бредем по коридору, наконец-то сбежав от Бирна на целый день.

Наталья ухмыляется.

— Анатомия, с Ниткиным. — Она встряхивает волосами. — Не могу, блядь, дожидаться.

Я смотрю на свое расписание, замечая, что у меня то же самое.

— У меня тоже. — Я поднимаю бровь. — Что такого плохого в уроке анатомии?

— Ты увидишь, — говорит она, ухмыляясь мне. — Пошли.

Она берет меня за руку и тянет по коридору, где прямо на нас идет парень, не сводя пронзительных голубых глаз с Натальи.

— Черт, — бормочет она.

— Что случилось? — Спрашиваю я.

Прежде чем она отвечает, парень говорит.

— Так-так, смотрите, кто у нас здесь. — Он ухмыляется, и это жестокая улыбка вызывает у меня мурашки по спине. — Гурин всегда приходится цепляться за новеньких, потому что у нее нет гребанных друзей.

Двое его друзей хихикают в ответ.

— Уходи, Элиас, — бормочет она, пытаюсь протащить меня мимо него.

Элиас вытягивает вперед свою мускулистую, покрытую татуировками руку, останавливая ее на месте.

— Это грубо, Наталья. Познакомь меня со своей подругой.

У него темные, растрепанные волосы, которые выются надо лбом. Рубашка, которую он носит, застегнута только на три четверти, так что видны темные татуировки, покрывающие его кожу, а рукава закатаны до предплечий, обнажая еще больше чернил. На нем черные брюки и смехотворно дорогие итальянские кожаные туфли.

Ее глаза пылают ненавистью, когда она смотрит на него снизу вверх.

— Убери от меня свои руки, пока я не отправила тебя в лазарет.

Он смеется.

— Я бы хотел посмотреть, как ты пробуешь. — Его внимание переключается на меня. — Элиас Моралес. А ты кто?

Я тяжело сглатываю, мое внимание перемещается между ним и Натальей.

— Я — Ева Кармайкл.

Он отпихивает Наталью и подходит ко мне ближе.

— Красивая для ирландской девушки, — бормочет он, прежде чем оглянуться на своих друзей. — Позволь мне представить тебе Розу Кабелью и Николая Кушева.

У девушки ровные, спадающие до пояса волосы цвета оникса. Темно-карие глаза и загорелую кожу дополняют красивый красный топ на бретельках и пара изумрудно-зеленых брюк. Николай стоит рядом с Розой, обняв ее за спину и положив руку ей на бедро.

У него ярко-русые волосы средней длины, вьющиеся чуть выше лацкана его элегантной рубашки, частично прикрывающие темную татуировку, которая исчезает под ней. Его кожа бледная, а голубые глаза ледяные, он настороженно смотрит на меня, свободная рука засунута в карман черных брюк.

Элиас прочищает горло, снова привлекая мое внимание к себе.

— Тебе следует быть осторожнее с теми, с кем дружишь. — Он с ненавистью смотрит на Наталью, но в его глазах есть и что-то еще. Возможно, желание?

Я отступаю.

— Да, я буду осторожной. — А затем скрещиваю руки на груди, прежде чем сказать. — Я определенно не буду с тобой дружить, это точно. Я бы предпочла дружить с гребаным трупом. — Я высоко поднимаю подбородок, несмотря на то, что уверена, что этот парень опасен.

Наталья тихо ахает рядом со мной.

Он наклоняет голову, опасно глядя на меня.

— Правда, Кармайкл? — Его взгляд перемещается на Наталью. — Я уверен, что смогу это устроить.

Я толкаю его в грудь и оттесняю с дороги.

— А теперь убирайся с нашего пути. — Я хватаю Наталью за руки и оттаскиваю ее от него. — У нас нет времени на придурков, — бросаю в ответ.

— Дерьмо, ты можешь пожалеть об этом, Ева, — бормочет она, как только мы оказываемся вне пределов слышимости.

Я хмурю брови.

— Почему?

Она качает головой.

— Элиас Моралес ненавидит людей, которые противостоят ему, и это была ваша первая встреча. — Ее губы сжимаются в тонкую линию. — Он пытался приударить за тобой, а ты выставила его дураком.

— Поэтому он тебя ненавидит? — спрашиваю её.

— Нет, он невзлюбил меня, еще до того, как я с ним заговорила.

Я оглядываюсь назад по коридору и обнаруживаю, что троицы там больше нет.

— Он меня не пугает. Если у него проблемы, пошел он к черту.

Наталья улыбается.

— Ты невероятна. Мы станем хорошими друзьями. За ужином я должна представить тебя своим подругам Камилле и Адриане. — Она смеется. — Они и так собирались полюбить тебя, но когда я скажу им, что ты противостояла Элиасу, они, вероятно, будут боготворить тебя.

Мой желудок слегка переворачивается, и я задаюсь вопросом, не совершила ли я ошибку, ответив этому парню. Больше всего на свете я ненавижу хулиганов. Мы добираемся до аудитории, обе немного запыхавшиеся.

Наталья подводит меня к сиденью впереди и плюхается на него.

— Ты в порядке?

Я киваю.

— Да, к этому месту нужно немного привыкнуть.

Она хихикает.

— Это все, что я когда-либо знала.

Я качаю головой.

— Элиас — местный плохиш?

Наталья кивает, ее лицо становится серьезным.

— У него зуб на меня с тех пор, как он пришел сюда в четвертом классе.

— Почему? — Я спрашиваю.

Наталья пожимает плечами.

— Без понятия. Я ничего ему не сделала. Он просто возненавидел меня с первого долбаного взгляда. — Она тяжело вздыхает. — Я думаю, это потому, что ему не нравится, какая я умная.

Это могло быть как-то связано с увлечением Элиаса русской красавицей. Я бы узнала взгляд, которым он одарил ее, где угодно.

Резкий стук по дереву эхом разносится по классу, привлекая всеобщее внимание к передней части, где стоит высокий темноволосый мужчина, смотрящий на всех нас своими неповторимыми карими глазами.

— Страница семьдесят пять, — приказывает он строгим голосом с акцентом.

Наталья быстро хватается свою книгу и проводит большим пальцем по странице. В этом классе необычная атмосфера. Беспokoйство, витающее в воздухе, ощутимо среди всех студентов.

Ниткин.

Он, безусловно, внушает ужас, поскольку я практически чувствую запах страха, исходящий от каждого студента в комнате.

Я беру свою книгу и открываю нужную страницу, прежде чем снова поднять взгляд на печально известного профессора Ниткина. Он, несомненно, привлекателен — так же сексуален, как любой мужчина-модель.

— Почему все учителя здесь такие горячие? — шепчу вопросительно Наталье.

Ее глаза расширяются.

— Не разговаривай на этом уроке, если не хочешь быть наказанной. — Она поднимает взгляд на Ниткина, который пишет что-то на доске. — Я не знаю, но ты права. Почти весь персонал такой, даже женщины.

Я хихикаю над этим.

Внезапно Наталья вскрикивает, когда что-то ударяет ее по затылку.

— Ой, — говорит она, прикладывая руку к месту удара и поворачивается, чтобы свирепо уставиться на Элиаса, который смотрит на нее своими пронзительными голубыми глазами.

— На что ты смотришь, Гурин? Я горяч, но нет необходимости пялиться.

Обычно спокойное лицо Натальи становится разъяренным, она смотрит на татуированного парня и качает головой.

— Тогда, возможно, тебе стоит пойти нахуй.

На его лице отражается шок: похоже, то, что я противостояла ему в коридоре, придало ей уверенности. Я легонько подталкиваю ее локтем и понимающе улыбаюсь, а она пожимает плечами.

— Что самое худшее, что может случиться, а?

Стук по нашему столу заставляет нас обеих подпрыгнуть, потому что профессор смотрит на нас сверху вниз.

— Вы двое уже знаете все, что вам нужно знать о печени?

Мой желудок скручивается от тона его голоса. И я качаю головой.

— Извините, сэр. Боюсь, что нет.

Его глаза сужаются.

— Ты новенькая. Как тебя зовут?

— Ева, сэр.

Он кивает.

— Добро пожаловать, Ева. А теперь будь внимательна, или я заставлю тебя разделать печень, как бы мало ты об этом ни знала.

Я хмурю брови, и мне интересно, о чем он говорит, пока он не снимает крышку с серебряного блюда спереди.

— Это — человеческая печень.

Я подавляю вздох, желая спросить, откуда, черт возьми, у него человеческая печень, но я знаю, что мне не понравится ответ. Кроме того, у меня такое ощущение, что на этом занятии не задают вопросов. Дрожь пробегает по моей спине, пока я смотрю на окровавленный орган. Я зажимаю рот рукой, когда тошнота подкатывает к горлу.

— Где мы можем найти печень в человеческом теле? — Ниткин спрашивает.

Даже Наталья не поднимает руку на этом уроке.

— Никто? — Спрашивает он.

Я нерешительно тяну руку вверх, так как биология была одним из моих лучших предметов в последней школе. В конце концов, я хочу стать ветеринаром.

— Да, Ева.

— С правой стороны брюшной полости, чуть ниже диафрагмы, сэр, — говорю я.

Он хлопает в ладони и этот звук заставляет меня подпрыгнуть.

— Правильно. — Его взгляд блуждает по всему классу. — А кто мне назовет лучший способ повредить печень?

Мое сердце замирает, когда я понимаю, о чем этот урок анатомии.

Как я могла быть такой глупой?

Я надеялась, что это будет похоже на биологию, но, оказывается, все сводится к разработке наилучшего способа лишить жизни, по сути, урок по убийству. Это как нельзя более противоречит моему желанию научиться спасать жизни животных. Я ненавижу это гребанное место. Наталья может показаться милой девушкой, но это то, что ее интересует, — стать преступницей, как и мои родители.

Могу ли я дружить с кем-то вроде нее?

Часть меня хочет этого, ведь она была так дружелюбна ко мне, но другая часть знает, кем станут эти студенты после окончания школы — убийцами, наркоторговцами и даже хуже.

— Наталья. Ты должна знать? — Ниткин давит.

Она кивает в ответ.

— Да, лучший способ — нанести удар в переднюю часть груди, где нет защиты от ребер, но это может быть непросто в драке. — Она пожимает плечами. — Если вы собираетесь это сделать, то с таким же успехом можете целиться в сердце.

Мой желудок скручивает от ее холодного и расчетливого ответа.

Элиас прав. Мне нужно быть осторожнее с тем, с кем я здесь дружу, поскольку легко забыть, что меня окружают преступники.

— Сюда, — говорит Наталья, ведя меня через переполненный кафетерий к столику в глубине. — Не могу дождаться, когда они познакомятся с тобой.

У меня сводит живот, поскольку я никогда не была особо общительной. Меня пугает мысль о встрече с новыми людьми, особенно с теми, кто учится в этой поганой школе.

Она направляется прямо к столику, за которым болтают две девушки. У одной из них темно-каштановые волосы, а у другой — золотисто-каштановые, каждая из них по-своему

красива.

— Девочки, я бы хотела познакомить вас с моей новой подругой Евой, — объявляет Наталья.

Они обе поворачиваются и улыбаются мне.

— Привет. Это та знаменитая девушка, которая противостояла Элиасу в коридоре? — Говорит золотоволосая девушка.

Наталья широко улыбается.

— Да. Ева, познакомься с Камиллой, — она указывает на девушку с золотисто-каштановыми волосами.

— Приятно познакомиться, — говорю я.

Затем она подает знак темноволосой девушке.

— И Адрианна.

Я киваю ей.

Камилла выдвигает стул рядом с собой.

— Иди садись к нам.

Я улыбаюсь и сажусь, пытаюсь игнорировать свое беспокойство.

— Итак, что именно ты сказала Элиасу? — Спрашивает она.

Я пожимаю плечами. — Он сказал мне тщательно выбирать друзей.

— И она сказала ему, что не будет дружить с ним, так как предпочла бы дружить с гребаным трупом, — вмешивается Наталья.

Глаза Камиллы расширяются.

— Черт. Надеюсь, он не принял это на свой счет.

— Не говоря уже о том, что она назвала его придурком, — добавляет Наталья.

Я нахмуриваюсь.

— Почему? Что он сделает?

Адрианна фыркает.

— Чего он не сделает? Этот парень — псих. — Она бросает взгляд на Наталью. — Разве ты не рассказала ей, что он делал с тобой в прошлом?

Наталья качает головой.

— Давай не будем говорить об этом прямо сейчас. — Она прикусывает нижнюю губу. — Возможно, я сказала ему пойти нахуй на уроке анатомии.

Адрианна присвистывает.

— Похоже, страдания тебе по вкусу, Нат. Он не оставит это без внимания, не от тебя.

Она качает головой.

— Самое время дать ему отпор. Через семь месяцев я закончу учебу и больше никогда его не увижу.

Камилла вздыхает.

— Верно. — Ее глаза сканируют столовую, как будто она ищет неминуемую опасность. — Я умираю с голоду. Давайте перекусим.

После урока анатомии я задаюсь вопросом, стоит ли мне тусоваться с кем-нибудь здесь. Я следую за тремя девушками, чтобы взять нашу еду, нервно теребя пальцы. Все они преступники или будущие преступники, если им только предстоит совершить какие-либо преступления.

Мы берем нашу еду, которая смехотворно хороша для питания в кафетерии, и болтаем весь вечер. Все это время я изо всех сил пытаюсь расслабиться, зная, на что способны эти

девушки.

От этого я не чувствую себя менее одинокой в этой сумасшедшей школе, несмотря на то, что нашла подруг. Мне здесь не место, но, к счастью, мне осталось терпеть всего лишь семь месяцев.

Оак

Волнение бурлит во мне, когда я иду к спальням девочек в поисках Евы.

Она посещала все занятия по дисциплине, которые я включил в ее расписание, чуть больше двух недель до сегодняшнего дня. Ева должна была быть в моем офисе двадцать минут назад, но она не появилась.

Я искал ее в библиотеке, столовой и во внутреннем дворе, но безрезультатно. Ее комната — единственное место, которое остается.

Сегодняшний урок — первый, поэтому я предполагаю, что она либо забыла, либо проспала. В любом случае, я намерен вытащить ее из кровати и отшлепать по идеальной маленькой попке.

Обычно я бы не стал разыскивать своих студентов. Я бы наказал их за то, что они не пришли, отправив их к профессору Ниткину. Ева — моя, чтобы наказывать, моя, чтобы причинять боль. Я знаю, что никогда не отдам ее в его руки.

Когда я открываю дверь в женское общежитие, меня встречают две девушки, которые краснеют, как только видят меня.

— Доброе утро, директор Бирн, — говорят они хором.

— Доброе, — ворчу я, придерживая дверь открытой, чтобы они могли выскользнуть в коридор.

В спальном крыле тихо, так как большинство девушек должны быть на занятиях. Я подхожу к комнате шестьдесят девять и стучу в дверь. В ответ тишина, поэтому я стучу снова, на этот раз сильнее.

С той стороны раздается стон, затем мягкие шаги приближаются к двери. Дверь распахивается, и глаза Евы расширяются, когда она видит меня.

Я чувствую, как мой член пульсирует в обтягивающих боксерах при виде нее в почти прозрачной бледно-золотистой ночной рубашке. Сквозь ткань видны её твердые соски. Мне требуется весь мой самоконтроль, чтобы поднять глаза к ее лицу, а не опустить ниже, чтобы выяснить, надеты ли на ней стринги.

Ева складывает руки на груди.

— Сэр, я имею в виду, Оак... Что вы... — Она останавливается и смотрит на часы. — О черт, простите. — Она качает головой. — Должно быть, мой будильник не сработал.

Я стою там, не в силах вымолвить ни слова, пока мое тело борется с разумом. Все, что я хочу сделать, это затолкать Еву в комнату и трахать ее снова и снова, пока она не будет выкрикивать мое имя так громко, что нас услышит вся школа.

Я сжимаю челюсть.

— Это неприемлемо, Ева. — Я заставляю себя смотреть в ее прекрасные глаза. — Чем больше уроков дисциплины ты посещаешь, тем хуже ты себя ведешь.

Она тяжело вздыхает.

— Сэр, я...

— Оак, — рычу я.

— Дерьмо, Оак, извините.

Мои глаза сужаются.

— У тебя также очень грязный рот. — Я делаю шаг ближе к ней, подталкивая ее

обратно в комнату.

— Я оденусь и буду у Вас в кабинете через пять минут.

Я качаю головой.

— У нас нет на это времени. — Я прищуриваюсь, глядя на нее. — Я проведу урок здесь.

Ее лицо бледнеет, и она качает головой.

— Это очень неуместно.

— Мне все равно. — Я делаю еще два шага, прежде чем повернуться и захлопнуть дверь.

В тот момент, когда она закрывается, сладкий цветочный аромат проникает в мои чувства, мешая сосредоточиться. Мои глаза сканируют ее комнату, останавливаясь на вибраторе, мигающем на тумбочке.

Грязная маленькая девчонка.

Ева прочищает горло, выглядя оскорбленной тем, что я заметил вибратор. Она подбегает, хватая его, и запикивает в тумбочку.

— Я не ожидала компании, — бормочет она, выглядя очаровательно, когда окрашивается в этот темно-розовый цвет.

— Расскажи мне, чему ты научилась за последние две недели на наших занятиях.

Ее язык облизывает нижнюю губу, прежде чем она вздыхает.

— Я узнала, что Вам нравится причинять боль. — Она пожимает плечами. — Это примерно всё.

Я прищуриваю глаза.

— Это всё?

Она кивает в ответ, высоко держа подбородок.

— В значительной степени.

— Ты должна запомнить, что ложь имеет последствия.

— Я знаю, что ложь имеет последствия, но я уже сказала Вам, что не лгу.

Я провожу рукой по волосам.

— Возможно, мне нужно использовать другой подход.

У Евы мягко подрагивает горло.

— Что за подход?

Я пристально смотрю на нее.

— Я еще не уверен. — Я поворачиваюсь, понимая, что находиться с ней в ее комнате крайне опасно. — Следуй за мной.

— Но я не одета.

Я не оборачиваюсь.

— Возьми халат и иди за мной.

Когда она не двигается, раздражение скребет меня изнутри.

После нескольких секунд тишины она бросается к двери ванной и, схватив халат, натягивает его.

— Куда мы идем? — Спрашивает она.

— Без вопросов, — говорю, выводя ее из спальни и ведя по коридору.

Я иду к примыкающей к школе часовне, зная, что прошлой ночью двое парней устроили кровавую драку. Ева не реагирует на физическую боль, но, возможно, если заставлю ее оттирать кровь с пола, результат будет лучше.

Как только мы входим, Ева ахает при виде крови, забрызгавшей пол.

— Что здесь произошло? — Ее глаза расширяются, когда я смотрю на нее через плечо.

— Два парня подрались прошлой ночью. — Я достаю из шкафа ведро и щетку для мытья. — Наполни водой из-под крана. — Киваю на маленькую раковину в задней части. — И принимайся за работу.

Ева несколько раз переводит взгляд с ведра на мое лицо, затем вздыхает и забирает его у меня. Она идет на поправку после травмы, так что полчаса на коленях не составят ей большого труда.

Я сажусь на скамью прямо перед пятнами крови, наблюдая, как она наполняет свое ведро. Если она и удивлена, что я сижу так близко, она этого не показывает. Вместо этого девушка снимает свой белый халат и кладет его рядом со мной, устремив на меня пристальный взгляд.

— Я не хочу, чтобы на нем была кровь, — говорит она, прежде чем опуститься на колени с легкой гримасой и начать оттирать испачканный пол.

Мое тело полыхает жаром при виде ее в этой комбинации.

Ева наклонилась ко мне спиной, что дает мне дразнящий вид на ее хорошенькую маленькую попку и киску, примостившуюся между бедер, хотя прозрачная ткань и несколько скрывает их.

Я провожу рукой по своему члену, ругаясь себе под нос. Он натягивает мои штаны, стремясь освободиться и погрузиться в тугую девственную киску моей ученицы. Непристойность таких отвратительных мыслей в школьной часовне только сильнее заводит меня.

Я отправлюсь в ад.

Когда я уверен, что она не видит, я сильнее тру себя через штаны. Желание вытащить член и мастурбировать, пока не достигну пика, а затем извергнуть свою сперму на ее пышную задницу так сильно, но я не позволяю своей похоти управлять мной.

Вместо этого крепко сжимаю челюсти и удовлетворяюсь легким поглаживанием руки своей ноющей длины.

Ева невинно двигается вокруг, время от времени оглядываясь через плечо. Ее попка покачивается из стороны в сторону, когда она трет, заставляя меня так возбудиться, что кажется, я могу умереть, если не найду разрядку.

Я прочищаю горло и заговариваю, надеясь, что это отвлечет меня.

— Скажи мне, Ева. Были ли у вас похожие наказания в твоей последней школе?

Ее брови хмурятся, когда она бросает на меня взгляд через плечо.

— Конечно, нет. Это была обычная школа.

— Конечно, учителя наказывали учеников за плохое поведение.

— Не меня. Меня никогда не наказывали, пока я не попала в эту адскую дыру.

Ее искренность освежает, но меня раздражает, что каждый раз, когда она высказывает свое мнение, это только заставляет меня хотеть ее еще больше.

— Это правда? Мне трудно в это поверить.

Она возвращает свое внимание на место, которое чистит.

— Мне все равно, верите Вы в это или нет. Это правда. Что-то, что Вас совершенно не интересует.

Я никогда не позволял ученику разговаривать со мной так, как она, и все же ни одна часть меня не хочет наказывать ее за это. Я хочу иметь с ней свой больной и извращенный путь.

— Ты пропустила здесь, — говорю я, указывая на небольшое пятно крови в том месте,

от которого она отодвинулась.

Ее глаза сужаются, и затем она подползает к нему, лицом ко мне, бормоча что-то себе под нос. Я подавляю стон при виде ее твердых сосков, торчащих сквозь почти прозрачную ткань.

— Что это было? — Я огрызаюсь.

Она качает головой, невинно улыбаясь.

— Ничего, сэр... я имею в виду, Оак.

Я хватаюсь за скамью подо мной так сильно, что удивительно, как дерево не прогибается и не трескается, когда она полностью переключает свое внимание на текущую работу. Следующие пятнадцать минут — настоящая пытка, поскольку я сохраняю каждое изображение ее на четвереньках в своей мысленной картинной галерее, удерживая их в своих воспоминаниях, чтобы я мог разобраться со своим неудовлетворением сразу после того, как мы закончим.

Когда остается пять минут, Ева встает и объявляет:

— Готово.

Я наклоняю голову набок.

— Ты уже усвоила свой урок? — спрашиваю.

Ева сердито смотрит на меня.

— Не уверена, какой урок я должна усвоить. Я сказала Вам правду, это Вы — тот, кто не принимает ее.

Я разминаю пальцы, задаваясь вопросом, почему она не скажет маленькую невинную ложь и не покончит с этим.

Неужели она настолько неспособна исказить правду?

— Иди сюда, — приказываю я, бросая быстрый взгляд на часы на стене.

Если я задержусь, Ева сильно опоздает на следующий урок, так как ей нужно одеться.

— Ко мне на колени, Ева.

Ее тело напрягается.

— Что, простите?

Я сгибаю пальцы, чтобы не схватить её и не перевернуть.

— Я сказал, на мои колени.

— Я слышала Вас, но это...

Я сильно хватаю ее за запястье и перекидываю через свои колени, постанывая, когда чувствую, как она извивается под давлением моей эрекции. Ее запах так близко делает невозможным контроль над собой, и я слегка приподнимаю подол ее ночной рубашки.

Она сопротивляется мне.

— Оак, на мне нет трусиков.

— Хорошо, — рычу я, поднимая подол до самых бедер.

Она смотрит на меня через плечо, нахмутив брови.

— Где линейка? — спрашивает она, её голос такой тихий.

Темная, чудовищная часть меня наслаждается этим звуком.

— Я забыл её, так что придется обойтись моей рукой.

Ее глаза расширяются.

— Разве это не немного...

Моя рука опускается на ее правую ягодицу, прежде чем она успевает закончить вопрос.

Ева отшатывается, тихо взвизгивая. Ощущение от того, что моя рука бьет ее, без

сомнения, отличается от ощущения деревянной линейки, которую я использовал на ней последние две недели. Невозможно отрицать необходимость ласкать ее попку руками, поглаживая кожу после каждого шлепка.

Бедра Евы дрожат, возбуждение блестит между ее полных бедер. Требуется вся моя сила воли, чтобы не прикоснуться к ней там, не зарыться лицом в ее прелестную маленькую щелку.

Ева имеет надо мной контроль, о котором она даже не подозревает. Каждый раз, когда наказываю ее, я чувствую, что мой контроль над собой ослабевает. Я знаю, что должен прекратить ее ежедневные занятия, но я как будто бессилён.

— Оак, — она практически стонет мое имя, заставляя мой член пульсировать у ее живота. Она снова извивается, пытаюсь, блядь, убить меня.

— Что? — Хриплю я, изо всех сил пытаюсь сохранить свою позицию авторитетной фигуры, а не любовника. Я хочу сказать ей, чтобы она стонала мое имя, пока я буду выебывать из нее невинность прямо на полу часовни.

Ее бедра сжимаются вместе.

— Я уже сказала Вам правду, — выдыхает она.

— Неправильный ответ, — говорю я, прежде чем снова опускаю руку на ее задницу, позволяя своим пальцам приблизиться к ее центру.

— Встань. — выдавливаю я из себя. Если я сейчас же не остановлюсь, я проткну эту милую невинную маленькую девственницу прежде, чем она успеет сказать слово «нет».

Ева дрожит, когда поднимается на ноги, выпрямляясь. Она тянется, чтобы одернуть подол своей ночной рубашки, но я хватаю ее за запястье, чтобы остановить.

— Нет, — приказываю я.

Я чувствую, как слабеет мой контроль, когда я наслаждаюсь прекрасным зрелищем того, как она обнажена для меня. Проходит несколько мгновений, пока я запоминаю это, как шедевр искусства. Когда я возвращаю взгляд на ее лицо, то понимаю, что ее глаза прикованы к толстому контуру моей эрекции.

Я прочищаю горло, прерывая ее.

— Ты свободна.

В глазах Евы вспыхивает разочарование, она облизывает губы, прежде чем кивнуть. Она одергивает подол своей комбинации, хватая халат и заворачивается в него. И не говоря больше ни слова, бросается прочь от часовни и от меня — прочь от монстра, который хочет сожрать ее целиком и выплюнуть ее гребаные кости.

Если бы Ева знала правду, она бы бежала со всех ног и никогда не оглядывалась назад.

Ева

Я спешу по коридору на свой следующий урок, зная, что уже опаздываю на математику к профессору Джеймсон. Безусловно, из всех учителей здесь она самая приятная.

Не говоря уже о том, что она преподает математику и английский — два обычных предмета в этой Богом забытой школе.

После того, как Оак отшлепал меня на своих коленях, мне пришлось мчаться обратно в общежитие, одеваться как можно быстрее, и бежать обратно.

Он сумасшедший. Может, он и горяч, как черт, и поначалу мысль о том, что меня ежедневно нагибает и шлепает такой доминирующий, сексуальный мужчина, питала мои темные фантазии, но по мере того, как наши занятия продолжались, я задавалась вопросом, что он от этого получает. Теперь, похоже, он сменил тактику, о чем я вспоминаю, когда опускаю взгляд на свои все еще красные пальцы. У меня по коже бегут мурашки при воспоминании о том, сколько крови было на том полу. Я пыталась оттереть с них кровь, но у меня не было достаточно времени.

Когда я впервые встретила Оака, я не могла перестать думать о том, как хорошо было бы перейти грань между учителем и учеником, но поговорка "осторожнее со своими желаниями" как нельзя лучше подходит к этой ситуации. Он никогда не переходит эту черту, но ходит по краю, и я вижу тоску в его глазах после этого.

Сегодня было так же плохо. Оак смотрел, как я наклоняюсь в своей сорочке, пока мыла пол, и я видела эту темную похоть в его глазах. Затем он перекинул меня через колено и отшлепал рукой...

У меня нет слов, чтобы объяснить, насколько это было эротично и как неправильно было со стороны моего директора поступать так со мной. Я все еще чувствую фантомное давление его твердой эрекции на свой живот. Если я в чем-то и уверена, так это в том, что Оак получает удовольствие от причинения боли.

Я качаю головой, ускоряя шаги, и заворачиваю за угол только для того, чтобы врезаться прямо в Элиаса. Мрачная ухмылка расплзается по его губам.

— Кто тут у нас. Ева Кармайл. — Его глаза сужаются. — Ты хоть понимаешь, с кем, блядь, связываешься?

Я наклоняю голову набок.

— Не совсем, и мне все равно. Я опаздываю на английский. — Я пытаюсь обойти его, но он встает на моем пути.

— Никто не разговаривает со мной так, как ты без последствий. — Он хрустит шеей. — Теперь ты заставила Гурин думать, что она тоже может говорить мне всякую херню, чего я гарантирую, никогда больше не повторится.

Я скрещиваю руки на груди.

— Уйди с дороги.

Его кулаки сжимаются по бокам, прежде чем он обхватывает пальцами мою шею, практически отрывая меня от пола.

Я изо всех сил пытаюсь сделать хоть один вдох, глядя в его бездушные голубые глаза. Мое сердце колотится как сумасшедшее, пока я бьюсь об него ногами, пытаюсь вырваться любым возможным способом.

— Слушай сюда, ты, маленькая сучка, — рычит он. — Наталья — моя, чтобы мучить, и всегда была моей. Моя, ты поняла? Если ты вмешешься еще раз, я нахрен убью тебя. — Его глаза сужаются. — Ты поня...

— Моралес, — грохочущий голос Оака разносится по коридору. — Брось ее сейчас же, — рычит он.

Он подчиняется, буквально роняя меня на задницу.

Я стону от удара и пытаюсь подняться на ноги, но прежде чем успеваю это сделать, Оак сам поднимает меня.

— Какого хрена ты нападаешь на девушку в пустом коридоре? — спрашивает Оак.

Элиас ухмыляется ему.

— Извините, сэр, но в этом суть нашей школы. — Он наклоняет голову, глядя на меня. — Как она собирается возглавить организацию, если не может постоять за себя перед другими?

— Ниткин. Сейчас же, — рычит Оак, в его глазах вспыхивает ярость.

Глаза Элиаса темнеют.

— Нет.

Я шокирована, услышав, что Элиас противостоит Оаку, однако Оак — нет, а если и так, то он этого не показывает.

— Твои игры утомительны, Элиас. Доложи профессору Ниткину, прежде чем я сам потащу тебя к нему.

Элиас зло смотрит на меня, прежде чем вернуть свое внимание к Оаку.

— Почему? Какие школьные правила я нарушил?

В его словах есть смысл. В этой школе нет никаких правил, по крайней мере, в традиционном смысле.

Оак свирепо смотрит на него, выпрямляя плечи, когда подходит к жестокому парню.

— Поскольку я директор этой школы, я могу решать, за что тебя наказывать, Элиас.

Сомневаюсь, что ученики редко бросают вызов его авторитету. В конце концов, он учит психопатов управлять своими преступными империями.

Взгляд Элиаса перемещается на меня, а затем обратно на Оака, и он ухмыляется.

— Я держал Наталью Гурин в похожем положении, а Вы проходили мимо, не говоря ни слова, и вот появляется эта прекрасная ирландская девушка, и Вы ее защищаете. — Он поглаживает подбородок, как будто размышляя. — Интересно, Бирн. — Его взгляд перемещается на меня. — Похоже, у тебя есть тайный поклонник, — говорит Элиас.

Я чувствую, как горят мои щеки, но ничего не говорю в ответ.

Оак просто смотрит на него, скрестив руки на груди и широко расставив ноги, ожидая, что Моралес сделает то, что ему говорят.

Элиас остается раздражающе самоуверенным, глядя на него.

— Вы хотите, чтобы школа узнала, что Вы влюблены в ученицу, Бирн? — спрашивает он.

Челюсть Оака работает.

— Твои обвинения необоснованны. Иди в класс, пока я не вышвырнул тебя из этой гребаной школы, — говорит он, его голос странно спокоен.

Элиас ухмыляется в ответ, а затем уходит по коридору, избегая наказания от Ниткина.

Я смотрю на Оака, нахмутив брови.

— Почему Вы не заставили его пойти к Ниткину?

Его яркие глаза цвета морской волны встречаются с моими, в них смесь вины и замешательства.

— Не спрашивай меня, Ева. — Я смотрю, как сжимаются его кулаки. — Иди в класс. Ты опоздаешь. — Его тон холодный.

Я облизываю нижнюю губу.

— Это потому, что то, что сказал Элиас, правда?

Он рычит, руки перемещаются на мои бедра, прижимая меня к ближайшему шкафчику.

— Что именно из того, что он сказал, является правдой по-твоему?

Мой желудок тревожно трепещет, когда я смотрю в его прекрасные глаза, задаваясь вопросом, какие демоны преследуют его. Оакли Бирн глубоко измучен. Гнев, который часто вырывается на поверхность, является доказательством этого.

— Что ты влюблен в меня, — говорю я, мой голос звучит увереннее, чем я ожидала.

Его губы кривятся в злобной ухмылке, от которой у меня в животе свинцовым грузом опускается ужас.

— Ты на это надеешься, Ева? — Его ноздри раздуваются. — Что я хочу тебя трахнуть?

Я киваю.

— Ты был твердым, когда ты...

Его пальцы обхватывают мое горло и сжимают, обрывая меня на полуслове.

— Не надо, — рычит он.

Я пытаюсь вцепиться в его пальцы, но он не отпускает.

— Ты моя ученица. На этом всё. А теперь иди в класс, пока я не отправил тебя к Ниткину. — Он морщится от угрозы, прежде чем ослабить хватку на моем горле.

Я делаю глубокий вдох и убегаю. Впервые с тех пор, как мы встретились, я боюсь его.

Его всегда окружала эта тьма, но это был первый раз, когда я увидела ее в действии. Я больше ничего не говорю и мчусь к классу профессора Джеймсон так быстро, как только могу, не оглядываясь назад.

Я тянусь к своему горлу, ощущая призрачный след от пальцев Оака. Его прикосновение отличалось от прикосновения Элиаса, но это не делало его менее пугающим.

Когда я заворачиваю за угол, кто-то уже закрывает дверь в класс.

Прекрасно.

Я подхожу к двери и поворачиваю ручку, что привлекает ко мне всеобщее внимание.

— Извините за опоздание, профессор.

Профессор Джеймсон слегка хмурится.

— Не дай этому повториться, Ева. — Она кивает на мое место впереди, рядом с Камиллой, и я занимаю его.

Камилла хмуро смотрит на меня.

— Что случилось с твоей шеей? — шепчет она.

Я тянусь к ней и слегка вздрагиваю, ощущая боль.

— Элиас, — говорю я.

— Дерьмо, — бормочет она. — Тебе повезло, что ты не в лазарете. Что случилось?

Жар разливается по моим венам, когда я встречаю ее вопросительный взгляд.

— Появился Бирн и остановил его.

Профессор Джеймсон хлопает в ладоши.

— Девочки, предполагается, что вы читаете "Тигра в дыму", а не болтаете.

— Извините, профессор, — бормочу я, вытаскивая книгу из рюкзака и кладя ее на стол.

Я быстро перелистываю страницу, до которой дошла в книге, и концентрирую на ней свое внимание. Сердце все еще бешено бьется в груди, но не из-за моей стычки с Элиасом Моралесом. Я провожу пальцами по тому месту, где Оак обхватил ладонью мое горло, вспоминая жар, который поднялся внутри меня.

Что, черт возьми, со мной не так?

Все, что я должна была почувствовать, когда Оак так агрессивно прикасался ко мне, — это страх, и все же мое нутро сжалось, а желание затопило вены. Когда Элиас сделал то же самое, я была напугана, и хотя я испугалась, когда это сделал Оак, я также завелась. Это сделало меня горячей, беспокойной и невероятно нуждающейся в нем. И это сбивает с толку.

Я пытаюсь сосредоточиться на словах на странице, но все они сливаются воедино. Мой разум омрачен тем, что произошло в коридоре. Не говоря уже о том, что случилось в часовне.

Камилла слегка подталкивает меня локтем.

— Что случилось с твоими руками? — Она шепчет.

Я опускаю взгляд и вижу, что она заметила пятна крови.

— На занятиях по дисциплине с Бирном я оттирала кровь с пола в часовне, — тихо отвечаю, следя за тем, чтобы профессор Джеймисон не оглянулась, пока я говорю.

— Фу, гадость, — говорит Камилла, качая головой. — Думаю, он не дал тебе достаточно времени, чтобы оттереть кровь. — Она наклоняется ближе ко мне. — Он сказал, кто в этом замешан?

Я качаю головой.

— Нет, только то, что двое парней подрались.

Она кивает и переворачивает страницу в книге, прежде чем снова взглянуть на меня.

— Я слышала, что это были двое детей из седьмого класса.

Я поднимаю бровь.

— Где ты это услышала?

Хлопок ладонью по дереву заставляет нас обоих подпрыгнуть, когда мы поднимаем глаза на профессора Джеймисон.

— Что я вам говорила, девочки? — Ее глаза сужаются. — Мне посадить вас двоих отдельно?

Мы обе одновременно мотаем головами.

— Нет, извините, профессор, — говорит Камилла, прежде чем сосредоточить свое внимание на книге.

— Этого больше не повторится, — заверяю я ее.

Она выглядит неубежденной, но пренебрежительно машет рукой.

Я опускаю взгляд на страницу книги, но снова все, о чем могу думать, — это Оак. То, как он вел себя в коридоре, одновременно ужасало и возбуждало. Две вещи, которые не должны идти рука об руку, но я быстро поняла, что с Оаком все, что он делает, кажется, возбуждает меня и беспокоит.

Я не могу понять, то ли это потому, что он под запретом, то ли потому, что по какой-то странной причине меня тянет к нему, я связана с ним так, как никогда ни с кем не была.

Оак

Я напрягаю грудные мышцы, разминая спину, и наблюдаю, как стрелка часов пробивает час дня.

Время для моего урока с Евой.

Пальцы нетерпеливо барабнят по столу, пока я жду ее прихода. Ева опаздывала на каждое из наших занятий по дисциплине с тех пор, как мы начали чуть больше двух недель назад, и не имеет значения, как сильно я пытаюсь внушить ей страх. Она не подчиняется моей воле.

Она сильнее, чем ожидалось. Каждый раз, когда наказываю ее, я подхожу все ближе к тому, чтобы пересетупить линию своего контроля. Как будто она пытается подразнить зверя, чтобы тот вышел поиграть. После нашего первого сеанса я предположил, что она, возможно, будет носить более сдержанное нижнее белье, но она каждый раз надевает одинаково узкие стринги.

После вчерашнего в часовне, а затем в коридоре, я боюсь, что она может не появиться. Страх в ее глазах был таким реальным, какого я никогда не видел, и от этого у меня скрутило живот. Я больной сукин сын, и знаю это.

Я заставлял ее посещать уроки дисциплины каждый день, даже в выходные, потому что у меня есть извращенная потребность ежедневно прикасаться к ней и причинять боль, наблюдая, как намокают ее трусики. Я влияю на нее так же сильно, как она влияет на меня, но вопрос в том, что, черт возьми, я собираюсь с этим делать?

Большая стрелка переводит на две минуты третьего, и я стискиваю челюсти. Вчера Ева заставила меня найти ее в комнате общежития, но я знаю, что сейчас она на ногах и где-то в этой школе. Сегодня утром у нее было два урока. Если она продолжит раздвигать границы, я сорвусь.

Милая, невинная Ева не хочет зверя, который скрывается за мужчиной. После того как ее мать и отец уничтожили меня, тьма, которую я пытался сдерживать, властвовала надо мной первые несколько лет — тьма, которую я теперь слабо контролирую.

Я тянусь к линейке в ящике моего стола, но вместо того, чтобы вытащить ее, мои пальцы скользят по кожаному хлысту для верховой езды, который я принес сюда на следующий день после того, как впервые отшлепал Еву. Более чувственный прием, но думаю, что пришло время использовать его на Еве. Отсутствие прогресса у нее означает, что мне нужно быть с ней жестче, поскольку она знает, что я хочу услышать, но она не ломается.

Заставлять ее мыть полы, возможно, было еще менее эффективно. Решимость в ее глазах после этого стала еще более яростной.

Большая стрелка показывает десять минут, и я встаю, расхаживая по комнате.

С кем, блядь, она думает, что играет?

Если через минуту ее не будет здесь, я обыщу всю школу, а когда найду, притащу ее за шею прямо в эту комнату и заставлю пожалеть, что она когда-либо ослушалась меня.

Я открываю дверь и вылетаю из нее, только чтобы врезаться прямо в Еву. От удара она падает на пол и морщится.

Дерьмо.

— Ева, ты в порядке? — Спрашиваю я, опускаясь на колени рядом с ней. Нарастающая

внутри меня ярость переходит в легкое кипение на заднем плане.

На мгновение она выглядит немного ошеломленной, прежде чем кивнуть.

— Да, извините, Вы куда-то собирались?

Я встаю и протягиваю ей руку, не отвечая на ее вопрос.

Она выглядит нерешительной, и тот страх, который я видел вчера, остается, когда она принимает мою руку и позволяет мне поднять ее на ноги.

— Внутрь, сейчас же, — приказываю я.

Ее глаза вспыхивают от внезапного властного тона моего голоса, но она не отвечает, проходя мимо меня и направляясь кабинет.

Как только дверь закрывается, она говорит.

— Ну, Вы сегодня уже надрали мне задницу, так что, похоже, я сорвалась с крючка.

Я сужаю глаза.

— Даже близко нет. — Я смотрю на часы. — Ты опоздала более чем на десять минут. Это неподчинение становится утомительным, Ева.

Она наклоняет голову, хмуря брови.

— Ты шел, чтобы найти меня, Оак? — спрашивает она с кокетливой ноткой в голосе, как будто ее не пугает то, как я обошелся с ней вчера.

За последние две недели она легко привыкла называть меня по имени. Сначала мне это нравилось, потому что ее это смущало, но теперь это звучит естественно и не так забавно. Конечно, она не настолько глупа, чтобы снова поднимать эту тему, не после того, как я сорвался на неё.

— Наклонись, Ева, — приказываю я.

Ее ноздри раздуваются, и в ее блестящих карих глазах мелькает веселье, когда она подходит к столу и медленно нагибается, задирая юбку.

Глубокий рык вырывается из моей груди, когда я вижу ее идеальную маленькую киску. Я сжимаю свою эрекцию, чувствуя дискомфорт, когда мой член удлиняется.

— Сегодня без стрингов, Ева? — спрашиваю я.

Ева оглядывается через плечо.

— Ты уже видел меня обнаженной. — Она пожимает плечами. — Какой смысл? В любом случае, так удобнее.

Я не могу сдержать свое желание, когда делаю шаг к ней.

— Возможно, это твой способ признать правду. Скажи мне то, что я хочу услышать, и все закончится.

Ева качает головой.

— Я девственница, которая не целовалась с мальчиком, не говоря уже о мужчине.

Я стону, не в силах поверить, что Ева настолько невинна, настолько нетронута.

— Не лги мне, — говорю я, но мой голос звучит сдавленно.

— Никогда, — бормочет она.

Я чувствую, как поводья моего самоконтроля ослабевают, когда я подхожу ближе, и шлепаю ее по голой заднице рукой, а затем массирую кожу.

— Такая грязная девчонка, — говорю я.

Ева тихо стонет, приглашающе выгибая спину.

— Скажи мне то, что я хочу услышать.

Если бы Ева была похожа на своих родителей, она бы давно солгала мне. Что бы я с ней ни делал, она остается твердой в своих убеждениях, что только заставляет меня хотеть ее еще

больше.

— Никогда, — хрипит она, но этот свирепый тон пронизан похотью.

Мне требуется все мое самообладание, чтобы не скользнуть пальцами по ее обнаженной киске. Вместо этого я беру хлыст для верховой езды и сильно бью им ее по заднице.

Ева взвизгивает, ее бедра приподнимаются над столом.

— Что, черт возьми, было...

Я бью ее снова и снова, пока она не начинает задыхаться и хныкать. Это единственный известный мне способ остановить себя от прикосновения к ней, сделать ее своей. Ничто из этого не было частью плана по уничтожению ее семьи.

Я должен бросить ее Арчеру и покончить с этим, но одна только мысль об этом заставляет тьму всплыть на поверхность, угрожая разрушить все, над чем я работал.

— Скажи мне, Ева. — Я откладываю хлыст и нежно массирую ладонью ее покрытую рубцами попку, закрывая глаза от ощущения мягкости ее кожи под моими грубыми руками.

Ева тихо всхлипывает, прежде чем покачать головой.

— Когда ты признаешь, что я говорила правду с самого начала? — Она оглядывается на меня через плечо, в ее глазах смесь тоски и вожделения. — Единственный мужчина, который когда-либо видел меня такой обнаженной, — это ты.

Я тихо рычу, раздвигая ее попку, чтобы лучше видеть девственную пизду.

— Это правда, малышка? — Спрашиваю, прозвище вырывается у меня прежде, чем я успеваю его остановить.

Сдавленный стон срывается с ее губ.

— Да, — выдыхает она, ее бедра дрожат. — Только ты.

Влага стекает на внутреннюю поверхность ее бедер, и я осознаю, что она предвкушала этот момент так же сильно, как и я.

— Ты фантазировала об этом? — Спрашиваю, чувствуя, как мой разум ведет войну с телом, которое не намерено меня слушать. Эти слова вызывают торнадо, бушующее под моей кожей, когда опасно приближается кульминационный момент шторма.

— Оак, — выдыхает она мое имя, все еще наблюдая за мной через плечо. — Я...

Я снова шлепаю ее по заднице, заставляя ее хныкать.

— Если ты солжешь, я узнаю, — бормочу я.

Она продолжает смотреть на меня через плечо глазами, полными желанием.

— Я хочу тебя, — выдыхает она.

Эти три слова разрывают меня на части, и весь здравый смысл ускользает от меня. Ева искушает зверя выйти поиграть.

— Ты пользовалась вибратором на этой хорошенькой маленькой киске и думала обо мне, Ева? — Спрашиваю я, нежно проводя пальцем по ее насквозь мокрому возбуждению.

— Да. — Ее горло подрагивает, но она не отводит взгляд. — Я играла с собой каждую ночь с тех пор, как мы встретились, представляя тебя внутри себя.

Я рычу, поднимаю ее на ноги и прижимаю к себе.

— Вы переходите опасную черту, мисс Кармайкл.

Она облизывает нижнюю губу, привлекая к ней мой взгляд.

— Возможно, это то, чего я хочу. Опасности, — бормочет она.

Мой самоконтроль улетучивается, когда я прижимаюсь губами к ее губам, целуя со сдерживаемым и мрачным отчаянием. Я позволяю своим рукам скользнуть ниже к ее попке, крепко сжимая, когда притягиваю ее к себе, желая, чтобы она почувствовала, каким твердым

она меня делает.

Ева стонет, ее губы приоткрываются для меня, позволяя моему языку проникнуть внутрь, пока я исследую ее рот. Как будто я изголодался по ней, и мне нужно впитать саму ее сущность в свое тело, заразить ею свою кровь.

Мой здравый смысл больше не работает, когда я провожу пальцами между ее бедер, чувствуя, какая она влажная.

— Черт, — выдыхаю я ей в губы, прежде чем провожу ртом ниже к ее шее.

Ева мокрая, как ни одна женщина, которую я когда-либо держал в своих объятиях, такая охренительно мокрая. Я ввожу палец в ее теплый жар, заставляя ее задыхаться.

— Оак, — она тихо стонет мое имя, отчего я становлюсь еще тверже.

После того, как я накинулся на нее вчера утром в коридоре, это сюрприз, что она здесь. Удивительно, что она не держится от меня подальше.

— Это единственный раз, когда я хочу, чтобы ты назвала меня «сэр», Ева, — рычу я в ее кожу.

Ее глаза вспыхивают страстным желанием, когда она кивает.

— Да, сэр.

Я стону и снова захватываю ее губы, утопая в абсолютном наслаждении, которое дарит мне моя ученица.

Ученица, которая является отпрыском моих врагов. Реальность пронзает меня, как жесткий ремень по заднице. Я отталкиваю Еву, пугая ее.

— Сэр? — Она смотрит на меня с растерянностью и разочарованием, ее горло слегка подрагивает, когда она сглатывает.

Я качаю головой.

— Прости, я не должен был...

Ева не дает мне времени закончить, поддается вперед и притягивает мои губы обратно к своим.

— Ты должен был, — бормочет она, прежде чем осторожно скользнуть языком в мой рот.

Поцелуй другой, невинный и неуверенный, когда я позволяю ей руководить им, позволяю ей целовать меня в ее темпе. Я мягко кладу руку ей на бедра, притягивая ближе к себе. Этот момент идеален, когда я заключен в ее объятия, но я не могу прогнать темноту и потребность доминировать. Я сжимаю пальцы на ее бедрах и заставляю ее повернуться, она задыхается, когда я задираю юбку и провожу пальцем по насквозь мокрой пизде.

Ева ахает, оглядываясь на меня через плечо.

— Сэр?

Раздается громкий стук в дверь моего кабинета, прорывающийся сквозь облако безумия, завладевшее моим разумом.

Я отступаю от нее, опуская подол ее юбки. Мой палец все еще влажный от проникновения в ее тугую девственную киску.

Какого хрена я делаю?

Ева

Я резко выпрямляюсь, мое сердце колотится так сильно, что кажется, что оно вот-вот остановится.

Оак возвращается на свою сторону стола и садится в кресло.

— Кто там? — Он спрашивает, затем одними губами говорит мне. — Сядь на стул, Ева.

Я тяжело сглатываю и опускаюсь на стул напротив него, чувствуя, как горят мои щеки.

— Это профессор Джеймсон.

Мой желудок опускается, когда я задаюсь вопросом, слышала ли она, как я стонала имя директора.

— Входите, — зовет Оак, едва ли выглядя задетым тем фактом, что мы чуть не оказались в довольно бескомпромиссном положении.

Я неловко ерзаю на своем стуле, оставаясь напряженной, когда смотрю вперед, притворяясь, что сосредоточена на учебнике на столе Оука. С тех пор, как мы начали эти гребанные уроки, он почти не притрагивался к книге. Все, что он делал, это шлепал меня с первого дня, и теперь...

Я с трудом могу думать о том, что мы только что сделали и что это значит.

— Привет, Оак. — Она останавливается, когда видит меня. — О, прошу прощения. Я думала, что ты сам.

Оак качает головой.

— Нет, я учу Еву дисциплине в её свободные часы, поскольку она новенькая в школе.

Профессор Джеймсон улыбается мне, но в ее улыбке есть что-то натянутое.

— Здравствуй, Ева.

— Здравствуйте, профессор.

— Мне зайти позже, Оак? — Она кокетливо пропускает прядь своих рыжеватых волос сквозь пальцы. — Я хотела обсудить приготовления к зимнему балу. — Она хлопает ресницами, и у меня внезапно возникает желание встать и ударить ее по лицу.

У меня сводит живот при одной мысли о насилии. Мое влечение к Оаку становится чем-то вроде навязчивой идеи. Профессор Джеймсон кажется для него идеальной парой, умной и красивой и, самое главное, примерно его возраста.

— Конечно. — Он достает свое расписание. — Мы можем обсудить это после уроков в учительской с Арчером и Гэвом.

Я замечаю разочарование на ее лице, но она быстро маскирует его фальшивой улыбкой, которая не касается глаз.

— Конечно. — Она кивает ему. — Тогда увидимся позже.

Он хмыкает, когда она отворачивается и выходит из его кабинета, закрывая за собой дверь. Как будто в тот момент, когда она уходит, поведение Оака полностью меняется. Его плечи слегка опускаются, и он встает на ноги, расхаживая по своему кабинету.

— Ты в порядке, Оак? — Я спрашиваю.

Он перестает расхаживать и смотрит на меня с выражением чистой муки.

— Нет, Ева. — Он качает головой. — Я не в порядке.

Я смотрю, как он возвращается к своему столу и садится, уставившись на меня.

— Мне очень жаль. — Он запускает руки в свои темные густые волосы. — То, что

произошло, было неприемлемо.

Я открываю рот, чтобы сказать ему, что мне не жаль, но он поднимает руку, останавливая меня.

— Послушай. — Его взгляд становится суровым. — Ты никому не будешь говорить об этом, и с этого момента у нас не будет совместных уроков дисциплины.

От его заявления у меня сводит живот и ноет в груди.

— Но...

— Я сказал, слушай, — рычит он.

Я замолкаю, вертя пальцами на коленях, как капризный ребенок. Именно так он заставляет меня чувствовать себя прямо сейчас.

— Ты забудешь, что это вообще произошло, и мы будем держаться подальше друг от друга. — Его глаза холодны и бесчувственны, когда он смотрит на меня. — Это была глупая ошибка.

Эти слова сильно ударяют меня в живот, и я чувствую, как на глаза наворачиваются слезы, но я не позволяю им пролиться. Вместо этого я высоко поднимаю подбородок и встречаю его каменный взгляд, позволяя ему увидеть все эмоции, которые я сейчас испытываю.

— Я никогда не хотела приезжать сюда, Оак. — Я качаю головой. — Это не то место, где я должна быть, и даже если у меня есть друзья, всегда есть одна вещь, которая мешает мне когда-либо вписаться. — Я тяжело вздыхаю. — Я совсем не такая, как они. Я никогда не хочу быть связанной с криминалом. Я никогда не хочу стать главой своей семьи. — Я тяжело сглатываю, когда лицо Карла вспыхивает в моем сознании. — Знаешь ли ты, что сделало эту школу сносной?

Оак не отвечает.

Я чувствую, как боль сжимает мое горло, словно когти, скребущие изнутри.

— Ты, — бормочу я, сдерживая слезы, которые так отчаянно хотят упасть. — Ты был единственной хорошей вещью. — Я смеюсь над этим. — Звучит нелепо, учитывая, что ты причинял мне боль каждый день чуть больше двух недель.

В глазах Оака что-то слегка меняется, но непонятно, о чем он думает.

— Я думаю, вот насколько я чертовски жалкая, что цеплялась за тебя, даже когда ты причинял мне боль. — Я встаю и бросаю учебник по дисциплине на стол. — До свидания.

Я выхожу, и только оказавшись в коридоре, позволяю слезам скатиться по моим щекам. Маленькая, жалкая часть меня надеялась, что Оак мог бы остановить меня, мог бы сказать мне, что он чувствует то же самое.

Кого я обманываю?

Директор Оакли Бирн не в моей лиге и всегда таким был. Я не знаю, почему он поцеловал меня и почему он прикасался ко мне таким образом, но ясно, что это не имеет никакого отношения к тому, что он чувствует ко мне.

Он, вероятно, ненавидит меня так же сильно, как и мои родители. Это история моей жизни. Все, кто мне дорог, отвергают меня. Единственным человеком, который этого не сделал, был Карл, и его больше нет.

Я мчусь по коридору к своему общежитию, зная, что больше не смогу выдержать ни одного занятия сегодня.

К черту это.

Если меня накажут за это, пусть будет так. Мне уже все равно. Я хочу убраться из этого

места и из жизни моих родителей. Все, чего хочу, это начать все сначала там, где меня никто не знает — второй шанс, но я знаю, что, несмотря на мой план сбежать от них, это, вероятно, принятие желаемого за действительное.

Просто сбежать от родителей не получится, а значит, нужен новый план — безотказный.

До конца дня у меня больше нет уроков, и я отправляюсь в библиотеку, чтобы встретиться с Натальей.

— Эй, сюда. — Шепчет она.

Я улыбаюсь, когда вижу ее в окружении книг.

— Привет. — Я сажусь рядом с ней. — Что ты изучаешь? — Тихо спрашиваю я.

— Допрос, — отвечает она.

Я поднимаю бровь в ответ.

Она пожимает плечами. — Это полезный навык в Братве.

Я киваю в ответ, нервно загибая пальцы, потому что мне нужно задать ей вопрос.

— Ты умеешь хранить секреты?

Ее глаза поднимаются, чтобы встретиться с моими, и она лукаво улыбается.

— Какого рода секрет?

Я качаю головой. — Очень важный. Сможешь сохранить?

Она кивает. — Конечно. Я даю тебе слово.

Я с трудом сглатываю.

— Я не хочу быть частью бизнеса или жизни моих родителей.

Ее хмурится. — Правда? Что же тогда ты хочешь делать?

— Я хочу стать ветеринаром, но я не настолько наивна, чтобы верить, что сбежать от них будет легко.

Она размышляет.

— Нет, это было бы нелегко. — Наталья откладывает книгу, серьезно глядя на меня. — Твои родители известны своими международными связями, а не только национальными.

— Да, в этом-то и проблема. — Я встречаюсь с ней взглядом. — Как это сойдёт мне с рук?

Наталья барабанит пальцами по столу.

— Я знаю, ты хочешь сохранить это в секрете, но Камилла, возможно, единственная, кто может помочь. — Она наклоняет голову. — У нее есть средства для того, чтобы кто-то исчез. В конце концов, ее семья специализируется на торговле людьми.

У меня сводит живот от того, как легко Наталья говорит об этом.

— Торговля людьми? — Я уточняю.

Наталья кивает.

— Да, криминальная семья Морроне годами руководила крупнейшей сетью по торговле женщинами в Северной Америке.

— Тебе не трудно смириться с тем, что таких женщин, как ты и я, забирают из их домов и продают?

Наталья слегка морщит лоб, обдумывая вопрос.

— Да, честно говоря, трудно, но, к счастью, моя семья не торгует людьми.

— Чем они торгуют?

Она поджимает губы, прежде чем сказать.

— Всем остальным.

Я качаю головой.

— Я не могу этого вынести, Наталья. Несправедливость мира, частью которого мои родители заставляют меня быть. Если бы мой брат был все еще жив...

— Тогда что? — нажимает Наталья.

— Я надеялась, что мои родители позволили бы мне жить так, как я хочу.

Наталья смотрит скептически.

— Сомнительно, тебя все равно было бы полезно выдать замуж и укрепить связи семьи с какой-нибудь преступной организацией.

— Верно. — Я тяжело вздыхаю, зная, что она права. Мои родители слишком бессердечны и эгоцентричны, чтобы позволить мне жить так, как мне хочется.

— А если серьезно. Камилла — та женщина, которую следует спросить. — Она пожимает плечами. — Ты можешь ненавидеть то, что делает ее семья, но она единственный человек, которого я знаю, у которого есть средства, чтобы сделать так, чтобы ты исчезла, и твоя семья не смогла тебя отследить. — Она хмурит брови. — Но ты собираешься подождать до конца учебного года, верно?

Я киваю в ответ, зная, что сэкономленных денег более чем достаточно, чтобы оплатить обучение в колледже и стать ветеринаром, но не я учла, что придется нести большие расходы, если кто-то со стороны поможет мне сбежать от родителей. К тому времени, как я закончу здесь учебу, у меня будет достаточно денег и на то, и на другое.

Хотя мои родители никогда особо не заботились обо мне, они всегда давали мне деньги, и много.

— Как ты думаешь, сколько это будет стоить? — Я спрашиваю Наталью.

Она приподнимает бровь.

— Я уверена, что для подруги Камилла сделает это как одолжение, если только сможет убедить своего отца. — Она пожимает плечами. — Если нет, то она не возьмет много.

Из меня вырывается ранее сдерживаемое дыхание, и я размышляю, хватит ли моего нового плана, чтобы вырваться из их лап.

— Как ты думаешь, мне нужно будет покинуть страну?

Наталья хватается за руку и сжимает.

— Не беспокойся об этом прямо сейчас. Я бы сказала, что вполне возможно, потому что твои родители имеют большое влияние, и я не знаю, насколько легко исчезнуть от них в Америке, но мы разберемся с этим, когда до этого дойдет. — Она улыбается. — И, конечно же, я, Адрианна и Камилла навестим тебя независимо от того, где ты окажешься.

Я смеюсь над этим.

— Я думала, что меня невозможно будет отследить?

Наталья закатывает глаза.

— Не для твоих друзей.

На мой взгляд, это лишает смысла весь план, ведь если люди из школы будут знать, где я, тогда это означает, что мои родители могут попытаться извлечь эту информацию. Хотя Камилла, Адрианна и Наталья все из одинаково влиятельных криминальных семей, и я сомневаюсь, что они смогут их допросить.

— Однако ты уверена в этом, Ева? — Спрашивает Наталья.

Я киваю в ответ.

— Я была уверена в этом столько, сколько как себя помню. — Я тяжело вздыхаю,

проводя рукой по кончикам своих волос. — Я не создана для той жизни, которую хотят для меня мои родители.

Она качает головой. — Мало кто создан.

Я поднимаю бровь. — А как насчет тебя?

— Я чувствую долг перед своей семьей и братом. — Она пожимает плечами. — Смогу ли я оправдать ожидания, еще предстоит выяснить. Я блестящая ученица, но ничего не применяла на практике. — Ее брови хмурятся. — Я не думаю, что мне нужно беспокоиться о том, чтобы занять это место надолго. В конце концов, моему брату всего тридцать один год.

— Это слишком молодо для того, чтобы быть главой Братвы.

— Ему был двадцать один год, когда умер наш отец.

— И с тех пор он главный? — Я спрашиваю.

Наталья кивает с печалью в глазах.

— Это заставило его быстро повзрослеть. Немногие люди в возрасте двадцати одного года несут такую большую ответственность. — Она вздыхает. — Мне всегда было жаль Михаила. Его жизнь ему не принадлежит.

— Разве у него в любом случае не будет наследника? — Спрашиваю её. — Кто-то, кто мог бы взять на себя управление?

— Я всегда ему это говорила, но он твердо решил, что брак и дети — это не то, чего он хочет. — Она улыбается, но улыбка не достигает ее глаз. — Хотя я надеюсь, что он найдет девушку, которая сделает его счастливым. Он заслуживает немного счастья в своей жизни.

Мне трудно думать, что такие люди, как ее брат или мои родители, заслуживают чего-либо, кроме страданий. Они ежедневно причиняют боль, убивают и калечат, так как же такие люди могут чего-то заслуживать? Они преступники.

Вместо того, чтобы выразить свое отвращение, я киваю в ответ. Наталья, может быть, и хороший друг, но я знаю, что мы никогда не будем смотреть на мир одинаково. Я благодарна ей за то, что она понимает, почему я хочу уйти, и готова мне помочь. Это больше, чем у меня когда-либо было.

Оак

Что, черт возьми, я наделал?

Все пять лет планирования могут пойти прахом.

Я поцеловал Еву Кармайкл.

Ужасный поступок, который я не могу перестать прокручивать снова и снова. Последние три дня это занимало все мои мысли.

К счастью, это случилось в пятницу, так что у меня были выходные, чтобы дуться у себя в коттедже, но сейчас понедельник.

Каким-то образом я избежал встречи с ней, так как у меня нет занятий с Евой по понедельникам, но завтра нам придется увидеть друг друга на уроках по стратегии лидерства и права.

На её лице было написано отчаяние, когда я выставил ее из своего кабинета и отменил все наши индивидуальные занятия. Ее маленькая речь потрясла меня до глубины души, и по ужасной причине.

Это заставило меня понять, почему меня так тянет к ней. Она напоминает мне меня в ее возрасте, со своими отчаянными попытками вырваться любыми необходимыми способами, с этим ее стремлением быть лучше людей, которые ее вырастили. Невинная дочь моих врагов напоминает мне самого меня.

Как я могу уничтожить кого-то настолько невинного, настолько противоречащего всему, за что выступают ее родители?

Я перебирал все способы, которыми мог бы уничтожить Кармайклов, одержимый разрушением как основной целью, но я никогда не рассматривал другой ракурс. Помочь Еве освободиться от родителей и ткнуть им это в лицо. Прежде чем убить их, конечно же. Вопрос в том, поддержала бы меня Ева, если бы узнала, что я хочу сделать с ее семьей?

Она может заявлять, что ненавидит то, что они с ней сделали, но насколько глубока эта ненависть?

Я провожу рукой по своим растрепанным волосам, качая головой. Нужно быть определенным человеком, чтобы поддержать убийство людей, которые привели тебя в этот мир, и я не уверен, что Ева именно такой человек. Она добрая и чистая.

Арчер кивает мне, входя в учительскую.

— Все в порядке, Оак? — зовет он меня.

Я так отвлечен, что бормочу свой ответ, чем привлекаю его внимание.

— Что случилось? — спрашивает Арчер, опускаясь на стул напротив меня.

Я встречаюсь с ним взглядом и пожимаю плечами.

— Ничего. — Я провожу рукой по шее. — Просто проблемы с учеником.

Он медленно кивает, пристально наблюдая за мной.

— Это девушка Кармайкл?

Я сжимаю руки в кулак при упоминании о ней. Арчер — один из двух людей, которые знают, почему я купил эту школу и мой план отомстить семье Евы. Гаврил — второй.

— Да.

— Ты все еще собираешься отправить ее ко мне, чтобы... — Он замолкает, не договаривая.

— Нет, — практически рычу я.

Он приподнимает бровь, на его лице появляется легкая ухмылка.

— Почему бы и нет?

Я смотрю на своего друга, стиснув зубы.

— Потому что я не такой, ясно? — Я огрызаюсь.

Его глаза расширяются, и он поднимает руки.

— Хорошо, успокойся. — Он проводит рукой по волосам. — Если бы я не знал тебя лучше, я бы сказал, что ты запал на эту девушку? — Говорит Арч.

— Заткнись, — говорю я, потирая виски. — Я не хочу об этом говорить.

Арчер усмехается в ответ.

— Ты выглядишь как человек, которому нужна гребанная вечеринка и много алкоголя.

Я встречаюсь взглядом со своим другом.

— Это приглашение? — Встречались идеи и похуже.

— Почему, черт возьми, нет? Мы сто лет никуда не ходили. — Арч достает свой мобильный. — Посмотрим, захочет ли Гэв присоединиться. — Он набирает сообщение для него и отправляет.

— Ты прав. Я думаю, это именно то, что мне нужно.

Ночная выпивка с друзьями могла бы помочь мне отвлечься от мыслей о Еве Кармайкл и той безумной черте, которую я перешел с ней три дня назад.

Арчер ухмыляется и кивает в сторону двери.

— Отлично. Я собираюсь привести себя в порядок и что-нибудь поесть. — Он направляется к двери. — Встретимся здесь в восемь часов?

Я киваю в ответ.

— Конечно. Увидимся.

Арч выходит из учительской, оставляя меня наедине с моими хаотичными мыслями.

Я никогда не предвещал такого нелепого осложнения. Есть что-то глубокое, что связывает меня с девушкой, которую я хотел погубить. Девушкой, которую я хотел уничтожить во имя мести.

Бар, который выбрал Арчер, переполнен детьми, так как пользуется популярностью в местном колледже. Типичный Арчер, всегда заботится о том, чтобы вокруг было много горячих молодых студенток, из которых он мог бы выбрать.

Гэв чувствует себя так же некомфортно и я, когда мы заходим внутрь.

— Это лучшее место для того, чтобы выпить?

Я киваю, поддерживая его и оглядываюсь по сторонам.

— Это немного шумно.

Арчер качает головой.

— Прости, дедуля, но это самое горячее место в городе.

Я свирепо смотрю на него.

— На случай, если ты забыл, мы учителя из соседней школы, а не члены братства.

Он смеется. — Вам обоим нужно расслабиться. — Он качает головой и направляется к бару. — Не похоже, что мы столкнемся с кем-нибудь из наших студентов.

Надеюсь, он прав. Никто из нас не настолько глуп, чтобы поверить, что студенты не убегают из кампуса тайком. Ученикам не разрешается покидать территорию без разрешения, но кто их остановит?

Мы ловили детей именно за этим, но это не значит, что мы столкнемся с кем-то здесь. Есть еще десять местных клубов, поэтому шансы невелики, даже если это самое "горячее" место в городе, как выразился Арч.

— Как обычно? — спрашивает Арчер, глядя на меня.

— Да, виски, чистый.

Он смеется, качая головой. — Никогда не изменишься, да?

— Почему я должен? Я люблю виски.

Арчер заказывает мой виски, водку для Гавриила и "Манхэттен" для себя. Ему нравится считать себя утонченным, хотя большую часть времени он идиот, милый идиот, но все равно идиот.

— Давайте найдем кабинку, где нам не придется кричать, чтобы слышать друг друга, — говорит Гэв, обводя взглядом зал.

Я замечаю кабинку в углу и указываю на нее.

— Там.

Гэв кивает и направляется туда, прорываясь сквозь толпу студентов. Как только мы подходим к кабинке, он рычит.

— Это последний раз, когда я позволяю Арчеру выбирать, куда нам идти.

Я смеюсь. — Согласен.

— Согласен на что? — спрашивает Арчер, плюхаясь на со своим напитком в дальний угол кабинки.

— Что это последний раз, когда ты выбираешь, куда мы выберемся на ночь, — говорю я.

Он качает головой. — Вам обоим нужно остыть.

Я потягиваю виски, пытаюсь забыть о Еве Кармайкл и разбитом выражении ее лица после того, как я вышвырнул ее из своего офиса. Невозможно стереть этот образ, особенно после того, как мне было так приятно целовать ее, прикасаться к ней. Я все испортил, сказав ей, что это никогда не повторится, что и должен делать мужчина в моем положении, даже если это не то, чего я хочу.

— Эй, ты здесь, чтобы отдохнуть и расслабиться, — говорит Арчер, хлопая меня по плечу. — Перестань думать о девчонке Кармайкл.

Бровь Гэва при этих словах взлетает вверх.

— Ева?

Я бросаю взгляд на Арчера, а затем вздыхаю.

— Да, похоже, девушка, которую я намерен погубить, чтобы добраться до ее родителей, для меня неотразима.

Гэв смеется.

— Она, конечно, милая, но я бы не ожидал, что она в твоём вкусе.

Это меня раздражает, и я сажусь прямее, сурово глядя на него.

— И кто же, по-твоему, был бы в моем вкусе?

Он проводит рукой по шее, переводя взгляд на меня.

— Старше двадцати одного. — Он бросает взгляд на Арчера. — Два моих самых близких друга — извращенцы.

Арчер прижимает руку к груди.

— Как ты смеешь?

Гэв смеется.

— Это правда.

Я поднимаю бровь.

— Ты хочешь сказать, что никогда не находил студентку привлекательной?

В глазах Гавриила мелькает что-то, но это быстро исчезает.

— Нет, они слишком молоды, слишком незрелы.

Это то, что я сказал бы больше месяца назад. Однако теперь, когда я встретил Еву, я могу думать только о ней.

— Я тоже так думал, — бормочу я.

— Между вами что-нибудь было? — спрашивает Арчер, многозначительно приподнимая бровь.

Я тяжело сглатываю.

— Я поцеловал ее в своем кабинете.

Гэв выплевывает свою водку, но Арчер не выглядит удивленным.

— Что ты сделал? — спрашивает Гэв, качая головой. — Я думал, ты хотел уничтожить ее семью. Как это сработает, если ты заодно погубишь и себя?

Я прищуриваюсь, глядя на Гавриила.

— Вот почему я отменил все наши индивидуальные занятия по дисциплине и вышвырнул ее из своего кабинета.

— Похоже, одну вещь ты сделал правильно, — говорит Гэв.

Я впиваюсь ногтями в ладони, пытаюсь рассеять тьму, клубящуюся под поверхностью.

— Я не совсем уверен. Очевидно, что тебе нравится Ева, так почему бы тебе не стать тем, кто разрушит ее репутацию? — Голова Арчера слегка наклоняется в сторону. — Или это потому, что ты заботишься о ней?

Я скриплю зубами, желая, чтобы он не был таким пронизательным, даже если большую часть времени ведет себя как клоун.

— Возможно. — Я пожимаю плечами. — Не уверен. Все, что я знаю, это то, что она не такая, как я ожидал. — Я встречаю вопросительный взгляд Гавриила. — Она не избалованная принцесса мафии. — Я делаю глубокий вдох. — Она совсем не похожа на них.

— Ты забыл, что ее родители забрали у тебя? — спрашивает Гаврил, почти сердито.

Я знаю, что двое моих друзей заинтересованы в моем плане, и они хотят увидеть, как я отомщу двум кускам дерьма, которые сожгли мой мир дотла. Однако с тех пор, как я встретил Еву, все стало размытым и неясным. То, что когда-то было проще простого, теперь настолько чертовски сложно, что я больше ни в чем не могу разобраться.

Я допиваю остатки своего виски и со стуком ставлю стакан на стол.

— Хватит. Я согласился выйти, потому что хочу забыть обо всем, а не обсуждать это. — Машу официантке, и она принимает мой заказ на еще один раунд. — Давайте напьемся и забудем о Кармайклах.

Гаврил подносит свой бокал к губам и делает глоток, настороженно наблюдая за мной.

Арчер кивает и допивает остатки своего напитка.

— Вот именно. — Он ухмыляется мне. — Давайте напьемся.

Гэв кивает в знак согласия.

— По-моему, звучит неплохо. — Он допивает остатки водки, когда приносят еще по одной.

Я подаю сигнал официантке, прежде чем она уходит.

— Продолжайте обновлять каждые двадцать минут и записывайте на мой счет, — говорю, протягивая ей пятидесятидолларовую купюру.

Она улыбается, хлопая ресницами.

— Конечно.

До встречи с Евой, я, вероятно, флиртовал бы в ответ, соблазнил ее после смены и отвез к себе в коттедж. Теперь от одной мысли о том, чтобы привести туда кого-то, кроме Евы, у меня сводит живот. Это очень странное чувство. Которое я не могу понять.

Я никак не смогу забрать Еву в свой коттедж, как бы сильно мне этого ни хотелось. Она ученица, а я глава всемирно известной школы. Мафиозные семьи довольно снисходительны к скандалам в коридорах СА, но скандал с участием директора школы — это то, что не может остаться незамеченным.

Если я позволю своей одержимости Евой управлять моими действиями, то в итоге могу разрушить все, что построил на этот раз. Винить будет некого, кроме меня.

Ева

— Одевайся. Мы идем гулять, — объявляет Наталья, вальсируя в мою комнату, а следом за ней Камилла и Адрианна, все они в платьях.

Я хмурю брови.

— Гулять куда? — От мысли о том, чтобы пойти куда-нибудь прямо сейчас, у меня сводит живот.

Все, чего я хочу, — это свернуться в клубок и уснуть. Это то, чем я занималась все выходные после поцелуя с Оаком, и я не могу смириться с мыслью о том, чтобы куда-то идти. Сегодня я видела его в коридоре, но он меня не заметил. У меня сердце сжалось при виде его, а завтра придется дважды сидеть в его классе.

— Элиас нанял микроавтобус и позвал нас присоединиться к нему в городе, — говорит Наталья, пожимая плечами. — Нас, и еще десять человек.

Я бросаю взгляд на Камиллу, гадая, что происходит.

— И ты думаешь, разумно принимать приглашение от этого психа? — Я так и не рассказала Наталье о том, что произошло в коридоре, когда он набросился на меня и отпустил только потому, что нас прервал Оак.

Что-то мелькает в глазах Натальи, когда она пожимает плечами.

— Нам по восемнадцать лет, и мы торчим в этой школе двадцать четыре на семь. Я хочу выбраться.

Камилла и Адрианна обмениваются обеспокоенными взглядами, но ничего не говорят.

— Прекрасно, но дайте мне время одеться.

Наталья качает головой.

— Как ты думаешь, зачем мы здесь? Чтобы помочь тебе выбрать наряд и подготовиться.

Я тяжело сглатываю и киваю.

— Хорошо, у меня не так много платьев с собой. — Даже в моей последней школе я никогда не была из тех, кто выбирал платья вместе с подругами. Моя группа друзей была слишком заинтересована в учебе или просмотре фильмов. Мы не были девушками, которые ходили на свидания, за что мои родители были благодарны.

Камилла подходит к моему шкафу и открывает дверцу.

— Я уверена, мы что-нибудь найдем. — Она отодвигает одежду в сторону, просматривая каждую деталь. — Идеально, — говорит она, когда подходит к моему кремовому мини-платью с рукавами и глубоким откровенным декольте. Мои щеки пылают при одной только мысли о том, чтобы надеть его, так как я получила его в подарок от одного из друзей моего отца, который был полной свиньей.

— Я не уверена, что оно мне подойдет, — говорю я, перенося свой вес с одной ноги на другую.

— Ерунда, — говорит Камилла, и подходит с ним ко мне. — Ты будешь выглядеть великолепно.

Наталья кивает.

— Я должна согласиться с Камиллой. Ты будешь сексуально смотреться в этом.

— Согласна, — добавляет Адрианна.

Я тяжело вздыхаю, переводя взгляд с девушек в моей комнате на платье, прежде чем,

наконец, сдаюсь.

— Хорошо, дай мне его примерить.

Выпуставшись из джоггеров, я стягиваю с себя футболку и бросаю ее на кровать. Затем натягиваю платье и поворачиваюсь к Камилле.

— Можешь застегнуть молнию?

Камилла улыбается и кивает, когда я поворачиваюсь, чтобы дать ей возможность сделать это.

— Готово. Повернись и дай нам посмотреть, — говорит она.

Я оборачиваюсь, чувствуя себя при этом почти голой.

Адрианна присвистывает.

— Ты выглядишь горячо.

Наталья кивает в знак согласия, а Камилла смотрит на меня с полуоткрытым ртом.

— Потрясающе, — говорит Наталья.

Мне становится жарко от их взглядов, и я качаю головой.

— Я не уверена насчет него. — Я провожу ладонью по ткани. — Это слишком откровенно.

Камилла берет меня под руку.

— Ерунда. Оно прекрасно, и нам нужно идти, иначе мы опоздаем.

Я хватаю свое зимнее пальто с обратной стороны двери, когда они выталкивают меня из комнаты, и мы спешим по коридору.

— Как мы выберемся отсюда незамеченными?

Наталья лукаво усмехается.

— Сегодня ты узнаешь несколько секретов СА.

Вместо того чтобы повернуть налево и выйти из общежития, мы поворачиваем направо, вглубь женского крыла.

У меня сводит живот, когда я вижу впереди Джинни, Аниту и Керри. Трех девушек, которые напали на меня в первую ночь в этом богом забытом месте.

— Какого хрена они здесь делают? — Я бормочу, ни к кому конкретно не обращаясь.

Отвечает Камилла.

— К сожалению, они дружат с Элиасом.

— Мне это не нравится, — говорю я.

Адрианна сжимает мою руку.

— Не волнуйся. Теперь у тебя есть мы.

Они стоят перед большим портретом женщины. Когда видят нас, их глаза сужаются.

— Смотрите, кто это, — говорит Керри, насмехаясь.

Джинни делает шаг вперед, переводя взгляд между нами.

— Когда Элиас сказал мне, что позвал тебя, я подумала, что это какая-то дурацкая шутка.

Наталья расправляет плечи и поднимает подбородок.

— А я не понимаю, какого хрена он пригласил тебя.

Джинни встряхивает волосами.

— Тогда вперед. Кто пойдет первым?

— После тебя, — говорит Камилла.

Джинни сужает глаза, прежде чем потянуть за портрет на стене. К моему удивлению, он распахивается, открывая люк для грязного белья. Она сердито смотрит на нас, прежде чем

забраться внутрь и исчезнуть. Две ее подруги, Керри и Анита, исчезают вслед за ней.

— Что, черт возьми, происходит? — Спрашиваю я, когда Камилла делает движение, чтобы забраться вслед за ними.

Она бросает взгляд на меня.

— Люк выведет нас к заднему выходу из СА, где нас ждет микроавтобус. — С этими словами она устремляется вслед за девушками.

— Если бы я знала, что эти трое придут, я бы никогда не согласилась, — говорю Наталье.

Она закатывает глаза.

— Они только болтают, но не кусаются.

Я смотрю на нее.

— Скажи это моей ноге. — Я киваю в сторону поврежденной ноги.

— Прости, над тобой они поработали.

Адрианна — следующая, кто забирается внутрь и исчезает.

— Но это потому, что они боятся тебя. — Она кивает в сторону люка. — Ты — следующая.

Я бросаю на нее недоверчивый взгляд, так как думала, что смогу выкрутиться и уйти.

— Я буду последней.

Наталья качает головой.

— Нет, не будешь.

Я скриплю зубами и плетусь к люку, нервно поглядывая вниз.

— Ты уверена, что это...

Наталья пихает меня, сталкивая в люк.

Я кричу, падая с горки на кучу грязного белья внизу.

— Гадость, — говорю я, быстро выпрыгивая из нее.

— Ты кричала? — Спрашивает Камилла.

Я пожимаю плечами.

— Наталья толкнула меня.

Адрианна смеется.

— Типичная Наталья. — Она с жалостью смотрит на меня. — Она сделала то же самое со мной, когда мы в первый раз использовали этот путь побега.

Камилла выглядит смущенной.

— Возможно, это моя вина. Я сделала это с ней в ее первый раз.

Мы обе смеемся, когда Наталья появляется из люка, быстро выскакивая из кучи.

— Я каждый раз ненавижу приземление, — говорит она, бросая взгляд на грязное белье. — Оно чертовски воняет.

Мы все смеемся над этим, но нас прерывает свист Аниты.

— Поторопитесь. Все уже в автобусе.

Дверь в задней части прачечной ведет в закрытый двор, где припаркован микроавтобус. Элиас прислонился к нему, скрестив руки на груди. Его ноздри раздуваются, когда он видит Наталью.

— Заставила меня ждать, Гурин, — говорит он, отталкиваясь от автобуса и направляясь к ней. Он обхватывает ее одной рукой и прижимает к себе.

— Никогда больше так не делай, — говорит он угрожающим тоном.

Я хмурю брови и уже собираюсь что-то сказать, когда Камилла затаскивает меня в

автобус.

— Что происходит с этими двумя?

Камилла качает головой.

— Я не знаю, но когда я ее спросила, она стала защищаться.

Адрианна наклоняется вперед. — Если я что-то знаю о Наталье, то она расскажет обо всем в свое время. Если ты надавишь на неё, она сорвется.

Я сажусь рядом с Камиллой и спрашиваю:

— Однажды ты спросила Наталью, рассказывала ли она мне о том, что с ней сделал Элиас. Что он сделал?

Камилла встречается со мной взглядом, а затем переводит глаза на Адрианну.

Адрианна пожимает плечами.

— Это не совсем секрет.

Камилла вздыхает.

— Элиас годами мучил Наталью. Он обзывал ее, причинял ей физическую боль, унижал на глазах у всех. — Она бросает взгляд в переднюю часть фургона, где Элиас усадил Наталью к себе на колени. — Этот ублюдок даже пару раз довольно сильно ударил ее ножом.

Я ахаю от этого.

— Какого хрена?

Вмешивается Адрианна.

— Он сказал, что ей нужно преподать урок за то, что она любимица учителя.

Камилла кивает.

— Он был полным придурком по отношению к ней с четвертого класса, может быть, до прошлого года, когда всё стало спокойней. — Она хмурит брови. — Он даже вроде как оставил ее в покое в конце прошлого года.

Я смотрю, как он играет с волосами Натальи, сидящей у него на коленях.

— Мы не можем понять почему. — Камилла пожимает плечами. — Но после того, как ты дала ему отпор, что-то изменилось, и он снова начал издеваться над ней. Наталья замыкается в себе каждый раз, когда мы поднимаем эту тему, и не хочет это обсуждать, но у нас есть ощущение, что он что-то имеет против нее.

— Например? — Спрашиваю я.

Адрианна качает головой.

— Мы понятия не имеем. Хотелось бы знать.

— Мне кажется, он запал на нее, — говорю я, как бы про себя.

Камилла смеется, думая, что я шучу. Когда я серьезно смотрю на нее, она качает головой.

— Не может быть, чтобы Элиасу так нравилась Нат. Он был чертовски жесток на протяжении многих лет.

— Только то, что я вижу как посторонний человек. — Я пожимаю плечами. — Это была моя первая мысль, когда он подошел к нам в коридоре в тот день.

Адрианна задумчиво смотрит на меня.

— Черт, может, Ева права. — Она качает головой. — Это звучит чертовски безумно, но мы были слишком близки к этому все эти годы.

Я киваю.

— Не говоря уже о том, что когда Элиас напал на меня в коридоре...

— Что? Когда это произошло? — Спрашивает Адрианна.

— На прошлой неделе, я рассказывала Камилле. — Я прикусываю губу, вспоминая, как Оак пришел мне на помощь, только для того, чтобы обхватить пальцами мое горло. — Но кое-что, что он сказал, было странным.

— Что это было? — Спрашивает Камилла.

Я оглядываюсь, чтобы убедиться, что никто не подслушивает.

— Он сказал «Наталья — моя, чтобы мучить, и всегда была моей. Моя, ты поняла?». Он произнес это как ревнивый бойфренд.

— Какого хрена? — Говорит Адрианна, качая головой. — Если этому парню нравится Наталья, то он больной на голову из-за того, как он обращался с ней все эти годы.

Я киваю в знак согласия.

— У него явно есть проблемы.

Дмитрий Яков, которого я даже не заметила, садится на сиденье напротив, и наклоняется ко мне.

— У кого есть проблемы?

Адрианна и Камилла свирепо смотрят на него.

— Это называется частным разговором, Дмитрий, — говорит Камилла.

Дмитрий лениво улыбается, глядя на меня.

— Да? — Он проводит рукой по своим темным коротким волосам. — Это также называется общественным автобусом.

Адрианна качает головой.

— Пригласи ее на свидание и перестань валять дурака, — язвит она.

Мои брови хмурятся, когда я гадаю, кого именно она имеет в виду.

Дмитрий краснеет и пожимает плечами.

— Ладно. Ты оставишь для меня танец, красавица? — Спрашивает он, глядя прямо на меня.

Мой желудок скручивает при этой мысли, но я должна пойти на свидание, чтобы забыть об Оаке. Возможно, безобидный танец и легкий флирт с милым, привлекательным парнем моего возраста не повредят.

— Конечно, — говорю я, улыбаясь.

Он улыбается в ответ, выглядя облегченным.

— Отлично, увидимся на танцполе. — Затем он возвращается, чтобы сесть с несколькими парнями, сидящими сзади.

— Фу, — говорит Камилла, содрогаясь. — Почему ты согласилась на танец с ним?

— Почему бы и нет? Он не кажется ужасным.

Адрианна смеется.

— Это потому, что ты не знала его, когда он был моложе. — Она бросает на Камиллу многозначительный взгляд. — Справедливости ради, Яков вырос довольно красивым, тебе не кажется?

Камилла морщит нос.

— Я бы сказала, что это с большой натяжкой.

Я смеюсь.

— Резонно, но это всего лишь танец. Не то чтобы я соглашалась встречаться с ним.

И я знаю, что никогда бы этого не сделала, не тогда, когда все, о чем я могу думать, — это один очень запретный мужчина. Мужчина, о котором я никогда не должна была думать в

таком ключе, но теперь жизнь кажется совершенно безнадежной, если я никогда больше не смогу его поцеловать.

Оак

Красивый смех привлекает мое внимание.

Ева.

Я обыскиваю бар в её поисках, отчаянно пытаюсь найти источник этого смеха. Возможно, это кто-то, кто ужасно похож на нее, но в глубине души я знаю, что это неправда. Никто не звучит так, как она. Мой взгляд падает на большой стол в задней части зала, где собралось довольно много студентов СА, но я не вижу ее.

Я подталкиваю Гэва локтем.

— Похоже, у нас есть нарушители правил.

Его губы искажает дьявольская ухмылка.

— О, я люблю наказывать нарушителей правил.

Он потирает руки, заставляя меня покачать головой.

— Возможно, мы могли бы немного повеселиться с ними? — Предлагаю я.

Брови Гэва хмурятся.

— Что ты имеешь в виду?

— Посидеть с ними немного и заставить их попотеть. — Я пожимаю плечами. Я знаю, что мое предложение продиктовано желанием провести время с Евой. С тех пор, как она вошла в мой класс, она прилипла к Наталье Гурин, и я вижу Наталью с того места, где я сижу.

Гэв проводит рукой по волосам, прежде чем улыбнуться.

— Мне нравится ход твоих мыслей. Как только я сяду с ними, они обосрут.

Я смеюсь, кивая.

— Тогда давай сделаем это. — Бросаю взгляд на Арчера, который в данный момент увлечен юной блондинкой за другим столиком. — Я скажу Арчеру.

Гэв приподнимает бровь.

— Не уверен, что в этом есть большая необходимость. Он гребаный идиот.

Я все равно встаю и подхожу к нему.

— Арч.

Он отворачивается от спутницы, и поднимает бровь.

— Что?

— У нас в баре есть студенты. Мы с Гэвом собираемся присоединиться к ним и помучить. — Я бросаю взгляд на девушку, с которой он целовался. — Интересно, не хочешь ли ты составить компанию?

Его глаза слегка расширяются при упоминании студентов в баре.

— Где?

— Вон там, сзади. Их около четырнадцати. — Я наклоняю голову. — Ты с нами или нет?

Арчер смотрит на блондинку, а затем снова на меня.

— Конечно. Извини, милая. — Он высвобождается из ее объятий. — Может быть, в другой раз. — подмигивает ей и затем следует за мной обратно к нашему столику.

Гэв уже встал на ноги и свирепо смотрит на стол с правонарушителями, разминая кулаки.

— Готовы?

Я киваю.

— Подыграйте мне.

Я иду к столу, пробираясь сквозь толпу к столу студентов. Мои шаги почти сбиваются в тот момент, когда замечаю Еву Кармайкл. На ней самое сексуальное платье, которое я когда-либо видел, из кремовой ткани с глубоким вырезом, подчеркивающим ее идеальную грудь. Рукава длинные, что придает наряду элегантности.

Тихий рык вырывается у меня из горла, когда я вижу, что Дмитрий сидит рядом с ней, небрежно положив руку ей на бедро.

Ублюдок.

Я иду к столу и сажусь прямо напротив Евы. В тот момент, когда она замечает меня, ее лицо бледнеет.

— Дерьмо, — бормочет она.

Ее восклицание привлекает внимание Дмитрия, и он отпускает ее бедро, немного отодвигаясь от нее.

Я прочищаю горло.

— Не знал, что у всех вас было разрешение покинуть территорию, — говорю я спокойным голосом, несмотря на хаос, бушующий внутри меня.

Все, кто меня не заметил, делают это, когда Арч пинком сбрасывает парня со стула и садится, скрестив руки на груди. Я замечаю, что его внимание приковано исключительно к Адрианне Васкез.

Гэв остается стоять, но большинство студентов настороженно наблюдают за ним. Это безумие, сколько страха может внушать русский профессор.

Элиас Моралес заговаривает первым.

— Это всё я. — Он поднимает подбородок и смотрит на меня. — В конце концов, нам по восемнадцать лет. Мы можем делать все, что, черт возьми, захотим.

Я поднимаю бровь.

— Может быть, и так, но вы все слишком молоды, чтобы находиться здесь легально.

Элиас смеется.

— Кого, блядь, волнует законность? Цель академии — преподавать все, что не является легальным. — Он получает несколько смешков от своих одноклассников, но большинство из них слишком боятся Гэва, чтобы смеяться.

— Туше, — говорит Арч. — Как насчет того, чтобы присоединиться к вам? — Его глаза по-прежнему не отрываются от Адрианы, которая смотрит куда угодно, только не на него.

— Если думаешь, что справишься с этим, старик, — говорит Риццо, новенький, поступивший в начале этого семестра.

Он такой же самоуверенный и глупый, как Элиас. Арчер, однако, всегда и во всем видит юмор.

— Ты знаешь, что я могу надрать тебе задницу даже после того, как утопил две бутылки скотча, Риццо.

Риццо смеется и передает ему бутылку водки.

— Угощайтесь. — Он откидывается на спинку стула, на его лице все еще застыла дерзкая ухмылка. Либо он бесстрашен, либо просто тупой, поскольку Гаврил смотрит на него так, словно готов привязать к дыбе для пыток.

Арчер наливает себе большой стакан водки и откидывается на спинку стула, потягивая

напиток.

Я остаюсь неподвижным, глаза сосредоточены исключительно на Еве. Если не буду контролировать свой гнев, я могу перегнуться через стол, избить Дмитрия до полусмерти и заявить права на Еву прямо на этом гребанном столе на глазах у ее одноклассников.

Мой член пульсирует при одной только мысли об этом, что говорит о том, как, блядь, далеко я зашел. Запретный аспект только усиливает мое желание. Ева должна бежать, спасая свою гребанную жизнь.

Официантка, которой я дал чаевые ранее, находит меня в этот момент и кладет руку мне на плечо.

— Мне пришлось поискать тебя, — шепчет она, прежде чем вложить стакан виски в мою руку.

Несколько парней за столом присвистывают, но я выпрямляюсь и киваю в знак благодарности. С горечью осознаю, что глаза Евы сейчас прикованы ко мне, хотя несколько минут назад на ее бедре была рука другого мужчины. Я стискиваю зубы и снова бросаю на нее взгляд, чтобы обнаружить, что она смотрит на официантку с такой же злобной ревностью.

Я ухмыляюсь на это и снова наклоняюсь к девушке, понимая, что мои действия будут раздражать Еву.

— Почему бы тебе не принести выпивку всем за мой счет, — шепчу ей на ухо и даю еще одну пятидесятидолларовую купюру.

Это по-детски, как будто мне снова, блядь, восемнадцать, но я ничего не могу с этим поделать.

Она кивает и подмигивает, прежде чем отправиться за новыми напитками.

Это безответственный шаг. Как директор их школы, я не должен покупать выпивку этим несовершеннолетним ученикам. Однако присутствие Евы здесь только загуманивает мой рассудок и мешает думать о чем-либо другом.

— Итак, как, черт возьми, вам всем удалось улизнуть с кампуса? — Спрашиваю, оглядывая всех сидящих учеников за столом.

Некоторые из них бледнеют, но большинство ухмыляются в пьяной гордости.

— Боюсь, если бы мы сказали Вам это, профессор, нам пришлось бы вас убить, — говорит Элиас, ухмыляясь той наглой ухмылкой, которую я бы с удовольствием стер с его лица.

К моему удивлению, его рука лениво лежит на плече Натальи Гурин. Та самая девушка, которую он годами мучил. Наталья выглядит немного неуютно, что наводит на мысль о том, что, возможно, она здесь не по своей воле, или, по крайней мере, не по своей воле находится в объятиях Элиаса. Парню многое нужно доказать. Он может быть членом семьи картеля Эстрада, но он всего лишь двоюродный брат и не носит фамилию Эстрада. Это значит, что хотя в этой школе он — крупная рыба, в реальном мире он не так уж и важен. Он девятый в очереди на то, чтобы возглавить картель Эстрада, после своих шести двоюродных братьев и двух старших сестер.

— Я бы хотел посмотреть, как ты пробуешь, Элиас, — говорю я ровно, удерживая его взгляд. — Некоторые пытались, но ни один из них не преуспел.

Он фыркает на это.

— Да, верно, старик.

Я сжимаю кулаки, переводя взгляд обратно на Еву, перед которой заискивает Дмитрий.

Он наклоняется вперед и шепчет ей на ухо.

— Дмитрий, — я лаю его имя.

Он выпрямляется, широко раскрыв глаза.

— Что?

— Ты забыл, что произошло в последний раз, когда ты прошептал что-то неподобающее мисс Кармайкл?

Его лицо бледнеет, и его глаза устремляются к Гэву, который стоит на ногах, скрестив руки на груди и наблюдает. Я замечаю, как его взгляд не раз останавливается на Камилле Морроне. Возможно, мой друг не так уж невосприимчив к красоте восемнадцатилетних девушек.

— Я не сказал ничего такого, чего Ева не хотела бы услышать, — говорит он, глядя на Еву. — Правда, Ева?

Глаза Евы несколько раз перебегают с него на меня, прежде чем она встает.

— Мне нужно подышать свежим воздухом. — Она проталкивается мимо Дмитрия, который пытается схватить ее за руку.

— Ты хочешь, чтобы я...

Ева качает головой.

— Нет, я вернусь через минуту. — Она устремляется прочь, покачивая бедрами из стороны в сторону, элегантно постукивания каблуками средней высоты.

Мой член пульсирует при виде ее спины в этом платье. Образ, который должен быть для моих глаз и только для моих. Я замечаю, что Дмитрий смотрит на неё точно так же, облизывая губы, как голодное животное, когда она исчезает из виду.

Я хватаюсь за край стола, чтобы не дать себе перемахнуть через него и вырубить его. В конце концов, он ученик. Я не могу ходить и бить учеников из-за того, что они трогают другую ученицу. У него больше прав прикасаться к ней, чем у меня — я ее гребаный учитель.

Бросаю взгляд на бар, замечая, что оплаченные напитки все еще не принесли.

— Я заказал всем выпить. Пойду посмотрю, из-за чего задержка. — Встаю и направляюсь к бару, подзывая официантку. — Что у нас с напитками?

Ее глаза расширяются.

— Работаю над этим. Это большой заказ.

Я киваю в ответ.

— Я выйду подышать свежим воздухом. Принесите их в любом случае.

Официантка улыбается.

— Обязательно. У меня скоро перерыв, если Вы хотите ...

— Не заинтересован, извини.

Ее лицо опускается, но она кивает.

— Конечно. Тогда только напитки?

— Да, — говорю я.

Я поворачиваюсь к выходу из клуба, чувствуя, как сердце бешено колотится в груди. Это безрассудство с моей стороны — идти за девушкой, которая преследует меня во сне и наяву. Но мои ноги не остановить. Ева — как центр моей вселенной, она тянет меня прямо к себе с такой силой, что я не могу сопротивляться.

Я выхожу из клуба на улицу, глубоко вдыхая свежий воздух, так как внутри душно, переполнено и воняет спиртным. Оглядываюсь в поисках Евы, пока не замечаю маленькую фигурку, прислонившуюся к стене клуба, голова запрокинута вверх, ее лицо мягко освещено

лунным светом.

Ева.

Она выглядит как видение, стоя вот так, заставляя мой желудок переворачиваться при мысли о том, чтобы снова поцеловать эти пухлые губы.

Я направляюсь к ней, ускоряясь по мере приближения. Увидеть руку Дмитрия на ней было достаточно, чтобы моя решимость улетучилась. Хватит с меня попыток держаться от неё подальше. Пришло время взять то, что я хочу.

Ева переводит взгляд на меня, когда я встаю на разбитую бутылку, предупреждая о своем присутствии. Ее глаза расширяются, и она, защищаясь, складывает руки на груди, делая несколько шагов вправо, как будто боится меня.

Мягкое рычание вибрирует в моей груди, когда я придвигаюсь к ней, сокращая расстояние. В ее глазах страх, как и должно быть. Если бы у Евы была хоть капля здравого смысла, она убежала бы от меня подальше и никогда не оглядывалась назад, но в ее глазах тоже есть желание, которое говорит мне, что она не намерена отступить.

Ева будет моей, да поможет мне Бог.

Ева

Я совершила большую ошибку, придя сюда одна.

Оак последовал за мной. И теперь он смотрит на меня как разъярённый, голодный хищник, готовый разорвать меня в клочья. Его прекрасные голубые глаза кажутся почти серебряными при тусклом уличном освещении и бледном лунном свете, пробивающемся сквозь облака.

Когда он приближается, я делаю несколько шагов назад, только чтобы оказаться прижатой к стене клуба.

— С Вами все в порядке, директор Бирн? — Спрашиваю я, не желая называть его по имени. Это слишком интимно для такой обстановки, учитывая, что мы не в школе, и то, как он смотрит на меня, пугает.

Он останавливается всего в метре от меня, наклоня голову.

— В порядке ли я? — Его голос дрожит от гнева. — Какого хрена ты здесь делаешь?

Этот тон заставляет меня пожалеть, что я не могу раствориться в кирпичках позади.

— Наталья пригласила меня, — бормочу, желая, чтобы мой голос не звучал так ничтожно по сравнению с его. — Я сожалею, что нарушила правила.

В ответ на моё раскаяние, его глаза вспыхивают чем-то, чего я не могу разглядеть, когда его взгляд переходит на мои губы, а затем опускается к платью.

— Почему ты надела это платье? — Спрашивает он, медленно проводя пальцем вниз по центру моего тела. — Ты надеялась привлечь мужское внимание? — В его голосе звучат убийственные нотки, которые заставляют меня вздрогнуть.

Я качаю головой.

— Нет, мои подруги настояли на этом наряде. — Я пожимаю плечами. — Я даже не хотела его надевать.

Уголок рта Оака приподнимается в почти улыбке, но в его радужках все еще искрится опасность.

— Я никогда больше не хочу видеть тебя в подобном платье, — приказывает он, наклоняясь к моему уху, его губы нежно ласкают раковину. — Если только ты не будешь рядом со мной.

Он хватает меня за бедра своими большими грубыми руками, впиваясь кончиками пальцев так сильно, что становится больно.

Его заявление не имеет смысла, но мой желудок трепещет при воспоминании о том, как хорошо было, когда его губы опустились на мои три дня назад.

— Я не понимаю, сэр, — говорю я, качая головой и кладя руки ему на грудь, чтобы оттолкнуть его от себя. Он не двигается. — Вы директор моей школы, а это значит, что я не могу быть рядом с Вами. — Я нажимаю сильнее.

Он не сдвигается ни на дюйм.

— Ты можешь и ты будешь. — Одна из его рук перемещается с моего бедра на шею, крепко сжимая меня. — Ты моя, Ева, и я никогда больше не хочу видеть рядом с тобой Дмитрия, мать его, Якова. Ты поняла?

Внутри меня вспыхивает жар, ревущий, как двигатель гигантского реактивного самолета, при виде чистой ревности в глазах Оака.

Он серьезно ревнует к Дмитрию?

Часть меня хочет рассмеяться, но я сдерживаюсь, понимая, что, судя по выражению его лица, это только разозлит его.

— Почему ты думаешь, что можешь мной командовать? — Я поднимаю подбородок, встречая его напряженный взгляд. — Если мне понравится Дмитрий, тогда я буду общаться с ним. Это не...

Свирепый, животный рык Оака обрывает меня, когда он обхватывает пальцами мое горло, глядя на меня как одержимый.

— Осторожнее, малышка, — растягивает он, заставляя мои колени дрожать, в то время как моя ладонь остается прижатой к его твердой груди.

— Оак, — выдыхаю я его имя, мои глаза закрываются от теплого, собственнического захвата его

руки на моем горле. Это похоже на то, что он делал в коридоре, только мягче.

— Если я говорю, что ты моя, то на этом всё, — огрызается он, раздувая ноздри. — Ты будешь держаться подальше от этого мальчишки, Ева. Все, чего он хочет, это залезть к тебе под юбку.

— А ты? — Спрашиваю, чувствуя, как учащается мой пульс, когда я смотрю на мужчину, удерживающего меня.

Его глаза сужаются.

— А я что?

— Чего ты хочешь от меня? — Спрашиваю, понимая, что это опасный вопрос.

Его рука отрывается от моей шеи и опускается ниже к ключице, проводя своей грубой кожей по моей.

— Всего, — бормочет он, перемещая руку еще ниже, чтобы обхватить мою грудь через ткань платья. — Всю тебя, — мурлычет он, глаза затуманены желанием.

— Оак, — выдыхаю я его имя, пылающий жар растекается по моим венам. Собственничество в его тоне заставляет мое тело таять от желания. Мои щеки горят, а между бедер разгорается глубокая боль от того, что его твердое тело прижимается к моему.

— Я хочу обладать тобой, — продолжает он, глядя мне в глаза, пока его рука пробирается по каждому сантиметру моего тела. — Я хочу, чтобы каждая твоя мысль была наполнена мной, — полурычит он, выглядя немного диким, когда его самоконтроль дает трещину. — Я хочу, чтобы ты хотела меня так же сильно, как я хочу тебя, Ева. — Его губы теперь в сантиметре от моих. — Ты понимаешь?

Я с трудом сглатываю и киваю.

— Да, сэр, — выдыхаю я.

Он стонет и выдыхает слово “моя”, прежде чем впиться своими губами в мои в головокружительном и собственническом поцелуе, который крадет воздух из моих легких, здоровый смысл и остатки самоуважения, которые у меня еще оставались, когда я стону ему в рот, как шлюха.

Откуда у него такая власть надо мной?

Я никогда не заботилась о мальчиках или мужчинах, сосредоточившись исключительно на получении отличных оценок, чтобы сбежать от своих родителей. Мальчики были ненужным отвлекающим фактором, и все же с того момента, как увидела этого мужчину, я едва могла сосредоточиться на чем-то другом.

Мои пальцы впиваются в его твердые, широкие плечи, пока я пытаюсь удержаться на

ногах, чувствуя, как его сила вдавливают меня в стену клуба. Я позволяю им переместиться с его плеч на темные густые волосы, когда он углубляет поцелуй, грубо просовывая язык в мой рот и обратно, как будто он не контролирует себя.

Это странно вдохновляет, что такой мужчина, как Оак, не может контролировать свое влечение ко мне, и заставляет меня чувствовать себя более красивой, чем я когда-либо чувствовала, более желанной.

Оак прерывает поцелуй, только для того, чтобы продолжить атаку своим ртом ниже по моей шее.

— Такая. Блядь. Красивая, — говорит он, касаясь губами моей ключицы. — И вся моя, — выдыхает он, прежде чем отстраниться, чтобы заглянуть мне в глаза.

— Скажи мне, что ты моя, — приказывает он.

Я облизываю нижнюю губу, понимая, что это полное безумие. Черт возьми, он мой директор, но ничто и никогда не казалось мне таким правильным. Ничто в моей жизни вообще никогда не казалось правильным.

— Я Ваша, сэр, — говорю я.

— Хорошая девочка, — мурлычет он, прежде чем снова впиться своими губами в мои с новой силой. На этот раз я отпускаю свою неуверенность, отпускаю свои мысли и позволяю ему поглотить меня изнутри.

Когда мы наконец отрываемся друг от друга, я слышу слишком хорошо знакомый скрипучий смех. Джинни Дойл.

— Дерьмо, — выдыхаю я.

Оак резко поворачивается ко мне, качая головой и поднося палец к губам.

— Тихо.

— Нам нужно убираться отсюда, — шепчу, замечая группу из трех девушек, стоящих у входа в клуб. — Они нас еще не видели.

Оак заглядывает мне в глаза, прежде чем оттолкнуться от меня и, схватив за руку, потащить по темному переулку.

— Я отвезу тебя домой, — говорит он, дергая меня в сторону дороги за клубом, где припаркован его внедорожник.

— Ты не слишком много выпил? — Спрашиваю я.

Он проходит мимо внедорожника прямо к такси, припаркованному на дороге.

— Академия Синдиката, — говорит он водителю, прежде чем открыть мне заднюю дверь.

— Залезай, — говорит он, сурово глядя на меня.

Я сажусь на заднее сиденье, и он захлопывает дверцу, прежде чем сесть на пассажирское сиденье рядом с водителем.

Мой желудок опускается в разочаровании от того, что он не сел со мной сзади, но что-то подсказывает мне, что то, что его чуть не поймала Джинни Дойл, выбило его из колеи. Расстояние между нами только заставляет меня страдать еще сильнее.

Это долгая, тихая поездка обратно в кампус Академии Синдиката, но как только мы оказываемся там и такси трогается обратно по длинной, извилистой подъездной дорожке, рука Оака ложится мне на поясницу. Его тело придвигается ближе, и его жар вторгается в мое пространство, заставляя колени слабеть.

— Пойдем со мной, — шепчет он мне на ухо.

Я хватаюсь за его руку, когда он уводит меня от главного здания, заставляя мое сердце

бешено колотиться.

— Куда мы идем?

Оак цокает.

— Без вопросов, Ева.

Я с трудом сглатываю и позволяю ему вести меня по маленькой, тускло освещенной тропинке, которая, как оказалось, сворачивает к краю леса под декоративной аркой, увитой вечнозеленым альпинарием.

Мой желудок переворачивается, когда я вижу причудливый каменный коттедж в конце тропинки.

— Ты здесь живешь?

Оак нежно сжимает мое бедро.

— Да, — бормочет он, оглядываясь по сторонам. — Никто не застанет нас здесь.

Мои бедра сжимаются вместе, а сердце учащенно бьется, когда я понимаю, что происходит. Директор Оакли Бирн хочет меня. Я не знаю почему, но это так, и это сводит меня с ума от желания. Когда мы подходим ближе к красивому маленькому коттеджу, я знаю, что собираюсь дать ему то, что он хочет. Всё во мне принадлежит ему.

Это неправильно. Это запрещено. И все же, жизнь никогда не казалась такой правильной, как в те моменты, когда я с Оаком. Как будто я была рождена, чтобы принадлежать ему. Я дрожу, когда ледяной ветер проносится по территории, заставляя меня придвинуться ближе к теплу Оака.

Он крепко сжимает мое бедро, пока мы преодолеваем последние сто метров до крыльца. Он отпускает меня, выживая ключ из кармана.

Я наблюдаю за тем, как он отпирает богато украшенную деревянную дверь и толкает ее, прежде чем положить руку мне на поясницу, направляя меня внутрь. Его прикосновение заставляет меня вздрагивать, но по всем правильным причинам. Я так взвинчена, так нуждаюсь в нем.

А затем звук закрывающейся двери и поворот замка возвращает меня обратно в реальность. Мое сердце невероятно сильно стучит в ушах.

— Сэр, что мы...

Оак резко прижимает меня к себе, обрывая на полуслове.

— Никаких вопросов, — выдыхает он, его губы всего в сантиметре от моих, пока он ищет мои глаза. Такое чувство, что он может смотреть сквозь меня, прямо в мою душу.

Я дрожу, изо всех сил пытаюсь поверить, что Оакли Бирн, самый красивый мужчина, которого я когда-либо встречала, действительно хочет меня.

— Мы собираемся сделать это?

Улыбка, которая расползается на его губах, становится порочной, когда он приподнимает бровь.

— Что именно, по-твоему, мы собираемся делать?

Я чувствую, как жар разливается по моему телу, превращая мои щеки в пламя.

— Я-я... — Осознавая, что я никогда еще не теряла дар речи, я замолкаю. Этот мужчина сводит меня с ума. Я прикусываю нижнюю губу, не в силах встретиться с ним взглядом.

Оак берет пальцем мой подбородок, приподнимая его, так что мои глаза встречаются с его.

— Скажи мне, что ты хочешь, чтобы я сделал с тобой, Ева.

Стыд охватывает меня, потому что я слишком неопытна, слишком стесняюсь сказать

ему, чего хочу. Вместо этого я качаю головой.

— Я не знаю.

Его хватка становится сильной, почти болезненной.

— Не лги мне.

Доминирование в его тоне вызывает привыкание, и я тяжело сглатываю, заглядывая в его голодные глаза цвета морской волны.

— Я хочу Вас, сэр.

Мускул на его челюсти напрягается, когда он отпускает мой подбородок и вместо этого хватает меня за бедра, прижимая к своему твердому, мощному телу.

— Что именно ты хочешь, чтобы я с тобой сделал? — Спрашивает он снова, его губы перемещаются к моей шее. Он нежно целует меня, спускаясь ниже, пока они не оказываются у моей ключицы.

Я едва могу думать, когда его губы на мне.

— Всё, — выдыхаю я, облизывая свои губы, которые стали слишком сухими. — Я хочу, чтобы ты прикоснулся ко мне.

— Хмм, — выдыхает он, убирая руки с моих бедер, чтобы сжать мою попку в своих ладонях. — Вот так?

Я киваю в ответ, мои глаза закрываются от ощущения его рук на мне.

— Я тоже хочу прикоснуться к Вам, сэр.

Оак отстраняется, самодовольная улыбка растягивает его губы.

— Где?

— Повсюду, — тихо выдыхаю я.

В его глазах вспыхивает голод.

— Продолжай, малышка.

Я сжимаю бедра вместе каждый раз, когда он использует это прозвище. Его губы возвращаются к моей шее, он покусывает, облизывает и сосет мою плоть. Это сводит меня с ума от желания.

— Я хочу, чтобы ты попробовал меня на вкус, — говорю я, чувствуя, как смелость пробуждается внутри меня по мере того, как он прикасается ко мне, между нами разгорается жар. — И я хочу попробовать на вкус тебя.

Он стонет у моей кожи, отчего я чувствую себя странно сильной. Все, что я делаю, это говорю, но он, кажется, не в состоянии оторвать от меня руки.

— Такая грязная маленькая девчонка, — растягивает он слова. Я с удивлением замечаю намек на южный акцент в его голосе.

— Я хочу, чтобы ты был внутри меня, — пишу я, когда он прикусывает мою ключицу зубами сильнее, чем я ожидала, заставляя меня вздрогнуть. — Я хочу, чтобы ты был моим первым.

Его тело напрягается при этом, руки так сильно сжимают мои бедра, что кажется, будто он пытается сломать меня. Возможно, именно этого он и хочет, поскольку внутри этого человека есть тьма. Тьма, которую я никогда не смогу постичь. Но у меня такое чувство, что сегодня я увижу проблеск того, что скрывается под красивой, идеальной внешностью этого человека.

Оак

— И последнее, — рычу я, чувствуя, как эта зловещая одержимость распространяется по мне, как яд, заражающий кровь и разрушающий мое сердце.

Ева вопросительно поднимает бровь, но я игнорирую это. Возможно, она не поймет этого замечания, но как только я овладею ею, назад дороги нет. Она будет моей навсегда.

Это безрассудно — приводить её сюда, но я не могу найти в себе сил беспокоиться об этом. После того, как обнаружил, что этот ублюдок, Дмитрий, наложил на неё свои лапы, мне нужно заявить о своих правах и сделать ее своей.

— Как только я возьму тебя, Ева, пути назад нет. — Я крепко прижимаю ее к своему телу, давая почувствовать, насколько я тверд между нами. — Ты будешь моей.

Ее ноздри слегка раздуваются, и я вижу вызывающий огонек в ее глазах, но она не опровергает мое утверждение. Вместо этого приглашающе наклоняет голову, умоляя меня завладеть ее губами.

Сначала я поддразниваю ее, позволяя своему дыханию касаться ее мягких, податливых губ. Расстояние между нами медленно сокращается, пока я не прижимаюсь своими губами к ее в мучительно нежном поцелуе.

Ева дрожит рядом со мной, ее тело тает во мне, когда она хватается за мои руки для поддержки.

Я стону, и, когда мой язык проскальзывает в ее рот, все грязные, отвратительные вещи, которые я хочу сделать с ней, проносятся в моей голове. Во мне живет болезнь, которую невозможно успокоить или вылечить.

Я жажду причинить боль прекрасному созданию в моих руках. Положить ее на скамейку для порки и бить, пока её кожа не окрасится в красный. Мой член пульсирует от мысленной картины. Вот почему я был так жесток с ее наказаниями. Вот почему она каждый день наклонялась передо мной, пока я шлепал ее линейкой по заднице.

Ева заслуживает нежного и доброго мужчину — любого, кроме меня. И все же, когда эта мысль мелькает в голове, демон внутри меня рычит от яростной ревности. Никто не может обладать ею, кроме меня.

— Оак, — стонет она мне в рот, когда я отрываюсь от неё, целуя ее шею и обхватывая бедра.

— Разденься для меня, Ева, — приказываю я.

Ева делает шаг назад, и я вижу неуверенность в этих неповторимых карих глазах. Она исчезает, когда Ева протягивает руку к молнии на спине и тянет ее вниз, прежде чем освободить руки из рукавов.

Я сейчас такой твердый. Вся кровь в моем теле прилила к члену.

Она спускает платье так, чтобы был виден ее симпатичный черный кружевной бюстгальтер, позволяя ткани опускаться все ниже и ниже, пока я не вижу поясок стрингов, выглядывающий из-под него.

В этот момент я не могу больше ждать. Подхожу к Еве и хватаю платье, сильно дергая его вниз.

— Слишком медленно, — выдыхаю я, делая шаг назад, как только платье падает к ее ногам. — Красивая.

Глаза сканируют каждый сантиметр ее тела, впитывая в себя вид её вот такой, покрасневшей и практически обнаженной, для меня.

— Снимай остальное.

Она прикусывает губу, прежде чем покачать головой.

— Ты следующий.

Я рычу, раздраженный прямым неповиновением моему приказу, но в ее словах есть смысл. Будет справедливо, если я тоже сниму кое-что из своей одежды. Я быстро скидываю с себя брюки и рубашку, бросая их на пол.

Ева становится пунцовой в тот момент, когда я стою перед ней в паре обтягивающих трусов-боксеров, которые не оставляют места воображению. Мой член твердый и протекает, оставляя спереди мокрое пятно от предэякулята.

— А теперь снимай трусики и лифчик, — рычу я.

Ева облизывает губы и кивает.

— Да, сэр.

Черт.

Мой член подпрыгивает, когда я слышу, как она называет меня так, и она знает, что это делает со мной.

Она наклоняет голову, расстегивая лифчик, позволяя ему упасть на пол.

— Так вот почему ты ненавидел, когда я все время называла тебя "сэр"? — спрашивает она, просовывая палец за пояс своих стрингов и стаскивая их вниз и с лодыжек. — Это заводило тебя?

Я шокирую ее, схватив прежде, чем она успевает встать, ее глаза широко распахнуты.

— Да, — отвечаю грубо, сильно прижимая ее обнаженное тело к своему. Она такая мягкая, так идеально прилегает к моей коже, как будто была создана для меня. Я позволяю своей руке переместиться на её грудь и сначала глажу правую, проводя подушечкой большого пальца по ее сжатому соску.

Ева ахает от ощущений, выгибая спину. Ее взгляд скользит между нами к выпуклости, видимой сквозь мои трусы.

— Разве сейчас не Ваша очередь, сэр?

— Скоро, — мурлычу я, поднимая Еву на руки. — Сначала мне нужно попробовать тебя на вкус.

Ева стонет, когда я несу ее через коттедж в спальню в задней части дома. Я чувствую, как она изучает меня, когда я иду к кровати и укладываю ее на спину, восхищаясь тем, насколько она совершенна.

Этот последний месяц сопротивления был болезненным, я хотел ее так, как никогда раньше не хотел никого другого. Я опускаюсь на нее, придавливая своим телом, а затем просовываю колено между ее бедер и целую.

Ева тянется ко мне, но я хватаю ее запястья и зажимаю их у нее над головой.

— Никаких прикосновений, малышка.

Я опускаю губы ниже, прокладывая дорожку по ее шее к ключице. Все это время держу свою руку обернутой вокруг ее запястий.

— Держи руки над головой, хорошо? — Я спрашиваю.

Ева кивает.

— Да, сэр.

Я стону, отпуская ее запястья, и продолжаю целовать ниже, двигаясь к большой и

упругой груди. Ее соски уже затвердели, я провожу ртом по правому и посасываю его, заставляя бедра Евы выгибаться мне навстречу.

— О Боже, — кричит она, извиваясь под моим натиском, когда я перемещаю рот, чтобы накрыть ее левый сосок.

Мои руки сжимаются вокруг ее бедер, когда я двигаюсь ниже, проводя языком по центру ее пупка, заставляя ее дрожать. Я никогда не чувствовал себя таким доминирующим, наблюдая, как Ева реагирует на мои прикосновения и поцелуи. Это делает со мной что-то, что я не могу объяснить.

— Скажи мне, чего ты хочешь, Ева, — выдыхаю я, позволяя своему дыханию щекотать внутреннюю поверхность ее бедер. Мой рот в нескольких сантиметрах от ее центра, влага стекает с него.

— Пожалуйста, сэр, — стонет она, глядя на меня сверху вниз своими уникальными ореховыми глазами, расширенными так сильно, что я могу различить лишь небольшую цветную кайму.

— Пожалуйста, что? — спрашиваю, хватая ее за бедра. — Я хочу, чтобы ты сказала мне, чего ты от меня хочешь.

Ее глаза закатываются, и она облизывает губы, прежде чем снова встретиться со мной взглядом.

— Я хочу, чтобы ты попробовал меня, — говорит она неуверенным голосом.

Я стону, когда двигаю пальцем к ее центру, касаясь ее чувствительной плоти.

— Вот так, малышка?

— Да, сэр, — стонет она, выгибая спину, предлагая мне себя. Трудно поверить, что это прекрасное, невинное создание хочет меня. Я мужчина, настолько развращенный тьмой, что едва вижу свет.

Мой язык проникает в ее насквозь влажную середину, впервые пробуя ее на вкус. Это гребанный рай.

— Ты такая сладкая, — стону я, медленно уделяя внимание ее киске, сначала облизывая между губок, прежде чем провести кончиком языка по ее клитору и подразнить его.

— Черт, — кричит Ева, дергая руками, чтобы вцепиться в мои волосы.

Я скриплю зубами, игнорируя то, что она меня ослушалась, убрав их от головы. Если я хочу, чтобы она не двигалась, мне придется остановиться и достать из шкафа ограничителя, а прямо сейчас нет ничего, что стоило бы останавливать.

Вместо этого я наслаждаюсь ощущением ее пальцев, трущихся о мою кожу головы, пока она извивается подо мной. Я просовываю один палец внутрь нее, чувствуя, какая она напряженная.

— Черт, — выдыхаю я, проталкивая палец глубже, ударяя по тому месту внутри нее, которое заставляет ее стонать.

И, черт возьми, она стонет. Звук настолько мучительно красивый, что я не думаю, что устал бы от него, если бы это был единственный звук, который я слышал до конца своей жизни.

— Вот так, малышка. Я хочу, чтобы ты стонала для меня. — И втягиваю ее клитор в рот.

Она выгибает спину, возбуждение выплескивается из нее, когда я довожу ее тело до иступления.

— Сэр, пожалуйста, — выдыхает она, опуская глаза, когда она проводит ногтями по коже на моей голове. — Пожалуйста.

— Пожалуйста, что? — Спрашиваю я, лукаво поддразнивая ее, поскольку знаю, о чем она умоляет. Ей нужно освобождение.

— Позволь мне кончить, — стонет она, ее бедра жадно, требовательно толкаются к моим губам.

Я кладу твердую руку ей на живот, удерживая ее на месте.

— Ты кончишь, когда я решу, и ни секундой раньше.

Она раздраженно фыркает, пальцы еще грубее впиваются в кожу моей головы.

Я наслаждаюсь легким уколом боли, продолжая заводить ее всё сильнее, но так и не довожу до грани. Когда она кончит, я хочу, чтобы это разрушило ее мир и заставило забыть свое проклятое имя.

Ее вкус вызывает привыкание. Я просовываю свой язык внутрь и наружу, продолжая поглаживать пальцем внутреннюю стенку ее девственного входа. Тело Евы дрожит от каждого прикосновения, я подвожу её всё ближе и ближе к краю, только чтобы отступить в тот момент, когда чувствую, что напряжение нарастает.

Ева разочарованно рычит, когда я снова остаиваюсь.

— Пожалуйста, Оак. Я не могу терпеть, — скулит она, пальцы сжимаются в моих волосах. — Мне нужно кончить.

Я приподнимаю бровь.

— Чем дольше я заставлю тебя ждать, тем лучше будет потом, — говорю я.

Она качает головой.

— Пожалуйста, сэр, мне все равно. — Ее прекрасные карие глаза полны огня, когда она умоляет меня, делая меня таким твердым, что я едва могу соображать.

Я фокусирую все свое внимание на ее теле, с силой вводя в нее палец. Ее мышцы практически сжимаются вокруг меня, втягивая его глубже. Я провожу кончиком языка по ее чувствительному бугорку, прежде чем позволяю своим зубам прикоснуться к ее клитору.

Она сильно дергается, вскрикивая, когда мягкий скрежет моих зубов отправляет ее через край. Я выпитываю сладкий нектар, жадно очищая ее прекрасную девственную пизду.

Я стону рядом с ней, пробуя каждую каплю ее оргазма, в то время как она продолжает трястись, тяжело дыша и бормоча неразборчивые слова в интенсивности своей кульминации.

К тому времени, как ее оргазм затихает, я готов начать все сначала.

Я приживаюсь губами к ее центру, но Ева так сильно дергает меня за волосы, что кажется, будто пытается вырвать их.

— Моя очередь, — рычит она, глаза горят с такой силой, что это сводит меня с ума.

Я наклоняю голову, не привыкший к женщинам, предъявляющим требования в постели.

— Вот как?

Она кивает, прищутив глаза.

— Позвольте мне попробовать Вас, сэр.

Мой член пульсирует, соглашаясь с ней.

— Очень хорошо.

Она отпускает мои волосы, позволяя мне сойти с кровати. Я зацепляю пальцами пояс моих трусов.

— На четвереньки, — приказываю я.

Ева делает, как я говорю, в мгновение ока, подползая к краю кровати.

Я опускаю пояс и сбрасываю боксеры на пол.

Ева ахает, её глаза округляются, когда она оценивает мой размер.

Я придвигаюсь ближе, позволяя кончику члена находиться всего в сантиметре от ее прелестного маленького рта.

— Попробуй меня, малышка, — приказываю я.

Её глаза с встречаются с моими, зрачки расширены.

— Я не уверена, что он поместится.

— Поверь мне. Так и будет.

Ева тянется ко мне, ее маленькая рука обводит основание моего члена.

Я стону от одного ее прикосновения, страстно желая почувствовать, как этот горячий, влажный рот обхватывает меня.

— Откройся шире, — приказываю я.

Она тяжело сглатывает, прежде чем открыть рот.

Я толкаю бедра вперед, и стону, когда ее рот накрывает меня. Ощущения лучше, чем я когда-либо мог себе представить. Запускаю пальцы в ее волосы и притягиваю ближе, заставляя ее задыхаться.

Ее руки перемещаются на мои бедра, она пытается отодвинуться, но я не поддаюсь. Монстр, скрывающийся под оболочкой, поднимается на поверхность быстрее, чем мне хотелось бы, когда я вгоняю член в ее горло и выхожу из него, беря то, что хочу, наплевав на последствия.

Её слюна растекается по лицу и всей длине моего члена, а из глаз по щекам текут слезы.

Я даю ей короткую передышку.

— Дыши через нос, — инструктирую, прежде чем снова врезаться ей в горло.

Она протестующе стонет, но я едва слышу что-либо за шумом собственной крови. Я потерял для ощущений, потерял для женщины, которую должен был уничтожить. Я больше не знаю ничего, кроме того факта, что она для меня — всё.

Ева

Я без сил падаю на кровать в тот момент, когда он останавливается, хватая ртом воздух. Сердце бешено колотится о грудную клетку, я даже не знаю, что чувствовать. Я переворачиваюсь и смотрю на мужчину, который так грубо трахал мое горло.

— Ты пытался убить меня? — Я плююсь, хватаясь за горло и свирепо глядя на него.

Он тихо смеется.

— Не будь такой драматичной, Ева. — Он убирает мне волосы с лица и нежно прижимается губами к моему рту. — Я бы никогда не причинил тебе боль, — выдыхает он.

Напряжение в мышцах спадает, когда я позволяю ему поцеловать меня, чувствуя себя спокойней после его заявления, что он никогда не сделает мне больно. Даже при том, что это не имеет смысла, поскольку он уже неоднократно причинял мне боль, я понимаю, что он имеет в виду. Оак никогда не зашел бы дальше, чем мне хотелось бы. Несмотря на грубое обращение, я верю ему всем своим сердцем.

— Трахни меня, — выдыхаю я, когда его губы перемещаются к моей шее.

Он стонет напротив моей кожи, и сажает меня к себе на колени, заставляя оседлать его мощные бедра.

— Это то, чего ты хочешь? — Спрашивает он, позволяя мне почувствовать его огромную длину напротив моего входа.

Я стону и извиваюсь у него на коленях, ощущая трение о бархатистую длину его члена.

— Больше, чем ты можешь себе представить, — говорю, заглядывая в его потрясающие глаза.

— Полагаю, твоя мать позаботилась о противозачаточных средствах для нас? — Спрашивает он, заставляя меня напрячься при упоминании о ней.

Я киваю и касаюсь маленького имплантата у себя под кожей.

— Как только она увидела ту фотографию, сразу потащила мою задницу к врачу.

Он ухмыляется.

— Хорошо, я хочу почувствовать, как твоя красивая девственная пизда обхватывает мой обнаженный член, — рычит он, приподнимая меня с колен, чтобы высвободить свою твердую длину.

— Я хочу наполнить твою киску своей спермой. — Его глаза вспыхивают голодом, когда он располагает меня над собой, головка его члена упирается в мой мокрый вход. — Скажи мне, Ева. У тебя когда-нибудь было что-то внутри, кроме твоих пальцев и моих?

Я качаю головой, тяжело сглатывая. Хотя у меня есть вибратор, я никогда не покупала фаллоимитатор. Мысль об этом приводила меня в ужас, но сейчас я жалею, что не купила. По крайней мере, у меня было бы некоторое представление о том, что должно было произойти и как это будет ощущаться. Пальцы гораздо тоньше, чем его член.

Он стонет. — Тогда это будет слишком тесно. — Кончики его пальцев впиваются в мои бедра, когда он надавливает.

Я напрягаюсь, что заставляет его остановиться.

— Тебе нужно расслабиться, иначе будет больно. — Он обхватывает мои щеки ладонями и смотрит мне в глаза. — Расслабься, и тебе станет хорошо, прежде чем ты осознаешь это. Поверь мне.

Я киваю, когда он накрывает мои губы своими и нежно целует. Мое тело расслабляется, когда его язык погружается в мой рот, делая меня более горячей и нуждающейся с каждой секундой.

Он останавливается и проводит губами по моей шее, ключице и ниже.

Я прикусываю нижнюю губу, когда он втягивает мой сосок в рот, сильнее надавливая мне на бедра, и его член немного входит в меня.

— Черт, — выдыхаю я от совершенно подавляющего ощущения того, что меня растягивает этот мужчина. Интимность позы, в которой он держит меня, ошеломляет. Он смотрит на меня, наблюдая за тем как его член погружается внутрь.

— Такая. Блядь. Узкая. — рычит Оак, делая мои соски тверже камней.

На этот раз я целую его, позволяя ему почувствовать, как сильно я его хочу. Мой язык неуклюже проникает в его рот, когда потребность в этом мужчине пронзает мое сердце и приводит меня в отчаяние.

Его пальцы запутываются в моих волосах, и он с силой откидывает мою голову назад, глядя мне в глаза.

— Я хочу видеть твое лицо, когда ты принимаешь каждый мой сантиметр в себя, малышка.

Я стону, мои глаза непроизвольно закрываются.

— Смотри на меня, — рычит Оак.

Я встречаюсь с ним взглядом и таю, когда он насаживает меня еще глубже на свой член, разрывая меня на части.

— Черт, — тяжело дышу, изо всех сил пытаюсь набрать кислорода в легкие. Ощущение одновременно болезненное и приятное.

Пальцы Оака перемещаются к моим ягодицам, он со стоном широко разводит их в стороны.

— Вот так, возьми мой член, как хорошая девочка, — мурлычет он, еще сильнее насаживая меня на свой ствол.

— Это слишком, — стону я, пытаюсь привыкнуть к тому, что он так неестественно растягивает меня, и все же всё в этом кажется таким естественным. Внутри меня глубокая жгучая боль, которая жаждет быть заполненной им и все же не может принять его огромных размеров.

Я напрягаюсь, когда он дразнит тугое кольцо мышц между ягодицами, посылая через меня незнакомые ощущения.

— Расслабься, — шепчет он, прежде чем покрыть свои пальцы моими соками и переместить один из них обратно к моей попе. Он просовывает кончик пальца внутрь, заставляя меня стонать от абсолютной непристойности этого акта. И пока это незнакомое ощущение отвлекает мой разум, он скользит своим членом во мне.

— Черт. Ты такая тугая, — рычит он, бросая взгляд вниз между нами, где исчезает его член. — Я полностью внутри тебя.

— О, Боже, — восклицаю я, глядя вниз, туда, где мы соединены. — Как это вообще возможно?

Он ухмыляется и целует меня, не двигаясь вообще, давая мне время привыкнуть к тому, что я так наполнена им. Жгучая боль от того, что мои мышцы растягиваются чтобы приспособиться к нему, превращается в другую боль, более глубокую, когда он целует меня, заставляя раскачиваться взад-вперед на его коленях в поисках трения.

Сильная рука Оака обхватывает мою спину, наполовину приподнимая меня со своего члена, а затем он резко толкает свои бедра вверх и одновременно тянет меня вниз.

— Черт, — кричу я, не в силах упорядочить тысячи мыслей, проносющихся в моей голове. Я хватаюсь за мощные плечи Оака и двигаю бедрами, поднимаясь и опускаясь навстречу его толчкам. То, что когда-то казалось болью, превращается в самое изысканное ощущение удовольствия, когда он отвечает на мои движения, поднимая меня все выше и выше.

— Оак, — стону его имя, моя голова откидывается назад, когда он толкает меня к краю обрыва. — Мне нужно сильнее, быстрее, — выдыхаю я.

Оак усмехается и злобно прижимается ртом к моей шее, посасывая плоть до боли.

— Правда? — Он наклоняет голову. — Я думал, ты не сможешь этого вынести, а теперь ты хочешь еще сильнее?

Я киваю в ответ. — Пожалуйста, сэр.

Он стонет и отрывает меня от своего члена, заставляя меня хныкать от внезапного ощущения пустоты там, где он был. Оак укладывает меня на спину, накрывая своим мощным телом.

Его нога шире раздвигает мои бедра, заставляя оставаться открытой для него.

— Будь осторожна в своих просьбах, Ева, — бормочет он, прежде чем податься бедрами вперед и погрузить свой член глубоко в меня.

Мой рот открывается в беззвучном крике, когда он каким-то образом проникает еще глубже.

Аквамариновые глаза Оака настолько расширены, что вокруг зрачка виден лишь небольшой ободок, что придает ему почти демонический вид, когда он смотрит на меня. Голод в их глубине одновременно пугает и возбуждает.

— Трахни меня, — выдыхаю я.

Он ухмыляется, прикусывая мою нижнюю губу зубами.

— Терпение, — бормочет он, дразня меня, когда оставляет мягкие поцелуи на моей шее и спускается к ключице. — У нас полно времени, чтобы трахаться как животные, но я хочу исследовать всё, что возбуждает тебя, Ева.

Он кусает мою ключицу так сильно, что я вскрикиваю, еще больше выгибая спину.

— Как сильно ты наслаждаешься болью.

— А... у тебя есть ответ на это? — спрашиваю.

Блеск в его глазах почти дьявольский.

— Похоже, ты получаешь удовольствие от боли такое же сильное, как я от её причинения.

Он снова кусает меня, и я стону, наслаждаясь тем, что он поглощает меня. Это странное ощущение, наслаждаться болью наряду с удовольствием. Идеальная смесь, которую он мне дает, вызывает привыкание.

— Пожалуйста, трахни меня, — умоляю я, пытаюсь двигать бедрами под его огромным весом. Потребность в трении настолько всепоглощающая, но он держит меня прижатой и неподвижной под собой.

Оак наслаждается моим бессилием. Ему нравится, когда я умоляю его об этом. Я вижу это в его глазах.

— Как пожелаешь, малышка. — Он отводит свои огромные бедра назад и с силой врзается в меня, выбивая воздух из легких.

Его тщательный контроль рушится, и он безжалостно трахает меня. Наши тела сливаются в неистовом соединении. Любой признак нежности стирается, и мне это нравится.

Грубость его действий только заставляет меня хотеть большего. Он берет меня, как животное, заставляя меня чувствовать себя такой желанной — более желанной, чем я когда-либо чувствовала в своей жизни.

Я кладу руку на его напряженную челюсть, ощущая мягкую бороду под своими пальцами, затем опускаю руки ниже, к татуированной груди, касаясь твердых мышц под мягкой кожей.

— Ева, — стонет он мое имя, хватая мои запястья и резко поднимает их над головой. Его глаза расфокусированы, пока он двигается надо мной, с силой удерживая меня. — Никаких прикосновений.

Я выгибаю спину, наслаждаясь тем, как он полностью контролирует меня. Ощущение бессилия, когда над тобой доминируют, приятнее, чем я могла себе представить. Я смотрю в темные глаза своего директора, зная, что мы не должны этого делать, но также это делает всё более захватывающим. Я всегда придерживалась правил, и теперь пришло время, их нарушить, чёрт возьми. В конце концов, я никогда ничего не добивалась, поступая правильно.

— Сильнее, — тяжело дышу я.

Оак рычит, ноздри раздуваются.

— Не надо, Ева. — Вена выступает у него на лбу, когда он смотрит на меня сверху вниз. — Ты не можешь понять, о чем просишь. — Он задыхается, сдерживаясь.

Я наклоняю голову.

— Я хочу, чтобы Вы трахнули меня сильнее, сэр.

Он стонет, словно с трудом сдерживая ту часть себя, которая хочет выплеснуть на меня свой гнев.

— Я могу причинить тебе боль. — Его руки по-прежнему крепко сжимают мои запястья.

— Возможно, мне нравится боль, — говорю я, зная, что играю с огнем.

Его глаза вспыхивают, он рычит, теряя контроль, когда его бедра двигаются резкими, яростными рывками.

— Ты такая хорошая девочка, Ева. — Каждый раз, когда он врезается в меня, мне кажется, что он пытается разорвать меня на части. Мышцы его шеи напрягаются, когда он продолжает крепко держать мои запястья над моей головой одной рукой, а другой впивается в мои бедра.

Я стону, когда он врывается в меня с еще большей силой и таким желанием, что это почти уничтожает меня.

— Черт, я думаю, что собираюсь...

Рука Оака перемещается с моих запястий на горло, и он сжимает его, частично перекрывая мне дыхательные пути, как в тот раз в коридоре.

— Кончи для меня, малышка, — рычит он.

— Блядь, да, Оак, — кричу я, когда простой приказ из его уст заставляет меня перевернуться через край.

Мышцы сводит судорогой, зрение затуманивается то ли от недостатка кислорода, то ли от головокружительной кульминации, до которой довел меня этот мужчина-Бог. Возможно,

смесь того и другого, поскольку я продолжаю извиваться под ним, принимая каждый толчок его бедер, в то время как он кричит и стонет надо мной, становясь более неровным и неконтролируемым.

Он рычит, впиваясь зубами в мое плечо, когда кончает внутри меня. Выстрел за выстрелом сперма заливает мою киску, и это самое ошеломляющее ощущение, пока ко мне возвращается зрение, и Оак отпускает мое горло, тяжело дыша надо мной.

В этот момент я понимаю, что никогда раньше не чувствовала такой близости, такой связи с другим человеком. Когда смотрю в его затуманенные, расфокусированные глаза, я чувствую боль в груди, поскольку знаю, что это не может повториться.

Оак — директор школы и мой учитель. И все же я хочу, чтобы это происходило ежедневно. Я никогда не хочу покидать его постель, так как знаю, что этой глупой фантазии придет конец.

Оак вытаскивает из меня свой член и ложится на спину, потянувшись к моей руке. Он сжимает ее, заставляя боль в моей груди усиливаться. Мы лежим в тишине, никто из нас не знает, что сказать. Сегодняшняя ночь была лучшей в моей жизни, но боюсь, она должна остаться лишь ценным и запретным воспоминанием. И ничем более.

Оак

По мере того, как я иду на занятие по лидерству со старшеклассниками, каждый мой шаг колеблется, зная, что Ева должна быть там. Я не видел ее с тех пор, как мы занимались сексом, так как она не пришла на урок во вторник. Сейчас пятница, и могу только надеяться, что она появится, в противном случае, я собираюсь выследить ее. Терпеть не могу, когда она избегает меня.

Мой желудок переворачивается, когда я сразу замечаю ее, сидящую на своем обычном месте и рисующую в блокноте, как она часто делает перед уроком. Я не могу сдержать улыбку, которая появляется на моих губах в тот момент, когда вижу ее, что одновременно раздражает и смущает меня.

Я прочищаю горло и вхожу в кабинет.

— Доброе утро, класс, — говорю, не сводя глаз с Евы, которая, несмотря на то, что густо покраснела, не встречается со мной взглядом. — Сегодня я хочу обсудить пять различных стилей лидерства.

Я поворачиваюсь к доске за своим столом и, взяв фломастер, пишу пять слов.

Авторитарный

Участие

Делегативный

Транзакционный

Трансформационный

Я возвращаю внимание обратно к классу.

— Какой из них наиболее распространенный в криминальном мире?

Рука Натальи, как всегда, взлетает вверх.

— Авторитарный.

На этот раз Наталья не права.

— Не совсем. Можно так подумать, но это не самая распространенная стратегия. — Я вглядываюсь в лица, наблюдающие за мной. — Кто-нибудь еще знает ответ?

К моему удивлению, Ева поднимает руку.

— Я считаю, что делегирование — самая распространенная стратегия, поскольку лидеры не выполняют работу сами. Они делегируют полномочия.

Я хлопаю в ладони один раз и киваю.

— Совершенно верно. — Наклоняю голову и обхожу свой стол, изо всех сил стараясь не смотреть на Еву. — Кто-нибудь может рассказать мне о преимуществах и недостатках делегативного лидерства?

Наталья поднимает руку.

— Да, Наталья.

— Преимущество заключается в том, что лидер может тратить время на важные дела организации, в то время как его или ее подчиненные занимаются повседневной работой. — Она проводит рукой по волосам. — Однако это может привести к тому, что люди внизу поверят, что у них больше власти, чем на самом деле, и может затруднить лидеру надлежащий контроль за своими солдатами. — Она пожимает плечами. — В таком случае, это идеальная питательная среда для нелояльности и предательства.

— Спасибо, Наталья. Абсолютно точно.

Я беру учебник со своего стола и поднимаю его.

— Все вы открываете страницу сто пятьдесят пять и читаете пять страниц о различных стратегиях лидерства. — Я отталкиваюсь от своего стола и занимаю место с другой стороны. — Затем мне нужно трехстраничное эссе на тему о стратегии лидерства, которую вы бы выбрали, и причине вашего выбора.

Несколько учеников ворчат, но я игнорирую это, поскольку все неохотно достают свои учебники и находят нужную страницу. Ева, которая все еще красивого розового оттенка, не поднимает на меня глаз, сосредоточив все свое внимание на текущей задаче.

Я откидываюсь на спинку стула и наблюдаю за ней, совершенно очарованный девушкой, которая сломала мою решимость ранее на этой неделе. Ева заставила меня усомниться во всем, что, как мне казалось, я знал в течение последних пяти лет.

Мое внимание привлекает стук в дверь, и я нахмуриваюсь, когда вижу свою секретаршу Мишель, стоящую там. Я даю ей знак войти.

— В чем дело? — Спрашиваю.

Она нервно оглядывается по сторонам.

— Вы должны сами это увидеть.

Я бросаю взгляд на свой класс, который теперь сосредоточен на нас, а не на своем задании.

— Возвращайтесь к работе, — рычу на них. — Я скоро вернусь.

Я встаю, следуя за своей загадочной секретаршей в холл.

— Мишель, — шиплю, как только мы оказываемся вне пределов слышимости учеников. — Говори, что происходит.

Ее брови хмурятся.

— Это студент. — Она сглатывает. — Он мертв, и нет никаких признаков того, кто это сделал.

— Черт, — рычу я, маршируя по коридору. — Где?

Она кивает в сторону мужского туалета.

— Там.

Я вхожу и сразу же зажимаю рот рукой. Мальчик, о котором идет речь, на самом деле Хенли Андерсон, сын Джексона Андерсона из Оклахомы. Мы считаем, что в настоящее время они втянуты в довольно ожесточенную войну с русскими на своей территории, что указывает на то, что это была братва Орлова. Здесь учится сын их лидера, Степан Орлов. Хенли было всего пятнадцать. Степану — семнадцать.

Мой желудок сводит от открывшегося передо мной зрелища. Невозможно описать масштаб кровопролития. Они выкололи ему глаза и зафиксировали открытый рот с помощью устройства.

— Сообщите семье и позовите сюда Эйнсли почистить здесь всё.

Это не первая смерть, с которой нам приходится иметь дело в академии, но первая за последние два года. У нас бывают жестокие драки, которые заканчиваются тяжелыми ранениями учеников, но, к счастью, чаще всего мы избегаем смерти. Однако в данном случае ясно, что ничто не помешало бы братве Орловых отомстить семье Андерсонов.

— Конечно, — отвечает Мишель, выглядя довольно зеленой. — Мне нужно убраться отсюда.

Она разворачивается и направляется в коридор. Ее рвотные позывы наполняют воздух,

пока я стою на месте, почти застыв от увиденной сцены.

Я тяжело вздыхаю, качая головой. Самое безумное, что Степану Орлову это сойдет с рук. Он наследник Братвы в Оклахоме. Он имеет полное право использовать свои полномочия там, где, черт возьми, он хочет. И как коллектив, который учит его быть самым жестоким лидером из всех возможных, как мы можем наказать его именно за это?

Это то, что я больше всего ненавижу в этой академии. Тьма, которую мы возвращаем и вдохновляем, только дает им свободу терроризировать эту страну. По иронии судьбы, я бежал из такого мира, не в силах смириться с безнравственностью роли, которую мне предстояло сыграть, только для того, чтобы в конечном итоге учить именно тех людей, которых я презирал.

Я выхожу в коридор.

— Эйнсли уже в пути?

Мишель кивает, убирая с пола рвоту.

— Да, он будет здесь через пять минут.

— Хорошо. А пока никого туда не впускай. — Я ухожу.

— Куда Вы идете? — Мишель кричит мне вслед.

— Возвращаюсь в класс. Эйнсли разберется с этим.

Эйнсли — наш помощник, которого мы вызываем во время подобных инцидентов. Человек, который умеет разгрести и скрывать беспорядок так, что кажется, будто его и не было, а также разбираться с родителями.

Я возвращаюсь в класс, чувствуя хаос.

Родители Хенли приедут в течение дня, и они будут недовольны. Это означает, что мне придется выплатить компенсацию, даже несмотря на то, что они подписали соглашение, в котором подробно указано, что СА и ее сотрудники не несут ответственности за смерть или увечья, причиненные одноклассниками. Однако скорбящих родителей не переубедить, даже если они часто оплакивают лишь потерю наследника, а не ребенка.

Я управляю школой для порождений монстров, и только деньги успокоят монстра, потерявшего ребенка.

Я провожу рукой по волосам и опускаюсь за свой стол.

В классе тихо, все продолжают работать. Наталья встает после моего возвращения и кладет эссе на мой стол.

— Все готово.

Я киваю и машу рукой.

— Ты можешь идти.

Остальная часть класса не сильно отстает, пока не остается только Ева. Она — желанное отвлечение после дерьма, свидетелем которого я только что стал. Она встает, как только мы остаемся одни, и подходит к столу, нерешительно улыбаясь.

— Вот, держите, сэр.

Я рычу, понимая, что она использует обращение, чтобы подразнить меня.

Ева поворачивается, чтобы направиться к двери, но я останавливаю ее прежде, чем она успеет это сделать, хватая её за бедра и притягивая вплотную к себе.

— Куда, по-твоему, ты собралась?

— На следующее занятие, сэр. — Она оглядывается на меня через плечо, но выгибает спину, так что ее упругая попка прижимается к моей напряженной эрекции. — У меня урок физкультуры с профессором Дэниелсом.

— Черта с два ты уйдешь, — рычу, прижимая ее к стене рядом с дверью, чтобы нас никто не видел. Моя рука тянется к жалюзи на окне, и я оттягиваю их вниз. — Я дам тебе лучшее физическое воспитание, Ева, — бормочу, позволяя своим зубам дразнить раковину ее уха. — Что ты на это скажешь? — Тянусь к замку на двери класса и поворачиваю его, убеждаясь, что никто не может войти внутрь. В это время класс свободен, но я не буду рисковать.

— У меня будут неприятности из-за...

— Нет, если я объясню твое отсутствие. — Я хватаю ее за запястье и заставляю повернуться ко мне лицом. — Вы нужны мне прямо сейчас, мисс Кармайл.

Она смачивает губы языком.

— Разве тебе не нужно вести урок?

Я качаю головой.

— У меня сейчас окно, малышка. — Я позволяю своей руке нежно скользить по ее бедру, прежде чем сжать его. — Перестань слишком много думать и просто чувствуй. — Я целую ее в губы, зная, что прямо сейчас все, что мне нужно, это утонуть в ней.

— Есть проблема, сэр. Я не думаю, что смогу вести себя достаточно тихо.

Ее тон стал кокетливым, что означает, что ей это нравится.

Я снова целую ее, затем отпускаю и иду к своему столу, доставая кляп с шариком.

— Это должно решить проблему.

Ее глаза расширяются, и она медленно приближается к двери, страх искрится в ее радужках.

— Что ты планируешь с этим делать?

— Иди сюда, — приказываю я.

Она колеблется, но, в конце концов, подчиняется моему требованию. Ее шаги медленны, когда она приближается.

Как только она оказывается в метре от меня, я говорю:

— Повернись.

Она поворачивается, так что я оказываюсь лицом к её спине.

— Положи шарик в рот, — говорю, передавая его ей.

Она делает это, и тогда я застегиваю ремешок на её затылке.

— Если для тебя это станет слишком, щелкни пальцами. Это будет нашим безопасным действием.

Ева вздрагивает, когда я встаю перед ней, кладя руку ей на плечо.

— Наклонись над столом, — приказываю я.

Она делает, как я говорю, наклоняясь прямо над ним, так что ее юбка задирается до середины задницы. Мой член подпрыгивает в штанах при виде ее мокрой и готовой для меня, без трусиков.

— Если бы я не знал тебя лучше, я бы сказал, что ты это спланировала, — бормочу, дотягиваясь до юбки и поднимая ее до бедер. Я шлепаю ее по правой ягодице, затем по левой. — Ты думала о моем члене, малышка?

Она стонет сквозь кляп, нетерпеливо кивая в ответ.

Я расстегиваю молнию на брюках, зная, что, несмотря на то, что этот класс на некоторое время свободен, чем быстрее мы выберемся отсюда, тем безопаснее. Мой член протекает повсюду, когда я освобождаю его из трусов и располагаю головку на уровне ее мокрого входа. Я хватаю ее за бедро одной рукой, а другой обхватываю свой член, когда

толкаюсь вперед, погружая в неё каждый сантиметр до упора.

Ева кричит из-за кляпа, но он достаточно приглушает звук.

Она лишает меня всякого контроля над своими действиями или чувствами, пока я трахаю ее на своем столе, мои бедра двигаются сильно и быстро, когда я безжалостно беру Еву.

Я хватаю ее за бедра и притягиваю к себе, жестко и быстро трахая ее через мой стол, как монстр, которым я действительно являюсь. Звук соприкосновения нашей кожи — единственный звук, наряду с приглушенными стонами Евы и моими сдавленными стонами удовольствия.

Было бы невозможно перепутать звуки, доносящиеся из этой комнаты, если бы кто-нибудь стоял снаружи. Но в тот момент мне насрать. Все, что меня волнует, — это заявить права на женщину, распростертую на моем столе и хватающуюся за край, пока я безжалостно вгоняю себя в неё.

Я наклоняюсь к её спине и дразню губами раковину её уха. — Ты такая хорошая девочка, так чертовски хорошо принимаешь меня, — бормочу, прикусывая чувствительную плоть. — Я хочу почувствовать, как твоя пизда кончает на мой член, Ева. Прямо здесь, посреди класса.

Ева стонет сквозь кляп, сводя меня с ума.

Я внезапно останавливаюсь, выходя из нее.

Она протестующе скулит, но я переворачиваю ее на спину и проскальзываю обратно.

Ее глаза закатываются, когда я трахаю ее с большей силой и скоростью, приближаясь прямо к краю.

Я обхватываю рукой ее горло и сжимаю, заставляя ее глаза расшириться, когда я останавливаю поток воздуха.

Поначалу она напряжена, но напряжение спадает, когда я встречаюсь с ней взглядом. Она смотрит на меня с чистым, незапятнанным доверием, позволяя мне доминировать над ее телом, полностью владеть им.

Мой член набухает внутри нее по мере того, как я приближаюсь к разрядке, но я не могу отпустить себя, пока она не достигнет кульминации.

— Мне нужно, чтобы ты кончила на мой член, малышка, — бормочу я, мой голос едва громче шепота, но то, как выгибается ее спина, говорит мне, что она услышала меня.

Приглушенные звуки освобождения доносятся из-за кляпа, когда она кончает. Мои пальцы сжимаются вокруг ее горла, и я вхожу в нее еще дважды, прежде чем взорваться глубоко внутри нее.

Я рычу в свой свободный кулак, зная, что мы не можем быть слишком громкими. Как только израсходую каждую каплю семени внутри Евы, я отпускаю ее горло. Мой член дергается при виде фиолетового кровоподтека, уже виднеющегося там, где были мои пальцы.

Я хватаю Еву за руку и поднимаю со стола, притягивая к своей груди.

— Ты в порядке? — спрашиваю, вытаскивая кляп у нее изо рта.

Ева прислоняется ко мне, едва держась на ногах.

— Думаю, да, — говорит она, качая головой. — Это было...

— Напряженно? — Предлагаю я.

Она кивает, с обожанием глядя на меня.

Я целую ее, исследуя каждый дюйм ее рта, как будто у нас есть все время в мире.

Ева стонет мне в рот, цепляясь за меня, когда выпрямляется и ищет трения о мой набухающий член.

— Черт, — выдыхает она, когда мы расходимся. — Я думаю, мне нужно больше.

Я ухмыляюсь.

— Ты идеальна, Ева.

Звенит звонок, сигнализируя о том, что мы только что провели целый урок, трахаясь и целуясь в кабинете. Мое сердце колотится, когда я понимаю, что следующий класс выстроится снаружи через несколько минут, и я засовываю свой полутвердый член обратно в штаны.

— Тебе лучше идти. У меня здесь урок для семиклассников.

Глаза Евы расширяются, и она кивает.

— Да, сэр. Увидимся.

Я смотрю, как она подходит к двери, щелкает замком и смело выходит из кабинета. Ничуть не смущаясь того, что мы только что трахались на территории школы, как пара помешанных на сексе животных. Наблюдая за ней, я понимаю, насколько я по-королевски облажался.

Ева

— Я слышала, Элиас ведет тебя на Зимний бал? — спрашивает Адрианна, не сводя глаз с Натальи.

Ее щеки вспыхивают, когда она кивает.

— Да, не уверена, что у меня есть выбор.

— Мудак, — бормочу я, свирепо глядя на самоуверенного, татуированного ублюдка, который не сводит глаз с нашего стола.

— Почему ты позволяешь ему помыкать тобой? — Я спрашиваю.

Наталья только пожимает плечами.

— С кем ты идешь, Ева? — спрашивает Камилла.

Я качаю головой.

— Ни с кем. Меня не волнует наличие пары.

У меня сводит живот при мысли о посещении Зимнего бала, когда все, о чем я могу думать, — это мужчина, который руководит этой школой. Мужчина, который трахнул меня в классе три дня назад. Это было так рискованно, особенно после того, как мне пришлось врать сквозь зубы своим друзьям о том, куда я исчезла во время нашей ночной прогулки. Они сходили с ума от беспокойства, а я трахалась с директором.

— Ты? — спрашиваю её.

Камилла качает головой.

— Алек пригласил меня как друга, поэтому я согласилась.

Алек — один из немногих порядочных парней, которых я здесь встретила. Он из Индианы, и его семья не совсем влиятельна, но у них есть кое-какие рычаги давления.

— Тебе следует встречаться с ним, — говорит Наталья. — Вы были бы самой милой парой.

Камилла закатывает глаза, на ее губах появляется легкая улыбка. Она ничего не отвечает, но я почти уверена, что все знают, что Алеку не нравятся женщины. Я вижу, как он смотрит на Гаврила, Арчера и Оака, и точно так же смотрят девушки.

— У тебя есть пара? — Я спрашиваю Адрианну.

Она качает головой.

— Нет, я не хочу свидания. — Она вздрагивает. — Единственный парень, который пока пригласил меня, это Эрнандес.

Камилла и Наталья разражаются хохотом.

— Серьезно? — спрашивает Наталья.

Адрианна с серьезным выражением лица кивает.

Я сижу, безучастно наблюдая за тем, как они с трудом сдерживают смех.

— Кто такой Эрнандес?

— Всего лишь самый жуткий парень в этой школе.

Они смотрят на столик в другом конце кафетерия, где сидит парень.

У него темные волосы, длиннее, чем у Адрианны, и когда он смотрит вверх, я вижу, что у него монобровь, которая тянется прямым через все лицо. Его глаза перемещаются на нас, и он улыбается самой жуткой улыбкой, которую я когда-либо видела, заставляя всех нас резко отвести взгляд.

— О мой Бог, — говорю я.

Камилла и Наталья снова взрываются смехом.

— Поверю тебе, Ади, что этот урод пригласил тебя на Зимний бал, — говорит Камилла.

К нашему столику подходит Дмитрий, парень из класса по стратегии лидерства. Он хорош собой, с темными коротко остриженными волосами и карими глазами, в нем есть мальчишеская привлекательность, но он меркнет по сравнению с Оаком.

— Добрый вечер, дамы.

— Чего ты хочешь, Дмитрий? — спрашивает Камилла.

Его взгляд останавливается на мне.

— Я надеялся спросить изысканную женщину, не согласится ли она сопровождать меня на Зимний бал.

Мой желудок сжимается, когда я вспоминаю, как Оак говорил со мной, после того как увидел руку Дмитрия на моем бедре.

Я никогда больше не хочу видеть рядом с тобой, Дмитрия, мать его, Якова.

Я прикусываю нижнюю губу, задаваясь вопросом, насколько он серьезен. Дмитрий может быть дерзким, но я бы ничего с ним не сделала. Возможно, он привлекателен, но я не хочу его. Оак не может указывать мне, что делать с моей жизнью.

— Итак, что ты скажешь, Ева? — спрашивает Дмитрий.

Я тяжело сглатываю, понимая, что раз у меня нет пары, то отказываться было бы странно, к тому же, если не считать того, что Дмитрий немного заносчив, он кажется вполне нормальным парнем.

— Конечно, почему бы и нет?

В любом случае, я точно не могу взять своего чертовски горячего директора на Зимний бал. Мужчину, с которым я трахалась уже дважды, один раз после урока в прошлую пятницу в классе, и с тех пор я его не видела.

Ухмылка Дмитрия становится шире.

— Отлично, не могу дождаться. — Он подмигивает, от чего у меня сводит живот.

Как только он оказывается вне пределов слышимости, Наталья поворачивается ко мне.

— Дмитрий? — она стонет.

Я поворачиваюсь к ней лицом.

— Что? Он кажется нормальным.

Она закатывает глаза.

— Да, для эгоистичной женоненавистнической свиньи.

Я смеюсь.

— Не волнуйся. Я могу постоять за себя.

В этот момент я чувствую на себе его взгляд. Оак стоит в углу кафетерия, прислонившись к стене и скрестив руки на твердой, мускулистой груди. Его челюсть стиснута, а глаза пылают тем, что я могу описать только как ярость, отчего у меня сжимаются внутренности...

Будет ли он ревновать меня к тому, что я пойду на Зимний бал с Дмитрием?

Я качаю головой и отвожу взгляд от Оака, слушая, как Адрианна тараторит о том, почему она ни с кем не пойдет на бал. Она производит впечатление девушки, которой нравится пренебрегать ожиданиями общества.

Оак не может ревновать, поскольку он не может пригласить меня на танцы. Не то чтобы я согласилась снова переспать с ним или пойти на танцы. Прошла неделя с тех пор, как мы

занимались сексом в его коттедже, неделя с тех пор, как он лишил меня невинности. С тех пор он держится от меня на расстоянии, и это причиняет боль. Все, что он делает, — это жадно смотрит на меня издалека.

— Не могу поверить, что до зимних каникул осталось меньше двух недель, — говорит Камилла, качая головой. — Этот семестр пролетел незаметно.

— Точно. Что я буду делать без вас троих? — спрашивает Наталья.

— Нам обязательно ехать домой на зимние каникулы?

Это безумие, что сначала я даже не хотела учиться в этой школе, но теперь перспектива вернуться к родителям на две недели вызывает у меня тошноту. Я не могу придумать ничего хуже, чем вернуться домой на зимние каникулы.

Все три девушки смотрят на меня как на сумасшедшую.

— Почему ты не хочешь ехать? — спрашивает Наталья.

Я пожимаю плечами.

— Ненавижу своих родителей.

Она улыбается.

— Я тоже не очень люблю свою мать, но возвращаюсь домой ради брата. — Ее глаза слегка затуманиваются от эмоций. — Я люблю его как отца.

У меня перехватывает горло, когда я думаю о Карле. Мы были близки, и когда он умер, это оставило зияющую дыру в моем мире. Это означало, что я осталась наедине с ними, двумя людьми, которых я презираю больше всего на свете.

Камилла кивает.

— Мой отец может быть немного кошмарным, но братья убьют меня, если я не вернусь домой. — Она хмурит брови. — Я уверена, что они будут рады, если ты присоединишься к нам в Чикаго на Рождество.

Я улыбаюсь ей.

— Это мило с твоей стороны, но я дерьмово общаюсь с незнакомыми людьми.

— В любом случае, разве твои родители не стали бы интересоваться, где ты? — спрашивает Адрианна.

Я качаю головой.

— Однажды они забыли обо мне и поехали к моей бабушке в двух часах езды к югу от Атланты. Они заметили это, только когда добрались туда, и она допросила их.

Наталья и Камилла ахают.

— Какого хрена? — спрашивает Адрианна.

— Знаю, — говорю я, чувствуя, как у меня сжимается горло при воспоминании. — Мои родители позвонили и сказали, что мне придется неделю самой заботиться о себе. Это был год, когда умер брат, и мое первое Рождество без него.

— Сколько тебе было лет? — спрашивает Камилла.

— Шестнадцать, — говорю я.

— Дерьмо. Я имею в виду, наш мир может быть суровым, но звучит так, будто твои родители законченные придурки. — Камилла качает головой. — Без обид.

— Не обижаюсь, — говорю я.

Наталья качает головой.

— Если хочешь, ты можешь присоединиться ко мне в Бостоне. Я уверена, что мой брат найдет место.

Вмешивается Адрианна.

— Или ко мне.

Я качаю головой.

— Это любезно с вашей стороны, но я думаю, что могу остаться здесь, если это разрешено.

Последнее, чего я хочу, — это испортить Рождество чьей-то семье. Мое сердце бешено колотится, когда я обращаю свое внимание на то место, где только что стоял Оак, но его там больше нет. Интересно, что он делает во время рождественских каникул?

Наталья пожимает плечами.

— Я никогда не слышала, чтобы люди оставались здесь.

— Проблема и в том, что тебе придется готовить себе еду самостоятельно, — добавляет Адрианна, бросая взгляд на персонал кафетерия. — Почти уверена, что работники не будут здесь торчать.

— Тебе придется спросить разрешения у директора Бирна, — говорит Камилла.

Я киваю в ответ, снова оглядывая столовую в его поисках.

— Да, наверное, мне лучше найти его и спросить, возможно ли это.

— Хочешь, я пойду с тобой? — спрашивает Наталья.

Я качаю головой.

— Нет, со мной все будет в порядке. Я найду тебя позже в классе.

Они все кивают, когда я выхожу из столовой в сторону офиса Оака. Сердце бешено колотится в груди, когда я подхожу ближе, зная, что единственный раз, когда мы остались наедине после ночи в коттедже, закончился трахом.

Я подхожу к его кабинету и поднимаю руку, чтобы постучать, борясь с нервами, трепещущими в глубине живота. Трижды стучу костяшками пальцев по двери и жду.

— Кто там? — Его голос гремит с другой стороны.

— Ева Кармайкл, сэр, — отвечаю я, переплетая большие пальцы вместе.

После пары секунд тишины следуют звуки шагов, а затем он появляется в дверном проеме, свирепо глядя на меня.

— Ты здесь, чтобы извиниться? — спрашивает он.

Я хмурю брови.

— Что?

— Я спросил, ты здесь, чтобы извиниться?

Я качаю головой.

— Ради всего святого, за что?

Оак оглядывает коридор, как будто проверяя, чисто ли там, прежде чем сильно схватить меня за запястье и потащить в кабинет.

— За разговор с Дмитрием после того, как я недвусмысленно сказал тебе, что больше никогда не хочу видеть его рядом с тобой.

Дверь захлопывается, когда он косится на меня.

— Ты не можешь указывать мне, что делать, — говорю я, высоко подняв подбородок. — Ты не разговаривал со мной после того случая в классе. — Я смотрю в его свирепые голубые глаза. — Дмитрий пригласил меня на Зимний бал, и я согласилась, так как..

Звериный рык Оака прерывает меня, когда он бросается ко мне, хватая за бедра и прижимает лицом к двери. Его тело прижимается к моему.

— Ты не пойдешь на Зимний бал с этим придурком, — говорит он, его голос необычайно спокоен.

— Уже слишком поздно, я согласилась.

— Немедленно отмени свое соглашение, — рявкает он.

Я отрицательно мотаю головой.

— Это всего лишь танцы. Я точно не могу пригласить своего директора, так что ты предпочитаешь, чтобы я пошла одна?

— Да, — говорит он. — Я не буду стоять там и смотреть, как ты танцуешь с ним.

Я стискиваю зубы.

— Ты ведешь себя нелепо. Ничего не случится. Мне не нравится Дмитрий.

— Хорошо, — выдыхает он, позволяя своим губам нежно коснуться раковины моего уха. — Тогда тебе будет нетрудно сказать ему, что ты передумала.

Я пытаюсь вывернуться из железной хватки Оака, но это невозможно.

— Правда ведь? — Он нажимает.

— Я ничего подобного не сделаю. Я иду на танцы с Дмитрием, а ты можешь вести себя либо как взрослый директор школы и принять это, либо как достигший половой зрелости ревнивый идиот. Мне все равно, что, но я иду с Дмитрием.

Оак тихо рычит.

— Ты такая дерзкая девчонка. Возможно, мне нужно перекинуть тебя через колено, чтобы преподать тебе урок, — мурлычет он.

— Я пришла сюда, потому что у меня есть к тебе серьезный вопрос.

— Это правда? — спрашивает он, осторожно приподнимая подол юбки, пока не видит мою голую задницу. — И часто ли ты не надеваешь трусики, когда хочешь задать серьезные вопросы?

— Оак, пожалуйста, — говорю я, зная, что если не остановлю его сейчас, то забуду, какого черта я здесь была.

Он отпускает меня и делает шаг в сторону, позволяя мне повернуться к нему лицом, пока он проводит рукой по своим густым темным волосам.

— В чем дело, Ева?

Я прикусываю внутреннюю сторону щеки.

— Разрешено ли ученикам оставаться в школе во время зимних каникул?

Его брови хмурятся. — Обычно нет.

Мои плечи опускаются от его ответа.

— Почему ты спрашиваешь?

Я тяжело вздыхаю.

— Я не хочу ехать домой.

Уголок его губ приподнимается в почти улыбке.

— Если я правильно помню, ты не хотела, чтобы тебя оставляли здесь шесть недель назад. — Он наклоняет голову. — Что изменилось?

Я закатываю на него глаза.

— Если ты ожидаешь, что я скажу, что это из-за тебя, то ты будешь разочарован. — Я складываю руки на груди. — Находясь вдали от родителей, я поняла, как сильно ненавижу их.

— Ненависть — сильное слово, Ева.

Я качаю головой.

— В случае с ними — нет. — Я прикусываю нижнюю губу. — Не могу придумать ничего хуже, чем вернуться домой на Рождество.

Оак садится немного прямее.

— Почему так?

Я чувствую, как горят мои щеки при мысли о том, чтобы признаться ему, как мало мои родители заботятся обо мне.

— Потому что они все равно не хотят, чтобы я была там.

Его брови хмурятся.

— Я уверен, что это не...

— Ты не знаешь, какие они. — Я качаю головой. — В тот год, когда умер мой брат, мы впервые встретили Рождество без него. Они два часа ехали к моей бабушке на празднование, забыв одну незначительную деталь. — Я делаю эффектную паузу. — Меня.

У меня перехватывает горло, когда я вспоминаю, как сильно я плакала в то Рождество, как больно мне было.

Глаза Оака вспыхивают гневом.

— Они вернулись за тобой?

Я смеюсь над этим, только чтобы удержать себя от слез.

— Нет. Они поняли, когда бабушка спросила, где я, позвонили мне и сказали, что мне придется самой позаботиться о себе на каникулах. — Я тяжело сглатываю. — Я предложила взять такси, но они сказали, что это того не стоит.

Случайная слеза скатывается из моих глаз и стекает по щеке.

Оак смотрит на меня со странным выражением в глазах, которое я не могу точно определить.

— Ублюдки, — рычит он, сжимая кулаки.

— Значит, я не могу остаться здесь на каникулы? — Спрашиваю, ненавидя, как жалко звучит мой голос.

Челюсть Оака плотно сжимается, когда он пристально наблюдает за мной.

— Ты могла бы остаться со мной, — бормочет он.

Мой желудок переворачивается, а в сердце вспыхивает надежда.

— Разве ты не будешь с семьей? — спрашиваю я.

При упоминании о семье у него сводит челюсти, но он просто качает головой.

— Нет.

Он встает из-за стола и расхаживает по кабинету.

— На праздники я буду в своем коттедже, если ты захочешь присоединиться ко мне. — Он перестает вышагивать, в глазах появляется лукавый взгляд. — Я не могу придумать лучшего рождественского подарка, чем провести все каникулы с тобой голой в моей постели, — он почти рычит.

Мои щеки горят, а бедра сжимаются от этой мысли.

— Я тоже не могу, — выдыхаю.

Он подходит ко мне, в глазах горит опасная искра.

— Встань, — приказывает он.

Я делаю, как он говорит, и встаю перед ним.

Глаза Оака мгновение изучают мои, прежде чем он притягивает меня к себе. Его губы накрывают мои, и он пробивается языком сквозь мою защиту, вторгаясь в мой рот с такой потребностью, что у меня слабеют колени.

Я хватаюсь за его мощные плечи, желая раствориться в нем.

Он перестает целовать меня, наше дыхание прерывистое, когда он тихо бормочет:

— Приходи ко мне сегодня на ужин.

Я поднимаю бровь.

— У меня такое чувство, что подружки заметят, если меня не будет на ужине.

— Поешь немного, и скажи им, что ты не голодна. — Его хватка на моих бедрах болезненно сжимается. — Скажи, что ляжешь спать пораньше и будь в моем коттедже к восьми.

— Хорошо, — выдыхаю я.

Оак улыбается и целует меня еще раз, прежде чем отстраниться.

— А теперь иди в класс.

Я киваю и поворачиваюсь.

Только для того, чтобы Оак игриво шлепнул меня по заднице, заставляя меня взвизгнуть.

— За что это было?

Он прислоняется спиной к столу, сложив руки на груди.

— Мне так захотелось.

Я качаю головой, но не могу сдержать глупую ухмылку, которая расползается по моим губам, когда я направляюсь к его двери.

— До встречи, — говорю я, и выхожу в коридор, не оглядываясь.

Единственный ответ, который я получаю, — это тихое рычание. То, которое проникает прямо в мою сердцевину и заставляет меня тосковать по мужчине, стоящему позади меня.

Это будет очень долгий день.

Оак

Я не очень опытный кулинар, но люди часто делают комплименты по поводу моей лазаньи, поэтому я приготовил её для Евы, а также большую порцию сырного чесночного хлеба.

Просто безумие, что я нервничаю.

Это первый раз, когда я буду проводить время с Евой не в учебной обстановке или не трахая ее, даже если и хочу, чтобы вечер закончилась именно этим. Мне нужно узнать о ней больше, узнать, хочет ли она уничтожить своих родителей так же сильно, как я.

Совершенно ясно, что я не могу держать свои руки при себе, когда дело касается ее. Вместо того чтобы бороться с этим, пришло время выяснить, можем ли мы стать партнерами по преступлению и завершить мой путь возмездия, с ней на моей стороне.

Единственная проблема в том, что это означает, что мне нужно раскрыть свои истинные намерения в отношении нее. Еще не зная Еву, я планировал уничтожить её вместе с ее семьей. Это не та тема, которую я хотел бы затрагивать сегодня вечером, но во время совместного двухнедельного отпуска мне придется признаться.

Я бросаю взгляд на часы и замечаю, что уже четверть восьмого. У меня сжимается челюсть. Либо Ева просто опаздывает, либо ее поймали, когда она пыталась улизнуть из школы. Учитывая, что она часто опаздывала на урок дисциплины, я предполагаю первое.

Раздается тихий стук в дверь, и напряжение охватывает мое тело. Руки дрожат, когда я тянусь к дверной ручке. Я делаю глубокий вдох, чтобы успокоить свои нервы, но это не срабатывает.

Открываю дверь, и вот она, одетая в красивое струящееся бледно-голубое платье, заканчивающееся чуть ниже колен.

— Ты выглядишь сногшибательно, — говорю я, прежде чем она успевает заговорить.

Я оглядываю окрестности, убеждаясь, что поблизости никого нет.

— Заходи. — Отступаю в сторону и позволяю ей проскользнуть мимо меня.

— Что бы ты ни готовил, пахнет потрясающе, — говорит Ева и улыбается, глядя на меня.

Я сжимаю челюсть, когда в голову приходит глупая, мимолетная мысль.

Я мог бы привыкнуть к этому.

— Я готовлю лазанью. — Киваю головой в сторону дивана. — Присаживайся. Что ты будешь пить?

Она слегка наклоняет голову.

— То же самое, что и ты.

Я поднимаю бровь.

— Не уверен, что тебе понравится скотч. — Я подхожу к холодильнику и достаю бутылку белого вина. — Как насчет шардоне?

Ева улыбается, а затем кивает.

— Звучит здорово.

Я не должен предлагать несовершеннолетней ученице выпить, но тогда и мне не следовало бы держать ее здесь, в своем коттедже. С Евой я делаю все, что мне не положено делать. Я наливаю большой бокал и подношу ей, ставя на кофейный столик.

— Еда в духовке. Присоединюсь к тебе через минуту, — говорю я, и отправляюсь за бокалом скотча.

Когда возвращаюсь из кабинета, где храню виски, Ева стоит у книжного шкафа в гостиной, ее пальцы нежно перебирают корешки книг первого издания. Она вздрагивает, услышав меня за спиной.

— Я не слышала, как ты вернулся, — говорит она, выглядя немного смущенно. — У тебя много старинных книг.

Я улыбаюсь и киваю.

— Да, я коллекционирую их. — Мои брови хмурятся. — Делаю это с юных лет.

Она подносит бокал к губам и делает маленький глоток, прежде чем вернуться на диван.

— Ты любишь читать?

Я иду за ней, изо всех сил стараясь отогнать с переднего плана моего разума мысленную картинку, где она стоит на коленях с моим членом во рту.

— Да, но не так сильно, как мне нравится собирать редкие книги. — Бросаю взгляд на одну из картин на стене. — И картины тоже. — Я наклоняю свой бокал в ту сторону, и глаза Евы расширяются.

— Это оригинал? — Спрашивает она, таращась на картину Ван Гога "Звездная ночь".

Я киваю и подношу бокал к губам, залпом выпивая виски. — Да, хотя музей современного искусства считает, что оригинал у них.

Она приподнимает бровь.

— Не думаю, что хочу знать, как к тебе попала эта картина.

Я смеюсь. — Не думаю.

Она улыбается, поднося бокал вина к губам и делая глоток.

— Где твои картины?

Я скриплю зубами, вспоминая, что говорил ей о том, что люблю рисовать. Никто никогда не видел моих картин, и мысль о том, чтобы показать их Еве, вызывает у меня такое беспокойство, какого я никогда раньше не испытывал.

— Спрятаны где-то на чердаке, — говорю, махнув рукой.

Она хмурит брови.

— Почему? Я бы хотела их увидеть.

Ядвигаюсь к ней и сажусь рядом на диван.

— Я никогда никому их не показывал.

— Ох, — говорит она, переплетая пальцы на коленях. — Возможно, ты сможешь нарисовать меня сейчас, раз уж ты уже видел меня обнаженной.

Я стону, качая головой.

— Шанс, что я когда-нибудь закончу эту картину, был бы ничтожно мал.

Я ставлю свой бокал на кофейный столик, убираю ее струящиеся золотистые волосы с шеи и прижимаюсь губами к ее коже.

— Я бы не смог удержаться от того, чтобы трахнуть тебя.

Ева хихикает, качая головой.

— Ты мог бы попробовать.

Я вижу, что ей не терпится, чтобы я ее нарисовал, но знаю, что из этого ничего не выйдет. Вместо этого меняю тему.

— Скажи мне, Ева. Ты знаешь мою страсть. А какая тебя?

— Животные, — говорит она.

Я хмурю брови.

— Так вот почему ты хочешь стать ветеринаром? — Я провожу рукой по затылку. — Но что заставляет тебя так страстно любить животных?

— Забота о них приносит мне радость. — Она широко улыбается и лезет в карман, вытаскивая телефон. — Там, где мы живем, в Атланте, рядом с нами находится лесной заповедник. — Она пролистывает фотографии, на которых в основном изображены животные. — Эти две белки были ранены, и я выходила их. — Ева гордо улыбается, протягивая мне телефон. — В мире нет лучшего чувства, чем помогать тем, кому повезло меньше, чем тебе.

Я тяжело сглатываю, в горле образуется комок. Ева права, и все же я поступаю с точностью до наоборот. Без сомнения, слух об убийстве Хенли распространился по школе. Это поведение, которому я способствую.

— Уверен, что так и есть, но мне это чувство незнакомо.

Я встаю и иду на кухню, беру бутылку скотча и наливаю еще одну большую порцию.

— К сожалению, моя работа не приносит ничего хорошего.

Ева наклоняет голову, наблюдая за мной.

— Не знаю, правда ли это. Ты даешь этим людям место, к которому они принадлежат, и учишь их дисциплине, даже если они выходят в мир и совершают плохие поступки. Это не твоя вина.

— Разве не так? — Спрашиваю я, мой голос звучит резче, чем я намеревался.

Однако Ева не съеживается. Вместо этого она качает головой.

— Нет, кто-то должен их учить. Возможно, студенты, которые пройдут через это место, не будут такими жестокими, как те, кто этого не сделал.

Я поднимаю бровь.

— Ты не слышала, что случилось сегодня с Хенли Андерсоном?

Она недоуменно хмурится, и качает головой.

— Я даже не знаю, кто это.

— Этим утром, когда я выходил из класса. — Я провожу рукой по волосам, когда перед моим мысленным взором вспыхивают ужасающие образы, — Другой парень жестоко убил Хенли Андерсона.

Ева задыхается, качая головой.

— Ты серьезно?

— Удивительно, что ты не слышала, как сплетни распространяются по школе. — Я возвращаюсь к ней и сажусь на диван. — Он был заложником войны, в которой участвовал его отец. — Я встречаюсь с широко раскрытыми глазами Евы. — Не заблуждайся. Это место такое же темное, поганое и жестокое как и мир, к которому они принадлежат за пределами этой территории.

Ева ставит свой бокал с вином на журнальный столик и берет мои руки, сжимая их.

— Зачем ты занимаешься этим, если это делает тебя несчастным?

— Занимаюсь чем? — Я спрашиваю.

— Руководишь этой школой.

Когда я смотрю в ее глаза, у меня сводит живот. Я не могу дать ответ на этот вопрос, пока не буду уверен, что могу доверять Еве.

— Я не знаю, — говорю я, отнимая свои руки от её.

Это безумие, как хорошо она меня знает. Неужели меня так легко прочитать?

— Мне нужно проверить, что там с едой.

Я оглядываюсь на Еву и вижу, что она смотрит на меня с разочарованием в глазах. Дело в том, что она пока не может знать правду. Нет, пока я не определю, насколько далеко простирается ее ненависть к родителям.

— Всё готово, — говорю я, улыбаясь. — Присаживайся за стол.

Она делает, как я говорю, встает и садится на стул рядом со мной.

— Здесь нормально?

— Идеально, — говорю я, ставя блюдо с лазаньей на противень в центре. — Минутку.

Нельзя забывать про чесночный хлеб.

Её желудок урчит. — Всё пахнет очень вкусно.

Вернувшись к столу, я подаю ей хорошую порцию, а затем беру себе.

— Налетай, — говорю я.

Она так и делает, издавая тихие постанывающие звуки во время еды.

— Вау, эта лазанья потрясающая. В чем твой секрет?

— Итальянская кровь, — говорю, посмеиваясь.

Она хмурит брови.

— Правда? Оакли Бирн звучит не совсем по-итальянски.

Мое сердце сильно бьется, когда я понимаю, что только что совершил первую жизненно важную ошибку. Никто не знает о моем итальянском происхождении, даже двое моих лучших друзей. До того как я поселился в Атланте, жизнь, которую я оставил, была давно и глубоко похоронена.

— Да, по материнской линии. Наполовину итальянец, — лгу я.

— О, ясно. — Она кивает. — Это ее рецепт?

— Рецепт ее матери. Моей бабушки.

— Они живут здесь, в Мэне? — спрашивает Ева.

Я тяжело сглатываю, качая головой.

— Нет, моя семья мертва.

По крайней мере, для меня. Я не знаю, что стало с семьей, которую я так давно бросил. Часть меня скучает по моим брату с сестрой, и родителям, но чаще всего я благодарен, что избежал тирании мира, в котором родился.

— Мне так жаль, Оак, — говорит Ева, накрывая мою руку своей. — Я не хотела...

— Это пустяки, — говорю я, пренебрежительно махнув рукой. — Ешь.

Ева делает, как ей сказано, набрасываясь на еду и издавая маленькие довольные звуки, от которых мой член становится твердым, а сердце замирает. Мы едим в дружеском молчании, пока не остается половина лазаньи и последний кусок чесночного хлеба.

Ева откидывается на спинку стула и кладет руку на живот.

— Я слишком много съела.

Я приподнимаю бровь.

— Значит ли это, что у тебя нет места для десерта?

Ева выпрямляется и улыбается.

— У меня всегда есть место для десерта.

Я смеюсь, потому что использую ту же фразу.

— Хорошо, потому что это вкусно.

Я встаю и направляюсь на кухню, чтобы взять пирог, который испек заранее.

— Пекановый пирог.

— Мой любимый. Ты знаешь, что он очень популярен в Джорджии? — Ева практически визжит.

Я точно знаю это, поэтому и сделал его для нее.

— Возможно, — говорю я, ухмыляясь.

Она наклоняет голову.

— Вы пытались произвести на меня впечатление, сэр?

Ее голос становится немного кокетливым, заставляя меня полностью забыть о пироге в руках.

— Может быть, — говорю я, ставя блюдо в центр стола и разрезая на щедрые куски.

Сначала подаю порцию Еве, а потом беру себе.

Она пробует пирог, и ее глаза закрываются, когда она стонет.

— Ты чертовски хорошо готовишь.

Я со смехом качаю головой.

— Не совсем. Я более или менее исчерпал все свои навыки сегодня вечером.

Ева пристально смотрит на меня.

— Трудно поверить. — Она улыбается. — Все это так вкусно.

Я тяжело сглатываю, ненавидя ощущение трепета, которое испытываю внутри, когда она улыбается мне. Как будто мой мир каждый раз переворачивается с ног на голову. Игнорируя ее комплименты по поводу моей еды, я молча доедаю остаток пирога, зная, что могу сказать что-то, о чем потом пожалею.

Я знаю, что боюсь того, что означают мои чувства к Еве, и если я чувствую себя так после одного ужина, то две недели вместе на Рождество будут еще более трудными.

— О чем ты думаешь? — спрашивает Ева, наблюдая за мной, пока отправляет в рот последний кусочек пирога.

Я поднимаю бровь.

— О том, что не могу дождаться, когда ты окажешься в моей постели, — лгу я.

Ее карие глаза вспыхивают жаром, от чего мой член становится твердым, и я устраиваюсь поудобнее под столом.

— Правда, сэр? — Она опускает ложку в миску и встает, подходя к моей стороне стола. Нежно кладет руки мне на плечи и разминает на них узлы. — Я тоже не могу дождаться, — бормочет она.

Я рычу и хватаю ее за руку, дергая к себе на колени.

Ева ахает, когда я располагаю ее спиной ко мне, позволяя ей почувствовать тяжелое давление моего члена между нами.

— Оак, — стонет она, выгибая спину.

— Возможно, я трахну тебя прямо здесь, в этой позе, — бормочу, позволяя своему языку пробежаться по раковине ее уха. — Возможно, я трахну тебя во всех местах в коттедже, кроме кровати.

Ева вздрагивает, ее голова запрокидывается к моему горлу.

— Тебе бы этого хотелось?

Ева выгибает спину в ответ.

— Очень, сэр.

Я задираю юбку на платье, чтобы обнаружить ее абсолютно голой, после чего быстро освобождаю член из трусов и штанов.

Ева стонет в тот момент, когда головка моего члена дразнит ее вход.

— Трахни меня, сэр, пожалуйста.

Я прижимаю головку к мокрому входу, прежде чем одним быстрым движением насадить ее на свой член.

Звук, который срывается с прекрасных губ Евы, — это звук неподдельного удовольствия с того момента, когда я оказываюсь внутри нее. Я с силой хватаю ее за бедра и двигаю вверх-вниз, насаживая снова и снова на свой член. Моя хватка на ее бедрах жесткая, и я знаю, что это оставит ей синяки, но больная часть меня хочет оставить свой след на ее коже, заклеить ее, чтобы ни один другой мужчина никогда не прикоснулся к тому, что принадлежит мне.

Я толкаю ее вперед, заставляя наклониться над столом и выгнуть спину, открывая мне дразнящий вид на идеальную маленькую попку, когда я раздвигаю ее ягодицы.

— Такая красивая задница, — стону я, все еще поднимая ее вверх и вниз по своему члену. — Не могу дождаться, чтобы трахнуть ее, — рычу я.

Ева напрягается, прежде чем тихо скулит.

— Он ни за что не влезет, — протестует она.

— Я бы сделал так, чтобы он поместился, — стону, наблюдая, как ее киска поглощает мой член снова и снова. — Мне нравится смотреть, как мой член исчезает внутри тебя.

Я шлепаю ее по ягодицам, заставляя ее стонать.

— Оак, я думаю, я собираюсь...

Я держу ее неподвижно, еще не готовый к тому, чтобы она кончила.

— Слишком рано, малышка. Если я позволю тебе уже кончить, ты не сможешь справиться с тем, сколько раз я собираюсь трахнуть тебя сегодня вечером.

Я протягиваю руку и обхватываю ладонями ее груди, нежно играя с ее сосками.

— Я собираюсь трахать тебя всю ночь напролет, — шепчу я ей на ухо, прижимая спиной к себе. — Ты понимаешь?

Ева кивает в ответ.

— Да, сэр.

Она извивается у меня на коленях, ища трения о свой клитор.

Я удерживаю ее неподвижно, перемещая пальцы к клитору и массируя пучок нервов.

— Если ты пока не хочешь, чтобы я кончала, ты не помогаешь, — предупреждает она.

— К сожалению, я разрываюсь, — говорю я, поглаживая пальцами ее клитор. — Мне нравится чувствовать, как эта пизда кончает по всему моему члену, и все же я знаю, что если я позволю тебе кончить прямо сейчас, ты будешь так измотана к тому времени, когда я закончу с тобой.

Ева хнычет, выгибая спину и пытаясь двигаться вверх и вниз по моему члену.

Я стойко держусь, сохраняя контроль над ситуацией.

— Позволь мне кончить. Мне все равно, насколько я устану, когда ты закончишь со мной, пожалуйста, — умоляет Ева.

— Я ни в чем не могу тебе отказать, малышка. — Я ускоряю ласку своих пальцев по ее клитору. — Скачи на мне, пока не взорвешься, — приказываю.

Она стонет и двигает бедрами, насаживаясь на мой член неистовыми движениями. Другой свободной рукой я поочередно играю с ее набухшими сосками, заставляя ее стонать, когда она доводит себя до предела, используя меня для своего удовольствия.

— Блядь! О, да, Оак! — кричит она так чертовски громко, что я благодарен, что рядом

нет соседей.

Горячая киска Евы обхватывает мой ствол, пропитывая меня своим соком. Ее мышцы трепещут вокруг толстой, пульсирующей эрекции, похороненной внутри нее, подводя меня к всё ближе к краю.

Я снимаю ее со своего члена и хватаю за ягодицы, помещая свой блестящий член между ними и используя упругую попку, чтобы натирать член, вверх и вниз.

— Что ты делаешь?

Я шлепаю ее по заднице, наслаждаясь тем, как кожа краснеет под моим ударом.

— Если я не могу трахнуть эту маленькую тугую попку прямо сейчас, я буду тереться об нее.

Ева стонет, придвигая свою задницу ближе.

— Я хочу, чтобы ты снова был внутри меня, — скулит она.

Я протягиваю руку и хватаю ее за горло, мягко сжимая.

— Такая жадная девочка, — мурлыкаю я, вылизывая дорожку сбоку от ее шеи. — Я буду внутри тебя всю гребаную ночь.

Ева вздрагивает, когда я поднимаю ее со своих колен и несущу на руках, укладывая на спину на диван.

— Раздвинь для меня бедра и держи руки над головой, — инструктирую я.

Она делает, как я говорю, и я опускаюсь между ее бедер, раздвигая их шире своим коленом.

— Сегодняшний вечер только начался, — говорю я, прежде чем погрузиться в нее одним быстрым толчком.

К тому времени, когда я закончу с ней, будет чудом, если она сможет ходить прямо.

Ева

Проснувшись на следующее утро, я резко выпрямляюсь, когда вижу свет, проникающий сквозь шторы.

— Дерьмо.

Оак садится, протирая глаза.

— Что такое?

— Я осталась на ночь у тебя, и... — Я бросаю взгляд на часы на тумбочке, выпрыгивая из кровати. — Уже половина девятого. — Хватаю свою одежду, разбросанную по полу спальни, быстро натягивая её на себя. — Наталья, Камилла и Адрианна будут задаваться вопросом, где, черт возьми, меня носит.

Оак наблюдает за мной, выглядя невероятно спокойным, пока я одеваюсь.

— Ты очаровательна, когда паникуешь. — Он пренебрежительно машет рукой. — Скажи им, что ты больна. Напиши им сейчас.

Оак садится на край кровати, проводя рукой по своим растрепанным волосам.

— Я приготовлю нам блинчики, а потом ты сможешь оседлать мой член, как хорошая девочка. — Он пожимает плечами. — В конце концов, сегодня утром у меня свободное окно.

Мой желудок трепещет при одном упоминании о том, чтобы снова заняться с ним сексом. Так больше продолжаться не может. В конце концов, кто-нибудь нас разоблачит.

— Ну, а у меня урок.

Он ухмыляется.

— Я подтверждаю, что записал тебя на индивидуальное занятие этим утром. — Оак вздыхает. — Думаю, будет безопаснее, если мы подождем с новыми встречами до зимних каникул. — Выражение его лица страдальческое. — Не то чтобы я этого хотел, но мы слишком рискуем. — Он наклоняет голову. — Особенно трахаясь в классе. Но ты нужна мне еще раз.

Он встает и подходит ко мне, вырывая юбку у меня из рук и бросая ее на пол.

— А потом, в течение двух недель, мы сможем трахаться днем и ночью.

Я стону, когда его руки перемещаются к моим покрытым синяками бедрам, и он нежно прижимает меня к своему мощному телу.

— Блинчики и потом секс, или секс, а потом блинчики? — Спрашивает он.

Я чувствую твердое, требовательное давление его члена на мое бедро, и не могу думать о еде.

— Как насчет секса, а потом секса?

Оак ухмыляется и кивает.

— Мне нравится ход твоих мыслей, малышка.

Его губы накрывают мои, а язык жадно захватывает мой рот, разжигая этот пылающий ад внутри меня, когда он опускает меня на кровать и накрывает своим телом.

Я стону, когда он раздвигает мои бедра, и проталкивается внутрь, растягивая мою и без того измученную плоть вокруг своей толстой длины.

— О Боже, ты слишком большой, — хнычу я.

Он целует меня глубоко, и его язык стремительно входит и выходит из моего рта, разжигая жадную боль между бедер. Это умопомрачительно, как в одну минуту он может

казаться слишком большим, а в следующую мне до боли хочется почувствовать, как он растягивает меня сильнее и трахает жестче.

На этот раз Оак не сдерживается, грубо вонзается в меня и без жалости берет всё, чего он хочет.

Я выгибаю спину, притягивая его глубже.

— Черт, — я задыхаюсь, пытаюсь мыслить здраво. Не имеет значения, сколько раз он овладел мной. Я не могу насытиться этим мужчиной. Наши тела сплетаются в неистовом столкновении кожи, когда Оак доводит меня до самого края, без поддразниваний.

— Черт, — кричу, когда оргазм захватывает меня, и я взрываюсь всем телом на его члене, а моя киска брызгает вокруг него, смачивая простыни.

— Я никогда не устану доводить тебя до оргазма, — рычит он, вгоняя свой член в меня еще три раза. Он рычит напротив моей кожи при третьем толчке, заливая мои внутренности своим семенем. Я дрожу под ним. Интенсивность моих эмоций в этот момент поражает меня.

Оак стал всем моим миром, и это пугает меня. Мы не подходим друг другу, но в тоже время как будто были созданы друг для друга.

— Ты в порядке? — Спрашивает Оак, убирая волосы с моего лица.

Я киваю в ответ. — Да.

Он сводит брови вместе, но не задает вопросов. Оак слезает с меня, опускается на кровать, хватая меня за руку и притягивает к своей груди.

Я остаюсь в его объятиях, наслаждаясь этим дольше, чем следовало. Когда смотрю на часы, то чуть не выпрыгиваю из собственной кожи.

— Дерьмо. Уже половина десятого. Мне нужно попасть на следующее занятие через полчаса.

Оак притягивает меня к себе, лениво целуя.

— Тогда иди. Полагаю, мне тоже нужно подготовиться.

Я встаю и одеваюсь в рекордно короткие сроки, выходя из спальни еще до того, как он надевает свои боксерские трусы.

Оак гонится за мной в чем мать родила.

— Куда ты так быстро?

Я таращусь на него.

— В свое общежитие, чтобы подготовиться к занятиям.

— Не поцеловав меня на прощание? — Он надувает губы.

Я сужаю глаза.

— Наверное, будет неплохо, если мы останемся на подходящем расстоянии друг от друга, особенно когда ты такой голый.

Он смеется и сокращает расстояние между нами.

— Поцелуй меня, Ева.

Я тяжело сглатываю и двигаюсь к нему, приподнимаясь на цыпочки и прижимаясь губами к его губам в целомудренном, быстром поцелуе.

Когда я пытаюсь отодвинуться, он хватая меня за волосы и притягивает мой рот обратно к своему. Оак целует меня как одержимый, его язык грязно проникает в мой рот, как будто он трахает меня им.

Я стону, сжимая бедра вместе.

— Неужели это не повторится почти две недели?

Он ухмыляется и наклоняет голову набок.

— Боюсь, что нет. — Отпускает мои волосы и кивает на дверь.

Я тянусь к двери и приоткрываю ее, когда Оак хватает меня за запястье и тянет назад.

— Дай мне свой номер, — требует он.

Я поднимаю бровь.

— Зачем?

Он выхватывает у меня из рук мобильный телефон.

— Если мы не можем потрахаться, то можем хотя бы заняться секстингом.

Я смеюсь над этим, пока он вводит свой номер в мой телефон и звонит, чтобы у него был и мой.

— Я никогда раньше не писала сексэмэски. — Я хлопаю ресницами, глядя на него. — Тебе придется научить меня.

— С удовольствием, — бормочет он, прижимаясь своими губами к моим. — Теперь иди, — говорит он, шлепая меня по заднице, когда я разворачиваюсь, чтобы выскользнуть из его коттеджа.

Я на седьмом небе от счастья, пока крадусь по тропинке от коттеджа к величественному зданию школы, в надежде, что меня не увидят.

Пять дней спустя, я готовлюсь к Зимнему балу. Было чертовски трудно держаться на расстоянии от Оака, обмениваясь лишь украдкой взглядами в классе и не разговаривая с ним. Секстинг, которым мы занимаемся каждую ночь, поддерживает мой дух.

Мой желудок переворачивается, когда я слышу, как звонит мой телефон, и спешу проверить его. Оак.

Тебе лучше быть хорошей девочкой сегодня вечером. Если я увижу, что Дмитрий хотя бы попытается прикоснуться к тебе неподобающим образом, он лишится своей гребаной руки.

Я тяжело сглатываю и печатаю свой ответ.

Я всегда хорошая девочка. И не могу нести ответственность за действия этого парня. Просто знай, я не заинтересована в том, чтобы кто-то, кроме тебя, прикасался ко мне неподобающим образом.

Я бросаю телефон, зная, что Дмитрий, вероятно, будет приставать ко мне сегодня. Он флиртует со дня, когда я встретила его. Этот парень не мог оторвать от меня своих рук в баре в ту ночь, когда Оак украл меня и трахнул в первый раз.

Мой телефон снова звонит, и я хватаю его.

Хорошо. Пришли мне свою фотографию в платье.

Я печатаю свой ответ.

Что я получу взамен?

Он отвечает одним словом.

Сейчас.

Я кручусь на месте, рассматривая в зеркале свое вечернее платье. Наталья одолжила мне его, и оно просто потрясающее. Бледно-голубого цвета, с длинными рукавами, открытыми плечами и замысловатой кружевной аппликацией на юбке.

К сожалению, у меня не было ни одного платья, подходящего для Зимнего бала, а родители даже не стали разговаривать со мной, чтобы согласиться купить наряд. Я приехала сюда чуть больше пяти недель назад, и они ни разу со мной не поговорили.

Я делаю снимок в зеркале, посылая его ему, прежде чем положить телефон на комод. Он быстро жужжит, и я беру его в руки.

Красивая.

А затем появляется фотография, и мое сердце замирает в груди. Это Оак перед зеркалом, одетый в смокинг, с огромным членом, гордо торчащим из черных слаксов. Я сжимаю бедра вместе и стону, понимая, что у меня нет времени удовлетворить себя прямо сейчас. Камилла будет здесь с минуты на минуту.

Жестоко. У меня нет времени кончать, а теперь я разгорячена и нуждаюсь.

Я вижу пузырьки, когда Оак набирает ответ.

Хорошо. Именно такой ты мне и нравишься.

Раздается стук в дверь, и я выключаю телефон и кладу его в свой серебристый клатч, прежде чем впустить Камиллу.

— Хорошо выглядишь, — говорит она, улыбаясь. — Ты готова?

— Да, ты выглядишь прекрасно, — говорю я, пытаюсь быть вежливой.

С тех пор как Наталья рассказала мне о том, на чем специализируется ее семья, я не могу воспринимать Камиллу непредвзято. Знаю, что это не она торгует женщинами, но Камилла — часть семьи. Трудно поверить, что она не выступает против такой варварской практики.

— Спасибо, — щебечет она, прежде чем взять меня за руку и потащить из комнаты.

— Пойдем. Мы не хотим быть последними на вечеринке.

— Где Наталья и Адрианна? — Я спрашиваю.

Камилла кивает вперед на Адрианну, которая неловко топчется в коридоре.

— Адрианна ждет нас, но Наталья ушла раньше, чтобы встретиться с Элиасом. — Она морщит лоб. — Где ты встречаешься с Дмитрием?

— На танцах. Он сказал, что найдет меня там.

Камилла кивает. — Алек тоже.

— У Адрианны нет пары? — Я спрашиваю.

Камилла пожимает плечами.

— Нет, она не хотела, а Адрианна может быть самой упрямой девушкой, которую я знаю.

Адрианна машет рукой, когда замечает наше приближение.

— Привет, ребята. Ева, ты сногсшибательна.

Я улыбаюсь ей.

— Спасибо, мне нравится твое платье, — говорю, любясь прекрасным изумрудно-зеленым вечерним платьем, которое выгодно подчеркивает ее загорелую кожу.

— Ты бы прекрасно смотрелась на руке Эрнандеса, — говорю я.

Адрианна сильно бьет меня.

— Ай, за что это было?

— За то, что была задницей, — говорит она, смеясь. — Эрнандес — последний человек, с которым я пошла бы на танцы. — Адрианна берет меня за другую руку. — Давай спустимся в зал, пока мы не оказались там последними.

Я киваю и позволяю двум подругам отвести меня на Зимний бал. Я не в восторге от этой вечеринки. В воздухе витает гул, придающий этой зачастую холодной и серьезной школе волнующую атмосферу.

— До какого времени обычно продолжается вечеринка? — Я спрашиваю.

Камилла бросает на меня странный взгляд.

— С этой мы обычно ускользаем около десяти. — Широкая ухмылка расплзается по ее губам. — Вот тогда в старых руинах начинается настоящее веселье. Афтерпати вдали от бдительных глаз учителей.

Я тяжело слатываю, понимая, что у меня нет намерения улизнуть туда. Все, чего я хочу, — чтобы эта вечеринка закончилась и наступили зимние каникулы, и я могла перестать избегать мужчину, который заставляет меня сгорать по нему. Мужчину, которого я жажду поцеловать снова. Прошло всего пять дней, но с таким же успехом могли пройти недели.

В тот момент, когда я вхожу через большие двери из красного дерева в зал для мероприятий в центре школы, я чувствую его. Его взгляд мгновенно устремляется на меня из угла комнаты, привлекая мое внимание к нему.

Оак стоит рядом с профессором Дэниелсом и профессором Джеймсон, и смотрится великолепно в своем темном смокинге, но все, о чем я могу думать, это о том, как он выглядел со своим членом, торчащим из расстегнутой молнии. Я никогда не верила, что он может выглядеть красивее, чем уже есть, но в этом смокинге он просто сногсшибателен.

Его глаза опускаются по всей длине моего платья, и когда возвращаются к моему лицу, они горят желанием.

— Ты меня слышала? — спрашивает Адрианна, заставляя меня подпрыгнуть.

— Прости, что ты сказала? — спрашиваю я, мое внимание возвращается к девушкам.

— Я сказала, что Дмитрий вон там. — Она показывает. — Кто-то сказал, что он искал тебя.

Я тяжело вздыхаю.

— Я буду жалеть, что согласилась быть его спутницей?

— Возможно, — говорит Адрианна, смеясь. — Разве не в этом суть официальных мероприятий?

Я стону.

— Я не знаю. Он идет сюда.

Дмитрий подходит, на его лице появляется наглая ухмылка.

— Ты выглядишь великолепно, — говорит он, берет мою руку и целует тыльную сторону.

— Спасибо. — Я смотрю на его смокинг, который сидит безупречно. — Ты хорошо смотришься, — говорю я, стараясь не заходить слишком далеко.

Я чувствую взгляд Оака на своей спине, прожигающий во мне дыры.

— Как насчет танца? — спрашивает Дмитрий.

Я тяжело слатываю, зная, что, несмотря на желание отсрочить это, я не смогу избежать танцев с ним всю ночь.

— Может быть, сначала выпьем?

Он кивает.

— Конечно, чего ты хочешь? Я принесу тебе.

— Бокал белого вина, пожалуйста, — говорю я.

Адрианна прочищает горло.

— Пусть будет два.

Он улыбается, несмотря на то, что выглядит расстроенным из-за того, что стал официантом для нас обеих.

— Сейчас принесу.

— Он хочет залезть к тебе в штаны. Иначе он не стал бы приносить тебе выпивку, — говорит Адрианна, качая головой. — Лучше как можно скорее сказать ему, что тебя не интересует ничего, кроме дружбы.

— Наверное, ты права. — Я тяжело сглатываю. — Боже, я скучаю по школе для девочек. Нам не нужно было разбираться с этим дерьмом.

Адрианна приподнимает бровь.

— Верно, но тогда это было бы не так весело, не так ли?

Дмитрий быстро возвращается с двумя напитками для нас.

— Вот, пожалуйста, дамы.

Я улыбаюсь и беру бокал.

— Спасибо.

Делаю глоток, желая, чтобы его взгляд не был прикован ко мне. Я не осмеливалась смотреть в сторону Оака с тех пор, как мы вошли, зная, что он, скорее всего, следит за каждым шагом Дмитрия.

Что-то мне подсказывает, что сегодняшний вечер будет мучительно долгим. Я не могу дождаться, когда все закончится. Не могу дождаться, когда наступят зимние каникулы, и я смогу провести две блаженные недели в объятиях моего великолепного директора.

Оак

Я сжимаю кулаки, наблюдая, как рука Дмитрия сжимается вокруг бедра Евы, притягивая ее ближе. Они танцуют уже гребаный час без остановки, и я почти готов избить его у всех на глазах.

Ева пытается вывести меня из себя, так как ни разу на меня не взглянула. Я видел, как она пыталась уйти с танцев около двадцати минут назад, но этот крысеныш Дмитрий не выпускает ее из своих лап.

Она сошла с ума, если думала, что я буду спокойно смотреть, как он вот так вот носится вокруг нее. Я, блядь, как пороховая бочка, готовый взорваться в любой момент.

Арчер хлопает меня рукой по спине.

— Ты выглядишь беспокойным, Оак. Что случилось? — Он сжимает мое плечо. — И ты напряжен. Возможно, мне следует познакомить тебя со своей массажисткой.

Я сужаю на него глаза и киваю в сторону Евы и Дмитрия.

— Вот что случилось, — рычу.

Он ухмыляется.

— Ревнуешь, да?

Арч знает, как вывести меня из себя, как никто другой.

— Осторожно, я на грани того, чтобы сделать то, о чем потом пожалею, и твои насмешки мне не помогут.

Арчер смеется.

— Остынь. Непохоже, чтобы его язык был у нее в горле. — Он приподнимает бровь. — Они танцуют, и это танец.

Я рычу, что заставляет Арчера сделать шаг назад.

— Дерьмо, Оак, — говорит он, качая головой. — По-моему, ты увяз слишком глубоко, приятель.

Я прищуриваюсь и свирепо смотрю на своего друга.

— Если этот проныра хотя бы попытается поцеловать ее, он будет мертв. Ты меня слышишь?

Арч проводит рукой по волосам.

— Думаю, тебе нужен тайм-аут. Мы не можем допустить, чтобы ты выходил из себя из-за студента.

В этот момент появляется Гаврил и непонимающие морщит лоб.

— Кто выходит из себя из-за студента?

— Оак, он по уши завяз с девчонкой Кармайкл. — Арч подталкивает Гэва локтем. — Ревнует её к кавалеру.

Гэв стоит передо мной.

— Посмотри на меня, Оак.

Я делаю, как он говорит, встречаясь взглядом со своим другом. Гавриил не хочет терпеть мои ревнивые бредни, но я боюсь, что сейчас меня невозможно образумить. Ева засела у меня глубоко под кожей.

— Ты ничего не сделаешь, чтобы испоганить всё. — Он скрещивает руки на груди. — Этот парень — ее спутник и ничего более. Возьми себя в руки.

Я киваю в ответ.

— Черт возьми, я в дерьме, не так ли?

— Похоже, ты по уши влюблен в девушку, которую хочешь уничтожить, — говорит Арч, не уклоняясь от темы. — Я бы назвал это «в дерьме», да.

Я держу рот на замке, зная, что они ни о чем не догадываются. Если я расскажу им правду о Еве, о том, что, несмотря на то, что я поцеловал ее один раз, в итоге я трахнул ее трижды, они, наверняка, захотят вмешаться. Я не могу, блядь, оторваться от нее, и хотя мы держимся на расстоянии друг от друга физически, мы переписываемся каждую ночь, обмениваясь грязными сообщениями и фотографиями.

Я снова чувствую себя подростком, хотя у нас не было мобильных телефонов, когда я был моложе. Я проведу зимние каникулы с Евой, и эти два клоуна не будут мне мешать.

Гэв кивает, соглашаясь.

— Да, тебе нужно забыть Еву.

Забыть Еву? Как будто это так чертовски просто.

Ее невозможно забыть. Она запечатлелась в моей душе. Часть меня, которую я не могу стереть, и последние пять дней, проведенные вдали от нее, были пыткой. Остальные студенты уезжают через шесть дней, а это значит, что я сойду с ума к тому времени, как доберусь до нее.

— Ты в порядке, Оак? — спрашивает Гэв, глядя на меня с беспокойством. — Ты выглядишь немного бледным.

— В порядке, — говорю я резче, чем намеревался. — Мне нужно выпить.

Я отхожу от своих друзей и направляюсь к бару, где полно алкоголя.

В конце концов, наименьшее из преступлений этих студентов — употребление спиртного в несовершеннолетнем возрасте. Несколько лет назад мы поняли, что пытаться не допускать алкоголь на танцы для старшеклассников бесполезно, поскольку кто-то все равно подольет его в пунш, поэтому безопаснее позволить им пить все, что они хотят.

— Привет, Мишель, — говорю своей секретарше, которая вытянула короткую соломинку этим вечером и ей снова пришлось дежурить в баре. — Можно мне заказать скотч?

Она улыбается мне.

— Конечно, сейчас подойду.

Я барабаню пальцами по импровизированной стойке, концентрируя свое внимание на чем угодно, кроме девушки на танцполе с Дмитрием Яковом.

— Держи. — Она ставит напиток на стол. — Наслаждаешься?

Я поднимаю бровь.

— Не особенно. Сопровождать кучу пьяных студентов — это не мое представление об удовольствии. — Я указываю на нее пальцем. — Постарайся не давать никому слишком много. Я не хочу снова убирать блевотину с пола.

Она смеется, поднимая руки вверх.

— Конечно, нет. Я усвоила свой урок.

Когда я оборачиваюсь, сердце замирает в груди: Евы больше нет на танцполе с Дмитрием. Беглый осмотр не приносит результата. В зале нигде нет признаков Евы. Мои мысли скачут вместе с сердцем, колотящимся со скоростью тысяча миль в час, когда я возвращаюсь к Арчеру.

— Ты видел, куда они пошли?

Он поворачивается ко мне и недоуменно хмурится.

— Кто?

— Ева и Дмитрий, — рычу я.

Арчер пожимает плечами.

— Откуда, черт возьми, мне знать? — Он хватается меня за запястье, когда я собираюсь уйти. — Ты намерен разрушить её семью или, блядь, жениться на ней?

Поскольку в данный момент ты ведешь себя как ее сумасшедший любовник.

Я рычу на него в ответ, и он отпускает меня, читая предупреждающие знаки. Я должен найти Еву, а не спорить с ним.

Гаврил разговаривает со студентом. Я не хочу спрашивать, видел ли он, куда они пошли. Он всегда был большим занудой, чем Арчер, так что я знаю, что просить его о помощи бесполезно. Предполагается, что студенты должны оставаться в зале во время мероприятия, но ни один из этих гребаных идиотов не соблюдает правила.

Когда я уже на полпути по коридору в сторону библиотеки, мой телефон пикает, и я тянусь в карман, чтобы найти сообщение от Евы.

Дмитрий повел меня на афтерпати, и мне это не нравится. Ты можешь спасти меня?

Внутри меня разгорается адское пламя, когда я выхожу в коридор, оглядываясь в поисках их. Я набираю встречный вопрос.

Где проходит эта вечеринка?

Появляются пузырьки, предполагающие, что она отвечает на сообщение. А затем они исчезают.

— Черт, — рычу я, качая головой.

Где будет проходить афтерпати?

Мне понадобится подкрепление, чтобы сорвать эту гребаную тусовку. Руины — единственное подходящее место. Я набираю номер Арчера, зная, что у меня нет времени возвращаться и вытаскивать его.

— Оак, что случилось?

— В кампусе проходит вечеринка. Я собираюсь разогнать ее, и, возможно, понадобится подмога.

Он отвечает на другом конце провода.

— Не беспокойся. Это происходит каждый год.

— Что? — Я рычу.

— Вытащи Еву и оставь это. — Он отменяет звонок.

Откуда он узнал про вечеринку?

Я мчусь к руинам, из которых, как я и подозревал, доносится громкая музыка. Сердце сильно и быстро колотится в груди, пока я сокращаю расстояние.

Когда я добираюсь туда, у меня сводит живот.

На поляне собрались сотни студентов, не только старшеклассников. Большинство из них слишком пьяны, чтобы заметить меня, когда я проталкиваюсь сквозь толпу в поисках Евы.

Я вытаскиваю мобильник из кармана.

Я в руинах. Где ты?

Я вижу, что она читает это, но не отвечает. Если Дмитрий мешает ей отвечать на сообщения, ему повезет, если он переживет эту ночь.

— Директор Бирн, — две пьяные девушки подходят ко мне, хлопая ресницами. Одна из

них кладет руку мне на плечо. — Вы здесь, чтобы повеселиться с нами?

Я стряхиваю ее с себя.

— Нет, с дороги.

Проталкиваюсь мимо них и ищу в толпе кого-нибудь из друзей Евы. На этой гребаной вечеринке нет никаких признаков Натальи, Адрианны или Камиллы.

Я чувствую, что мое терпение на исходе, пока внезапно не звонит мой телефон.

Прости. Не было времени ответить. Я у фонтана. Приходи скорее.

Я проталкиваюсь сквозь толпу к фонтану, и мой желудок скручивается, когда вижу около сотни студентов, большинство из которых целуются или того хуже.

Дмитрий Яков выманил ее сюда, чтобы воспользоваться ею. Я чувствую, как дрожит моё тело, пока ищу Еву и мальчишку Якова, раздраженный тем, что до сих пор не вижу их.

И тут я слышу ее.

— Нет, Дмитрий. Пожалуйста, остановись, — кричит она, ее голос доносится из дальнего угла. Я бросаюсь к ней, адреналин пульсирует в моих венах.

— Я сказала прекрати, — кричит она, и они появляются в поле зрения как раз вовремя, чтобы я увидел, как он с силой задирает юбку ее красивого голубого платья до самых бедер и тянется к трусикам вопреки ее желанию.

У меня перед глазами встает красная пелена. и прежде чем понимаю, что делаю, я наношу удар ему прямо между глаз, вырубая его до того, как он, блядь, меня увидит.

Глаза Евы расширяются, а затем она с облегчением опускает плечи и стягивает подол юбки, оседая на камень, слезы наполняют ее глаза.

Я стою неподвижно, глядя на своего ученика, без сознания лежащего на полу. Директор школы не должен ходить и вырубать студентов. И все же я не могу найти в себе силы хоть немного пожалеть об этом. Дмитрий напал на нее против ее воли, и я сделал то, что сделал бы любой здравомыслящий мужчина, чтобы защитить свою женщину.

Я внутренне стону, как только эта мысль приходит мне в голову. Ева не может быть моей женщиной. Ради бога, она гребанная студентка.

Когда все стало таким сложным?

Ева

Сердце замирает, когда я смотрю вниз на Дмитрия, которого Оак нокаутировал жестоким правым хуком.

Все настолько пьяны и поглощены своими делами, что не заметили, как директор школы ворвался и спас меня. Его аквамариновые глаза пылают едва сдерживаемой яростью, и это пугает меня.

Я тянусь к нему, но он делает шаг назад.

— Не здесь. — Он проводит рукой по волосам. — Уходи с вечеринки и встретимся в классе, где проходят занятия по стратегии лидерства.

Он разворачивается и марширует напрямик к выходу, не обращая внимания на то, что студенты пьют и употребляют наркотики в его присутствии.

Как только Оак скрывается из виду, я бросаюсь в другом направлении к главному зданию школы, оставляя Дмитрия на земле. Тяжело сглатываю и оглядываюсь на него, но он все еще без сознания. Надеюсь, никто не заметил, как ворвался директор Бирн, словно мой рыцарь в сияющих доспехах.

Сердце колотится так сильно, что меня подташнивает, когда я спешу по дорожке и через боковую дверь возвращаясь в школу. Из главного зала все еще доносятся слабые звуки музыки, но большинство студентов уже внизу, в руинах.

Я иду к классной комнате, где мы с Оаком занимались сексом. Мои ладони вспотели, а желудок скручивает от беспокойства, когда я подхожу к двери, замечая тусклый свет, пробивающийся из-под нее.

Оак уже там. Я подумываю постучать, но решаю не делать этого.

Вместо этого тянусь к двери, распахиваю ее, и вижу, что он стоит в центре, спиной ко мне. Его мощные плечи поднимаются и опускаются, когда он неровно дышит.

— Оак, — произношу я его имя, и он поворачивается.

В его глазах такая опасная смесь эмоций, что я не осмеливаюсь произнести больше ни слова. Вместо этого закрываю за собой дверь и поворачиваю замок.

Он бросается ко мне и притягивает к себе, когда врывается в меня.

— Ты знаешь, как я был напуган, малышка? — Спрашивает он, его ноздри раздуваются. — Ты была в руках гребаного наследника Братвы, и я не мог тебя найти. Если бы он...

Я приподнимаюсь и беру его лицо в ладони, заставляя его смотреть мне в глаза. — Не говори о "если" и "но". Он не сделал этого, и это единственное, что имеет значение, потому что ты спас меня.

— Едва ли, — бормочет он, хватая одну из моих ладоней и кладя себе на грудь. — Ты чувствуешь, как быстро бьется мое сердце?

Я киваю в ответ, чувствуя, как галоп его сердца барабанит по моим пальцам.

— Я не знаю, что бы я делал, если бы не добрался до тебя вовремя. — В его глазах чистое страдание. — Ты для меня всё, Ева.

У меня болит сердце, когда он говорит это.

— Оак, мне жаль.

— Тебе следовало послушать меня, когда я говорил не идти с ним. — Он крепче

прижимает меня к себе, запутывая пальцы в моих волосах и откидывая мою голову назад. — Ты знаешь, как меня убивало смотреть на тебя в его объятиях? — Его челюсти сжимаются. — Я хотел подойти и выбить из него жизнь.

Мои глаза расширяются.

— Ты бы не...

— Я бы сделал для тебя всё, что угодно, — рычит он, прежде чем поцеловать меня.

Такое чувство, что я таю в тот момент, когда его губы оказываются на мне. Мои колени дрожат, и я цепляюсь за его мускулистые плечи, пытаюсь найти опору.

Оак поднимает меня с пола, заставляя обхватить его ногами. Переносит меня к моей парте в передней части класса и усаживает на край, встав между моих бедер. — Я собираюсь трахнуть тебя здесь, на твоём столе, как я и хотел с первого урока, на который ты пришла.

Его глаза светятся силой и целеустремленностью.

— Ты знаешь, что я сделал в тот день, когда мы были здесь одни, а ты заканчивала свое эссе? — Спрашивает Оак, осыпая мягкими поцелуями мою шею.

Я качаю головой. — Нет, сэр.

— Я достал свой член под столом и дрочил, наблюдая за твоей работой, — выдыхает он, заставляя мои соски затвердеть от грязной мысленной картины, которую он рисует. — Я кончил на нижнюю часть своего стола, думая о том, как трахаю тебя.

— Ты серьезно? — Я спрашиваю, мои бедра сжимаются вокруг него при одной только мысли о том, что он уже тогда так отчаянно хотел меня, что не мог себя контролировать.

— Смертельно. — Он прикусывает мочку моего уха, заставляя меня дернуться от ощущения. — По-моему, ты подошла, когда я уже кончил, и спросила, все ли со мной в порядке. Сперма покрывала днище моего стола, а ты стояла надо мной, нахмутив брови. Тогда я понял, что мне пиздец. — Он вылизывает дорожку прямо у меня на шее. — Я знал, что ты будешь моей.

Он возится с молнией моего платья и дергает его вниз, оттягивая ткань ниже груди. — Такая идеальная, — выдыхает он, прежде чем обхватить губами набухшие соски один за другим.

Я стону, позволяя ему пожирать мою кожу, как дикому животному.

— В тот момент, когда я увидела тебя, я поняла, что никогда не встречала такого красивого мужчину, как ты.

Оак смеется.

— Есть много слов, которые ты могла бы использовать, чтобы описать меня, но "красивый" — не одно из них. — Он хватает ткань моих стрингов под платьем и разрывает их, заставляя меня ахнуть. — Я порочный, темный и опасный, Ева, — шепчет он мне на ухо, и звук расстегиваемой молнии на его брюках отдается эхом. — Такой мужчина, от которого твоя мать велела бы тебе держаться подальше.

— К черту мою мать, — рычу я злее, чем планировала, хватая его рубашку и срывая с неё пуговицы. — Ей всегда было плевать на меня. — Я смотрю в глаза Оака, которые полны удивления от моей вспышки. — Ты можешь быть темным, порочным и всем тем, о чем ты говоришь, но для меня ты прекрасен.

Я замечаю золотой медальон, который каждый раз видела у него на шее, зная, что хотела спросить его об этом, но так и не набираюсь смелости.

Оак стонет, меняя положение между моих бедер. Головка его члена упирается в мой насквозь мокрый вход.

Все, о чем я могу думать, это о том, как он бросился мне на помощь в руинах. Несмотря на опасность, которая грозила ему, если бы его поймали. Мой рыцарь в сияющих доспехах.

— Я никогда не смогу насытиться тобой, — говорит Оак, прежде чем глубоко войти в меня.

Я впиваюсь кончиками пальцев в его спину, пытаюсь удержаться на краю маленького деревянного стола. Трудно поверить, что этот мужчина хочет меня.

Оак свирепо рычит, увеличивая темп. Его огромные, сильные руки сжимают мои бедра так, что, я знаю, останутся синяки. Каждый раз, когда этот мужчина берет меня, он оставляет следы на моей коже, которые остаются как напоминание о нем, впечатываясь в мою кожу на несколько дней.

— Я бы хотела, чтобы так было всегда, — выдыхаю я, когда тело Оака снова и снова врзается в мое. — Я хочу, чтобы твой член был во мне весь день, каждый день.

Он стонет, прижимаясь своим лбом к моему.

— Я тоже, малышка. — Он впивается кончиками пальцев в мои бедра, распространяя жгучую боль по всему телу. — Эти последние пять дней были гребаной пыткой, даже со всеми теми сексуальными фотографиями, которые ты мне прислала. — Он захватывает мои губы, целуя со страстью, которая лишает меня кислорода. — Я дрочил чаще, чем долбаный подросток, достигший половой зрелости.

Я стону, выгибая спину.

— Сколько раз?

Оак прикусывает мою губу.

— Три или четыре раза в день. — Он качает головой. — Хотя, сегодня пять, после того как ты прислала мне фотографию в этом платье.

Я хнычу, пораженная тем, как сильно он меня хочет. Трудно поверить, что у меня есть сила возбудить такого мужчину, как Оак.

— Я думала, что три раза за день — это много.

Он проводит зубами по изгибу моей шеи.

— Это столько раз в день ты заставляла себя кончать для меня?

— Да, сэр, — я задыхаюсь, пока он держит себя внутри меня. — Я не могла перестать думать о твоём члене.

Оак почти полностью вынимает член, а затем, когда мне кажется, что он вот-вот выйдет, обратно вводит каждый сантиметр.

Он стонет.

— У моей хорошей маленькой девочки такой чертовски грязный рот.

— Блядь, — кричу я, цепляясь за него, пока он берет меня на столе.

— Я столько раз представлял, как трахаю тебя именно на этом месте. — Его губы перемещаются к моей ключице, и он сильно прикусывает ее, заставляя меня хныкать. — Половину времени, когда я преподаю, я только и думаю об этой маленькой тугой пизде, обернутой вокруг моего члена, — рычит он.

Его грязные слова только приближают меня к краю.

— Сильнее, сэр, пожалуйста, — умоляю я, выгибая спину.

Оак рычит так яростно, что это почти становится последней каплей. Он хватает меня за бедра и поднимает на ноги, сначала перегибая через парту.

— Ты так охренительно совершенна.

Большая ладонь Оака приземляется на мою левую ягодицу с резким треском кожи о

кожу, затем на правую.

Я чувствую, как влага стекает по бедрам, когда мое возбуждение усиливается.

Он проникает внутрь меня и замирает, погруженный так глубоко, что кажется, будто он пытается разорвать меня на части.

Я вздрагиваю, когда он хватает каждую из ягодиц и раздвигает их.

— Я никогда не устану смотреть, как твое жадное маленькое тело принимает каждый мой сантиметр. — Его палец дразнит запретную заднюю дырочку, как в первый раз, когда он лишил меня девственности. — Но я не могу отрицать, что сотни раз думал о том, как мой член будет исчезать в этой маленькой тугой попке.

Я напрягаюсь, поскольку он упоминает об этом не в первый раз, и сама мысль о том, чтобы вместить такой огромный предмет в такое узкое пространство, заставляет меня вздрогнуть.

— Расслабься, малышка. Я не буду засовывать свой член тебе в попку.

Я расслабляюсь от его уверенности.

— По крайней мере, пока.

Я бросаю на него взгляд через плечо.

— Что ты имеешь в виду?

— Когда я возьму твою задницу, ты будешь умолять меня об этом. — Он хватает меня сзади за шею и с силой прижимает к дереву. — Ты будешь так чертовски отчаянно хотеть этого к тому времени, когда я подготовлю твою попку, что охотно сядешь на мой член и будешь скакать на мне, пока я не выпущу каждую каплю своей спермы глубоко в тебя.

Он шлепает меня по ягодицам и мучительно медленно вынимает член из моей киски, а затем вгоняет его внутрь.

— Ты будешь прыгать на нем, пока не кончишь с моим членом, засунутым глубоко в эту милую маленькую дырочку. — Он плюет на мою задницу и растирает слюну по отверстию, прежде чем осторожно ввести кончик пальца в мой напряженный сфинктер. — Я хочу владеть тобой, Ева. Каждая твоя дырка будет принадлежать мне.

— Оак, — стону я его имя, когда он толкает меня навстречу блаженству. Несмотря на мои сомнения по поводу анального секса, это так чертовски грязно, что я становлюсь еще мокрее. — Я так близко.

Ощущение его пальца в таком чувствительном месте только приближает мой оргазм.

— Хорошо, — стонет он, входя в меня в том же раздражающе медленном темпе. — Я хочу почувствовать, как кончает твоя киска, пока мой палец в твоей заднице. — Он проталкивает его немного глубже, а затем трахает меня им. — Докажи, что тебе нравится ощущение, когда кто-то трахает твою тугую девственную попку.

Его грязные слова — это все, что нужно, чтобы отправить меня за грань. Я кричу, и он резко дергает меня к себе свободной рукой, и зажимает мне рот, заглушая звук. Все мое тело содрогается в его мощной хватке, пока он держит свой палец в моей заднице, а его член медленно входит и выходит из меня, пока он трахает меня прямо во время моего оргазма. Зрение затуманивается, когда я отпускаю себя, поток горячей жидкости стекает по моим ногам.

— Блядь, малышка, — Оак хрипит, толкаясь в меня. — Ты брызнула на мой член.

Я стону, неуверенная в том, что это значит.

Он кусает мое плечо, когда кончает, кряхтя, и покрывает мои внутренности своей горячей спермой.

Я падаю на стол, и Оак делает то же самое, прикрывая мою спину.

— Это было чертовски безумно, — бормочу я.

Он слезает с меня, поднимая меня за собой. Оак опускается на пол и держит меня у себя на коленях, его полутвердый член прижимается к моей заднице.

— Я не думаю, что когда-нибудь смогу насытиться тобой, — выдыхает он, нежно целуя меня. — Мне нужно быть внутри тебя двадцать четыре часа в сутки, и этого недостаточно.

Я стону, чувствуя, как он твердеет подо мной. Мы ни за что не выберемся из этого класса в ближайшее время.

Оак

Мои глаза открываются, и я нахожу Еву, мирно спящей в своих объятиях. Я не могу не улыбнуться, когда вижу ее, желая, чтобы мы могли просыпаться вместе вот так каждый день. Глупая фантазия, потому что мы с Евой не можем быть вместе.

С тех пор, как я узнал ее поближе, стало ясно, что она совсем не похожа на своих родителей, а значит, что я не могу рассматривать возможность использовать ее так, как задумал.

Впервые за долгое время месть кажется неважной, когда я смотрю на Еву. Желание погубить людей, которые уничтожили меня, а также убили невинную женщину, которая была мне небезразлична, — это всё, что у меня было в какой-то момент.

Мой телефон жужжит, и я беру его с тумбочки, обнаруживая мультимедийное сообщение с неизвестного номера. Когда открываю его, мой желудок опускается.

Это фотография меня и Евы, полуголых и срывающих друг с друга одежду в классе прошлой ночью.

— Дерьмо, — бормочу я.

Ева шевелится в моих объятиях, но не просыпается. Я убираю руку из-под её плеча и выскальзываю из кровати, тихо выходя из спальни. Не хочу беспокоить ее по этому поводу, так как она может запаниковать.

Я набираю свой ответ на номер.

Чего ты хочешь?

Мое сердце колотится, в ожидании быстрого ответа. Когда не получаю его, я швыряю телефон на кухонный стол и падаю на один из кухонных стульев, обхватив голову руками.

Быть может, это судьба. Кармайклы хотели разрушить мой мир. Теперь я вознамерился уничтожить их, но, возможно, я ввязался в скандал, от которого не смогу оправиться. Не говоря уже о том, что мои чувства к Еве совсем не фальшивые.

Было ясно, что я уже какое-то время влюблен в свою ученицу. Она напоминает мне мальчика, который сделал другой выбор, чего хочет и она. Много лет назад мальчик вырвался из лап родителей и отказался от своего права по рождению править коррумпированной преступной империей.

В восемнадцать лет я бежал из Италии, взял себе новое имя Бретт Оакли Арчер и построил Archer Data Corp. с нуля. И все это для того, чтобы родители Евы снесли его менее чем за два дня.

Мой телефон жужжит, и я хватаю его.

Деньги. Много. Или эта фотография попадет в прессу.

Я знаю, что подобные угрозы никогда не проходят бесследно. Если я заплачу этому придурку деньги, он вскоре потребует еще.

Набираю номер Эйнсли, зная, что у него на быстром наборе есть техник, который занимается подобным дерьмом. За этим стоит студент, так что, надеюсь, его контактное лицо сможет отследить номер и сообщить мне личность.

— Оак, что я могу для тебя сделать?

— Тот полезный вундеркинд. Есть шанс, что он может помочь с личным делом? — Я спрашиваю.

— Уверен, что он мог бы. В чем именно тебе нужна помощь?

Я провожу рукой по волосам.

— Мне нужно, чтобы ты отследил номер владельца. Какой-то мальчишка пытается меня шантажировать, и я хочу выяснить, кто.

На другом конце провода раздается какое-то шуршание.

— Продиктуй мне номер, и я попрошу отследить его.

— Я могу написать тебе? — предлагаю ему.

Он фыркает.

— Очень неразумно. Кто угодно может следить за твоими сообщениями. А теперь, диктуй.

Я нахожу номер и называю ему цифры.

— Отлично. У меня будет ответ для тебя в течение двадцати четырех часов.

Он отменяет звонок, а я встаю и поворачиваюсь, чтобы увидеть Еву хмуро наблюдающую за мной.

— Кто тебя шантажирует? — спрашивает она.

Я вздыхаю и опускаюсь на стул.

— Прежде чем скажу тебе, я не хочу, чтобы ты паниковала. — бросаю на нее многозначительный взгляд. — Я разбираюсь с этим.

А затем даю ей знак подойти.

Она подчиняется, и я хватаю ее за руку, притягивая к себе на колени.

— Это сообщение пришло сегодня утром. Я не знаю, кто отправитель. — Я вкладываю телефон ей в руку, и Ева ахает, пытаясь вывернуться из моей хватки.

Я сжимаю ее сильнее.

— Ева, я говорил тебе не паниковать. Я разберусь с этим.

Ее глаза широко раскрыты, она смотрит на меня, как на сумасшедшего.

— Оак, кто-то в этой школе был свидетелем того, как мы трахались в классе на территории кампуса. — Она качает головой. — Единственная нормальная реакция — это паника.

Я нежно целую ее в губы.

— Я могу выяснить, кто за этим стоит. Им не сойдет это с рук.

Ева напрягается напротив меня.

— Что бы ты сделал, если бы узнал, кто за этим стоит?

— Я бы заставил этих ублюдков удалить фотографии и конфисковал все носители информации, пока не убедился бы, что больше нет компрометирующих улик.

— А что, если они заговорят? — спрашивает Ева.

Я пожимаю плечами.

— Это был бы глупый слух, не подкрепленный никакими доказательствами.

Ева выглядит не очень убежденной. Она складывает руки на груди.

— Слухи имеют силу. — Она качает головой. — И это слух, в котором была бы доля правды. — Она тяжело вздыхает. — Мои родители были бы здесь в мгновение ока.

— Если это случится, то я со всем разберусь. — Хотя таков был мой первоначальный план, мне придется разобраться с проблемой, если это произойдет. — Как только мы узнаем, кто это, возможно, я смогу найти какую-нибудь грязь, которую они не хотят разглашать.

Ева тяжело вздыхает и утыкается лбом мне в плечо.

— Может быть, оставаться с тобой на зимние каникулы — плохая идея.

Я тихо рычу и крепче обнимаю ее.

— Ты не выберешься из этого. Вокруг не будет никого, кто мог бы нас поймать, — бормочу я, прижимаясь своими губами к ее.

Взгляд Евы перемещается к маленькому окошку над кухонной раковиной в коттедже.

— Что, если этот человек наблюдает за нами?

— Это как раз та причина, по которой мне следовало держаться от тебя подальше до зимних каникул. — Мои руки крепче сжимаются вокруг нее. — Но если бы я остался в стороне, кто знает, что бы Дмитрий сделал прошлой ночью? Не хочу даже думать об этом.

Ева вздрагивает в моих объятиях.

— Я тоже.

— Мой знакомый считает, что у него будет ответ через двадцать четыре часа. — Я выпускаю Еву из своих объятий. — Думаю, пока нам следует держаться подальше друг от друга.

Плечи Евы опускаются, но она кивает в знак согласия.

— Еще пять дней, верно?

Я киваю и встаю, сокращая расстояние между нами.

— Сначала я собираюсь испечь тебе блинчики. — Я целую ее в лоб. — А потом мы примем душ.

Ева дрожит в моих объятиях, ее глаза расширяются.

— Я полагаю, мы будем там не только мыться?

Я нежно целую ее мягкие губы, наслаждаясь их прикосновениям.

— Конечно, нет. — Отрываюсь от нее и беру ингредиенты, которые мне нужны для блинов. — Но сначала нам нужна еда. Нам необходимо подкрепиться после прошлой ночи.

Щеки Евы розовеют, очевидно, вспоминая, какими сумасшедшими мы были прошлой ночью. Я брал ее на каждой поверхности в этом коттедже после того, как трижды трахнул в классе. Я трахнул Еву на её парте, второй раз на своем столе и третий — на парте Дмитрия, чтобы послать нахуй ублюдка, который пытался дотронуться до моей женщины.

Я тихо стону, когда это слово всплывает снова. Ева не моя, но от одной мысли об этом все мое тело содрогается в знак несогласия.

Блинчики легко готовить.

Ева наблюдает за мной с таким измученным видом, как будто могла бы проспять остаток дня. Прошлой ночью нам и близко не удалось выспаться.

Как только блинчики готовы, я выкладываю их на две тарелки вместе с хорошей порцией черники и кленовым сиропом, передавая одну тарелку Еве.

— Я так голодна, — говорит она, нетерпеливо набрасываясь на еду.

Я улыбаюсь.

— Тебе понадобятся силы, поскольку я собираюсь максимально использовать наши последние несколько часов вместе.

Это заставляет ее улыбнуться, пока она продолжает есть. У Евы жужжит телефон, и она открывает сообщение.

— Черт. Наталья спрашивает, где я.

— Скажи ей, что ты пошла прогуляться в лес, — предлагаю я.

Она тяжело сглатывает.

— Но я не могу задерживаться. Она будет удивляться, почему я гуляю одна по холоду. — Она печатает свой ответ и отправляет Наталье. — Я доела блинчики. Пойдем в

душ?

Я поднимаю бровь.

— Даже не знаю, обижаться мне или радоваться. — Я встаю и подхожу к Еве, возвышаясь над ней. — Я рад, что ты жаждешь ощутить меня внутри себя, но почти уверен, это потому, что ты не можешь дождаться возвращения, пока твои друзья не заинтересовались где ты.

— Оба варианта, — говорит она, стоя передо мной и прижимаясь своими упругими сиськами к моей голой груди.

Все, что разделяет наши тела, — это моя полурасстегнутая рубашка на ней с прошлой ночи.

— Ведите, сэр, — говорит она.

Я стону и хватаю ее за руку, таща через спальню в смежную ванную.

— Раздевайся, — приказываю я.

Она медленно расстегивает рубашку, одаривая меня таким непристойным взглядом, что я чувствую, как мой член натягивает боксерские трусы.

Я не отрываю от нее глаз, когда иду в душ и открываю кран. А затем сбрасываю боксеры на пол.

Никогда не устану видеть безграничный восторг в глазах Евы каждый раз, когда она видит меня голым.

— Иди сюда, — говорю, когда она бросает рубашку на пол.

Она подходит ближе и покорно встает передо мной, глядя своими сияющими карими глазами.

— Что прикажете, сэр?

Я стону и хватаю ее за волосы, с силой толкая на колени.

— Соси меня, малышка.

Ее глаза расширяются, она протягивает руку, которую я тут же отбрасываю.

— Только рот.

— Да, сэр, — говорит она, открывает рот и с жадностью заглатывает мой член по всей длине прямо в горло.

— Блядь, — я задыхаюсь, потрясенный тем, насколько хороша она стала с тех пор, как в первый раз сказала мне, что я чуть не убил ее, трахнув в горло. — Вот так, детка, прими его до конца.

Она слегка давится, но контролирует свое дыхание, мягко покачивая головой, так что мой член входит и выходит из ее горла. Горячее предсемя вытекает ей в горло, когда она трудится надо мной, как охуенный профи.

Я теряю контроль и крепко вцепляюсь в её волосы.

Ева смотрит на меня с озорным блеском в глазах, как будто подначивая меня взять контроль в свои руки. И я так и делаю. Двигаю бедрами вперед-назад, погружаясь в ее тугое горло, и стону, когда из моего члена вытекает все больше преякулята.

Трудно сопротивляться желанию излить свою сперму. Я вытаскиваю член изо рта Евы и рывком поднимаю ее на ноги, хватая за подбородок.

— Открой рот, — приказываю я.

Она подчиняется, и я плюю в него, отчего она стонет.

А затем я лижу ее язык.

— Ты такая грязная девчонка. Моя идеальная маленькая членососка, — бормочу я,

скользя по её языку своим в непристойных ласках. — Теперь я хочу почувствовать, как эта прелестная маленькая киска обхватывает мой член. — Я подталкиваю ее под струю душа, и она упирается руками в стену, выгибая спину.

Прежде чем присоединится к ней, я открываю шкафчик в ванной и беру оттуда маленькую анальную пробку вместе с бутылочкой смазки. Становлюсь под воду, беру в руки ее упругие ягодицы и раздвигаю их. Вид ее, такой блестящей и влажной для меня, сводит с ума, как и красивое кольцо мышц, в которое я собираюсь однажды вогнать свой член. Мне нужно растянуть его и натренировать, чтобы она могла принять что-то большее.

Я помещаю свой член между ягодицами и тру о чувствительную заднюю дырочку, заставляя ее дрожать. Брызгаю смазкой ей на попку, и она напрягается.

— Что ты...

Я шлепаю ее.

— Никаких вопросов.

Ева хнычет, когда я осторожно ввожу палец в ее попку, чувствуя, как поддаются мышцы. Проведя несколько раз пальцем внутрь и наружу, я наношу смазку на пробку, располагая кончик у её входа.

— Расслабься, это всего лишь маленькая игрушка, — бормочу, поглаживая руками ее спину, пока она остается согнутой для меня.

Ева делает, как я ей говорю, расслабляясь, пока я мягко надавливаю на пробку, вводя ее в тугую, девственную попку. Она стонет, слегка покачиваясь, когда пробка проходит половину пути внутри неё.

— Странное ощущение, — хнычет она.

— Дай ей шанс, — бормочу я, протягивая другую руку, чтобы поиграть с ее набухшим клитором.

Она стонет, когда я довожу ее до исступления, прежде чем усилить давление.

Внезапно пробка исчезает в ее попке, и Ева задыхается, немного выпрямляясь.

— Ох, — говорит она, привыкая к ощущениям.

— Как ощущения, малышка? — спрашиваю я.

Она выгибает спину.

— Это приятно, — говорит она, оглядываясь на меня через плечо. — Хотя я думаю, было бы лучше, если бы твой член был в моей киске.

Я рычу и резко хватаю ее за бедра, располагая кончик члена рядом с блестящим влажным входом.

— Как пожелаешь.

Мои бедра сильно толкаются вперед, когда я погружаюсь в нее, и стону от плотного прилегания с пробкой, вставленной в ее задницу. Это не совсем большая пробка, но внутри нее всегда так тесно.

— О черт, — скулит Ева, откидывая голову назад, когда я трахаю ее. — Это так... — она замолкает, по-видимому, не в силах подобрать слова, и царапает пальцами стеклянную панель перед собой.

Я стону, наблюдая за ее разгоряченным изображением в зеркале напротив душа. Ее светлые волосы разметались по лицу, а глаза расфокусированы, пока я трахаю ее. Никогда прежде я не испытывал такого благоговения перед другим человеком. Наблюдая за Евой, мне трудно поверить, что она не гребаный ангел, упавший с небес.

— О, Оак, — кричит она, ее тело бьется вокруг моего с такой силой, какой я никогда не

чувствовал. Поток горячей жидкости брызгает на мой член, заставляя мой его набухать, когда приходит и мое освобождение. Каждый раз, когда у Евы что-нибудь оказывается в заднице, она испытывает струйный оргазм, и это самая сексуальная вещь, которую я, блядь, когда-либо видел.

— Вот и все, детка, сквиртуй на мой член, — рычу я, выпуская в неё свою сперму.

Ева содрогается, когда я трахаю ее в процессе этого, убеждаясь, чтобы каждая капля моего семени оказалась глубоко внутри нее.

— Что значит «сквирт»? — спрашивает она таким невинным голосом, что это сводит меня с ума.

Я заставляю ее выпрямиться и вытаскиваю свой член, от чего она хнычет. Она поворачивается ко мне лицом.

— Каждый раз, когда у тебя в попке что-то есть, когда ты кончаешь, ты сквиртуешь, — говорю я, нахмутив брови. — Это немного похоже на то, как когда мужчина кончает, ты выпускаешь жидкость из своей маленькой тугой киски. — Я целую ее в губы. — Это так чертовски горячо.

Ева стонет мне в рот, когда мы целуемся так, словно у нас есть все время в мире.

Я бы хотел, чтобы так и было, потому что каждый раз, когда мы расстаемся, это убивает меня. Осталось пять дней до того, как студенты разъедутся на зимние каникулы, и тогда она будет у меня всё чертово время.

Ева

— Где ты была? — спрашивает Наталья, как только я вхожу в кафетерий тем же вечером.

Жар заливает мои щеки, и я сажусь на свое обычное место.

— Занималась в библиотеке. У меня много работы.

Она хмурится, но не продолжает давить на меня, за что я ей благодарна.

— Достаточно честно.

Камилла прочищает горло.

— Мы подумывали о том, чтобы устроить вечер кино в комнате Адрианны, раз у нее есть телевизор. Ты в деле?

Я киваю в ответ.

— Звучит неплохо.

Мне нужно отвлечься от того факта, что у кого-то, сидящего в этом кафетерии, есть фотографии того, как мы с Оаком трахались прошлой ночью.

— Ты в порядке? — спрашивает Адрианна, подталкивая меня локтем.

— Да, почему ты спрашиваешь?

Она пожимает плечами.

— Ты выглядишь немного рассеянной.

Я отправляю в рот вилку с макаронами и сыром, игнорируя ее замечание. Я бы хотела обсудить с подругами все то безумное дерьмо, которое происходит, но знаю, что никогда не смогу рассказать им про Оака.

Как только я заканчиваю есть, Камила направляется к стойке, чтобы взять закуски для фильма.

— Какой фильм будем смотреть? — Я спрашиваю.

Наталья пожимает плечами.

— Выберем что-нибудь на Netflix.

Адрианна кивает.

— Девчачье кино, конечно.

Я внутренне стону, поскольку не сказала бы, что мне нравятся подобные поверхностные фильмы, но ничего не говорю. Я предпочитаю психологический триллер или драму, то есть что-то, над чем мне приходится думать.

Камилла возвращается с большим пакетом.

— Давайте выбираться отсюда.

Я встаю и следую за девочками, когда Джинни Дойл встает у меня на пути.

Она сердито смотрит на меня, скрестив руки на груди.

Я пытаюсь отойти в сторону, но она повторяет мои движения.

— Уйди с дороги.

— Или что? — спрашивает она, ее взгляд опускается на ногу, в которую они вонзили нож, зажившую уже полностью.

Я двигаюсь к ней и выпрямляюсь, так что становлюсь выше нее.

— Или я позабочусь о том, чтобы на этот раз подрезали именно тебя.

Не то чтобы я ударила бы ее ножом, но она бледнеет от угрозы.

— Я бы хотела посмотреть, как ты пробуешь, — говорит она.

В этот момент мои подруги понимают, что Джинни остановила меня, и возвращаются с разъяренными выражениями на лицах.

Наталья заговаривает первой.

— Уйди с ее пути, Джинни.

Она смотрит на трех девушек, которые теперь ополчились на нее, а затем возвращает свое внимание ко мне.

— Неважно. Ты в любом случае этого не стоишь. — Она отходит в сторону, пристально глядя на меня.

— Нет. Не стою того риска, что тебя снова отправят к Ниткину, да? — Спрашиваю я, с ухмылкой наблюдая, как бледнеет её лицо.

Я иду к своим подругам, благодарная за то, что ситуация не получила дальнейшего развития.

Камилла переплетает свои руки с моими, улыбаясь.

— Всецело поддерживаю. Она жалкая, ревнивая хулиганка.

— Это то, что мы должны посмотреть, — говорит Адрианна, привлекая наше внимание к себе.

— Что? — Спрашивает Нат.

— Дрянные девчонки, — говорит она, выглядя довольной собой.

Две других смеются, кивая в знак согласия.

— Договорились, — говорит Камила.

Это звучит как ужасная идея, но я не могу так сказать, поскольку никогда не смотрела фильм.

— Вы видели его раньше?

Адрианна приподнимает бровь.

— Конечно, а кто нет?

Я поднимаю руку.

— Я.

— Не может быть, — говорит Камила, отпуская мою руку и таращась на меня.

— Как ты могла его не видеть? — Спрашивает Наталья.

— Мне никогда не нравились девчачьи фильмы.

По выражению лиц каждой из них можно подумать, что я только что оскорбила все их семьи.

— Вызов принят, — говорит Камила, снова беря меня за руку. — Мы обратим тебя сегодня вечером, я гарантирую это.

Я смеюсь, когда мы направляемся в спальное крыло и вниз по коридору к комнате Адрианны. Ее комната — самая большая из наших четверых, экстравагантно оформленная, с огромным шестидесятидюймовым телевизором на стене.

— Почему твоя комната такая большая? — спрашиваю я.

Адрианна выглядит немного смущенной, пожимая плечами.

— Наверное, потому что мои родители заплатили больше.

Наталья вздыхает.

— Да, у нее самая богатая семья из всех нас. В конце концов, она из картеля.

Я тяжело сглатываю при этом слове, гадая, насколько жестока ее семья. Картель известен тем, что стоит на ступеньку выше остальных в плане насилия.

Адрианна машет руками в воздухе.

— Хватит об этом. Пришло время превратить Еву в любительницу девчачьих фильмов.

— Не думаю, что это когда-нибудь случится, — говорю я, когда девочки плюхаются на огромный диван Адрианны. Поджав под себя ноги, я сажусь на край и устраиваюсь поудобнее, пока Адрианна находит фильм на Netflix.

— Пристегнись. Тебя ждет адская поездка, — говорит Камилла, подмигивая мне.

Я качаю головой и устраиваюсь поудобнее, улыбаясь сама себе. Когда родители отправляли меня сюда, я была уверена, что останусь без друзей, потому что мне не место в этом мире. Они знают, что у меня нет никакого интереса к жизни в мафии, но принимают меня. Это больше, чем я могу сказать о большинстве девчонок из моей прошлой школы.

Я никогда и нигде не чувствовала себя своей, и последнее место, в котором я ожидала почувствовать принадлежность, была школа для криминальных наследников. Наверное, поговорка "Не суди о книге по её обложке" относится к Академии Синдиката.

Я благодарна, что следующие пять дней проходят без происшествий, хотя контакт Оака так и не смог разоблачить таинственного шантажиста. Видимо, ему потребуется больше времени, чтобы найти виновного, поскольку они использовали одноразовый телефон. Глупо было думать, что они не знали, что делали. Эта школа полна преступников.

Мы держались на расстоянии друг от друга, даже если временами это казалось невозможным. Когда я стою в главном зале школы, ожидая, когда смогу проводить трех подруг на зимние каникулы, мое сердце бешено колотится. Уже через несколько часов мы с Оаком останемся одни в его коттедже на две недели.

Появляется Наталья и бросается ко мне.

— Я буду скучать по тебе, — говорит она, крепко обнимая меня.

Я смеюсь, качая головой.

— Это все лишь две недели.

— Тем не менее, мы должны переписываться каждый день, — говорит она, сжимая мою руку. — Не могу поверить, что ты остаешься здесь одна на Рождество.

Я пожимаю плечами.

— Мне нужно много учиться, чтобы наверстать упущенное перед экзаменами в следующем году.

— Скучота. — Она закатывает глаза. — Если тебе станет нудно, возьми такси до Бостона и позвони мне.

— Мне не будет нудно, — говорю, зная это с большей уверенностью, чем она может понять. Я не могу придумать ничего лучше, чем провести две недели с Оаком наедине в его коттедже.

В дверях появляется Камилла и подходит к нам.

— Слава Богу, мы не разминулись, Нат. Я думала, ты уже ушла. — Она смотрит на меня с грустью. — Ты уверена, что с тобой все будет в порядке?

Я киваю. — Уверена.

Адрианна подходит сзади, пугая всех нас.

— Она так же уверена, как и десять других раз, когда вы спрашивали ее.

Я смеюсь над этим.

— Действительно. Все готовы?

Адрианна кивает.

— Да, мой водитель ждет снаружи, чтобы отвезти меня аэропорт. Я завидую вам, что вы сможете доехать до дома.

Адрианна живет за границей, в Мексике, поэтому ей приходится лететь домой. Она обнимает меня, а затем и остальных.

— Увидимся со всеми вами через две недели. — Она поворачивается и уходит, волоча за собой два огромных чемодана.

Я ни за что не думала, что найду в этом месте трех замечательных подруг, пусть даже совсем не похожих на меня. Мне пришлось вытеснить из головы тот факт, что они принадлежат к могущественным криминальным семьям. Возможно, именно поэтому мы так хорошо ладим, потому что все мы очень разные.

Камилла вздыхает.

— Мой водитель тоже здесь. Я, пожалуй, пойду. — Она улыбается нам с Натальей. — Увидимся через две недели, сучки.

Она хватает большой чемодан и тащит его за собой, направляясь к выходу из зала.

— Твой водитель уже здесь? — Я спрашиваю Наталью.

Она качает головой.

— Он написал сообщение, что немного отстает от графика.

У меня сводит желудок, когда я замечаю, как к нам приближается Элиас, не сводя глаз с Натальи.

— А вот и неприятности, — предупреждаю я.

Наталья оглядывается назад и стонет, ее плечи напрягаются.

— Итак, полагаю, я должен пожелать вам двоим прекрасных зимних каникул. — Он кладет руку на спину Натальи, притягивая ближе к себе. — Я слышал, Бостон прекрасен в это время года.

Он наклоняется, чтобы что-то прошептать ей на ухо.

Я сжимаю кулаки, когда вижу, как она напрягается, понимая, что он только что угрожал ей. После довольно грубого предупреждения Элиаса в коридоре я старалась не вмешиваться, но мне неприятно видеть, как он мучает ее.

— Отвали, Элиас, — говорю я, свирепо глядя на него.

Он ухмыляется и встает передо мной.

— Ты забыла мое предупреждение, Кармайкл?

Я прищуриваюсь.

— Ты сказал мне держаться подальше от тебя и Натальи. Это не значит, что я не могу сказать тебе, чтобы ты отвалил, когда ты мне мешаешь.

Я высоко поднимаю подбородок, несмотря на то, что знаю, что этот психопат мог бы выжать из меня жизнь голыми руками, если бы захотел.

Он посмеивается, качая головой.

— Ты мне нравишься, Кармайкл.

И с этими словами проходит мимо меня, направляясь к выходу из коридора.

Плечи Натальи расслабляются, и она с облегчением выдыхает.

— Что этот мудака сказал тебе? — Я спрашиваю.

Наталья качает головой.

— Ничего. Это не имеет значения. — Она складывает руки на груди и тяжело опускается на стул. — Я так сильно его ненавижу.

Я сажусь рядом с ней.

— Ты должна противостоять ему. — Я встречаюсь с ней взглядом. — Почему ты позволяешь ему помыкать тобой?

— Это сложно, — говорит Наталья, глядя в пол. — Я не хочу говорить об этом.

Похоже, Камилла и Адрианна правы. Каждый раз, когда поднимается тема Элиаса, она замыкается. Я киваю в ответ, и мы вместе погружаемся в тишину, ожидая прибытия водителя Натальи. Зал пустеет, когда студенты уезжают, в основном с водителями, хотя я видела несколько родителей, приехавших за своими детьми. Кто-то в этой школе шантажирует Оака из-за наших отношений, и тот факт, что я остаюсь в Академии на зимние каникулы, только усугубит проблему.

Оак уверяет меня, что может это исправить, но я не уверена. Кажется немного глупым, что я остаюсь здесь. Возможно, мне следовало принять приглашение Натальи провести Рождество в Бостоне. Однако сейчас уже слишком поздно.

У Натальи звонит телефон, и она встает.

— Он здесь. Проводишь меня? — спрашивает она.

Я улыбаюсь и киваю.

— Конечно. Следовало ожидать, что тебе понадобится помощь с сумками. — Из трех девушек у нее больше всего багажа для двухнедельного перерыва. — Я никогда не видела, чтобы кто-то брал с собой столько вещей на две недели.

Она пожимает плечами.

— Я не знаю, какие мероприятия буду посещать, пока буду дома, поэтому мне пришлось собрать вещи на все случаи жизни.

Я смеюсь, надевая рюкзак на плечо и берясь за ручку одного из ее тяжелых чемоданов, оставляя ее хвататься за два других.

— Показывай дорогу.

Я провожаю Наталью до ее водителя, пока последние несколько студентов садятся в машины. Водитель быстро забирает у нас сумки и кладет их в багажник.

Наталья поворачивается ко мне.

— Серьезно. Если тебе станет скучно, позвони мне и приезжай в Бостон.

Я киваю.

— Обещаю, — говорю я, несмотря на то, что знаю, что этого никогда не произойдет.

— Хорошо, теперь еще раз обнимашки.

Она обхватывает меня руками и выжимает из меня всю жизнь, после чего поворачивается и забирается на заднее сиденье черного лимузина. Я стою и отмахиваюсь от нее, чувствуя, как по позвоночнику пробегает волна возбуждения при мысли о том, чтобы позже отправиться в коттедж Оака.

Мы оба согласились, что безопаснее подождать до ночи, чтобы убедиться, что все ученики разъехались. Я поворачиваюсь, собираясь вернуться в здание, но на моем пути стоит Дмитрий. Его нос все еще выглядит ужасно после того, как Оак практически сломал его.

— Дмитрий, что ты...

— Я слышал, ты остаешься здесь на каникулы. Это правда? — спрашивает он, приподнимая бровь.

Я киваю в ответ.

— Да, мои родители не хотят, чтобы я возвращалась домой.

Он придвигается ко мне вплотную, ухмыляясь.

— Почему бы тебе не поехать ко мне?

Я содрогаюсь от этой мысли, вспоминая, как он прикасался ко мне против моего согласия на вечеринке в руинах.

— Только через мой труп.

Его глаза вспыхивают, но он ухмыляется мне.

— Ты можешь отрицать это сколько угодно, но я видел, как ты смотришь на меня. — Его голос понижается, и он подходит еще ближе. — Я знаю, что в глубине души ты — маленькая грязная шлюха.

Я выпрямляюсь и влепляю ему пощечину, которая оглушает его.

Позади нас останавливается машина, и выходит водитель.

— Это твои сумки, Дмитрий?

Дмитрий выглядит раздраженным из-за того, что его прервали, кулаки сжаты, как будто он собирался ударить меня.

Я отхожу от него.

— Отличных тебе каникул, придурок, — говорю, шагая обратно в школу.

Он что-то бормочет в ответ, но мне все равно, что. Наступили зимние каникулы, и я собираюсь провести две блаженные недели с Оаком. И даже Дмитрий Яков не сможет меня расстроить.

Оак

Ева сидит в моей гостиной, подогнув под себя ноги, и читает книгу. Сегодня канун Рождества, и я с удивлением отмечаю, что её родители ни разу не поинтересовались, где она находится. Она не получила от них ни одного сообщения или телефонного звонка.

Мои инстинкты были верны с самого начала. Ева — такая же жертва жестокости своих родителей, как и я, поэтому можно лишь надеяться, что она поймет, когда я расскажу ей правду, но это может подождать до Рождества.

Я тяжело сглатываю, понимая, что еще никогда не чувствовал себя так непринужденно с другим человеком. С Евой каждое взаимодействие происходит так естественно, без каких-либо усилий.

Заметив меня, она кладет закладку в книгу, которую читала, откладывает ее на журнальный столик и смотрит на меня.

— Есть новости?

Я нервно сглатываю, зная, что тайна шантажиста разъедает ее изнутри. К сожалению, тот, кто отправил сообщение, не идиот. Они использовали одноразовый телефон, и контакт Эйнсли все еще пытается разыскать владельца. Он уверяет меня, что все возможно, но на это уйдет пара недель.

— Пока нет. Сейчас Рождество, и я не жду от него вестей до Нового года.

Ева вздыхает.

— Может от человека, который тебя шантажирует?

Я качаю головой.

— Нет, я сделал первоначальный взнос. Уверен, они будут хранить молчание до начала следующего семестра.

Ева слегка расслабляется, но склоняет голову.

— Это все моя вина. Если бы я послушала тебя и отказала Дмитрию, возможно...

— Это не твоя вина. — Я сажусь рядом с ней на диван, обнимая ее за плечи. — Виноват тот мудака, который нас фотографировал.

Она кладет голову мне на грудь, и прижимается ко мне, обхватив руками мою шею.

— Я так рада, что я здесь с тобой на зимних каникулах.

Я улыбаюсь, думая о том же.

— Чем ты хочешь заняться сегодня вечером? — спрашиваю её.

Она садится ровнее и заглядывает мне в глаза.

— Я не знаю. Что ты обычно делаешь в канун Рождества?

— Честно говоря, ничего, — говорю я, пожимая плечами. — Никогда не любил Рождество.

Она хмурится.

— Что случилось с твоей семьей?

Я тяжело сглатываю, понимая, что не могу ответить на этот вопрос. С моей семьей ничего не случилось, и когда я сказал ей, что они погибли, это была ложь. Насколько мне известно, все они счастливо живут по ту сторону Атлантики, в Неаполе, калеча, убивая и создавая империю на крови и душевной боли.

Я усердно работал, чтобы избавиться от итальянского акцента и как можно лучше

вписаться в американское общество.

— Не хочу сейчас заикливаться на этом. — Я улыбаюсь и сжимаю ее бедро. — Как насчет того, чтобы я приготовил пиццу, и мы могли бы посмотреть кино?

Ева наклоняет голову набок.

— Ты собираешься готовить пиццу с нуля?

Я улыбаюсь.

— Я достал из морозилки немного теста, которое испек ранее. Так что да.

— Еще один рецепт твоей мамы? — Спрашивает она.

Я киваю и молча встаю, направляясь на кухню. Это был рецепт моей бабушки по отцовской линии, поскольку он был родом из Неаполя, родины лучшей пиццы в мире.

Несмотря на то, что практически все мои связи с родиной стерлись, еда — это то, что мне по-прежнему нравится. За пятнадцать лет я не произнес ни слова по-итальянски, но иногда у меня в голове все еще крутятся фразы.

— Твоя мама учила тебя итальянскому? — Спрашивает Ева, удивив меня. Я не заметил, как она последовала за мной на кухню.

Я поворачиваюсь и прислоняюсь к стойке.

— Да, я свободно владею языком.

Брови Евы приподнимаются.

— Серьезно? Скажи что-нибудь.

Я тяжело сглатываю, понимая, что позволяю этой девушке узнать те части меня, которые я долгое время скрывал.

— *Da quando ti conosco la mia vita è un paradiso. Dammi un bacio.*

Ева подходит ближе и кладет руку мне на грудь.

— Что это значит?

Я наклоняюсь к ее уху и шепчу.

— С тех пор, как я встретил тебя, моя жизнь превратилась в рай. Поцелуй меня.

Грудь Евы вздымается, когда она отстраняется, чтобы посмотреть мне в глаза.

— Мне нравится, что ты говоришь по-итальянски.

Она поднимается на цыпочки и прижимается своими губами к моим, притягивая меня к себе.

Поцелуй быстро углубляется, я поднимаю ее на кухонный островок, раздвигая ее бедра. Мой член твердый и пульсирует между нами, когда я приподнимаю подол ее юбки.

— Не думаю, что смогу удержаться от того, чтобы не проглотить тебя. — Я целую ее в губы. — Но пицца сама себя не приготовит.

Ева стонет, притягивая меня ближе, пока я вталкиваю свой язык в её рот, как изголодавшийся по сексу, хищный монстр. Не имеет значения, сколько раз я беру Еву, на следующий раз желание и потребность только усиливаются. Она делает меня ненасытным, а это опасное чувство.

Я заставляю себя перестать целовать ее и ставлю обратно на ноги.

— Возвращайся в гостиную и почитай. Мне нужно сосредоточиться на ужине. — Я улыбаюсь выражению надутого разочарования на ее лице. — У нас будет достаточно времени, чтобы пошалить после. — Нежно целую в губы, касаясь носом ее носа. — Теперь делай, как я говорю.

Она тяжело вздыхает и поворачивается.

— Да, сэр.

Я стону, зная, что она использовала это слово только для того, чтобы вывести меня из равновесия. Но вместо того, чтобы ответить на колкость, обращаю свое внимание на тесто для пиццы на столе. Я уже разогрел духовку до максимально возможной температуры вместе с камнем для пиццы, поэтому приступаю к растягиванию теста.

После растягивания, выкладываю начинку и перемещаю её на специальную лопатку. И отправляю пиццу в духовку. Пока она готовится, открываю бутылку белого вина Catalanесca из региона Италии, в котором я вырос, и наливаю два бокала.

Я несу их в гостиную и прочищаю горло.

— Вино? — спрашиваю.

Она улыбается и кивает, выпрямляясь в кресле.

— Да, спасибо.

Я передаю бокал ей в руку и сажусь рядом.

— Пицца будет готова через несколько минут. — Я хватаю пульт от телевизора и включаю его, переключаясь сразу на Netflix. — Какой фильм будем смотреть?

Ева пожимает плечами.

— Что угодно, только не «мыло».

Я поднимаю бровь.

— Почему это?

Она закатывает глаза.

— Наталья, Камилла и Адрианна пытались обратить меня, заставляя смотреть «Дрянных девчонок». — Взгляд, который она бросает на меня, говорит о том, что попытка провалилась. — И это была пытка. Я не любитель таких фильмов.

— Какие фильмы тебе нравятся? — Я спрашиваю.

— В основном триллеры. — Ева наклоняет голову. — А как насчет тебя?

В этот момент срабатывает таймер на духовке.

— Придержи эту мысль, или у нас будет подгоревшая пицца.

Я встаю с дивана и возвращаюсь на кухню, быстро снимая лопатой пиццу с камня. Выкладываю её на большое блюдо и режу на десять кусков. Беру две салфетки, а затем отношу всё и ставлю на кофейный столик.

Глаза Евы расширяются.

— Вау, выглядит восхитительно.

— Ты еще не пробовала. — Я передаю ей салфетку. — Налетай.

Она берет кусочек и откидывается на спинку дивана, держа его над салфеткой.

Я не могу не наблюдать за тем, как она медленно откусывает, закрывая глаза по мере того, как пробует на вкус.

— На вкус так же хорошо, как и на вид.

Я смеюсь.

— Ты просто проявляешь вежливость.

Она мотает головой.

— Нет, это одна из лучших пицц, которые я когда-либо пробовала.

— Тогда тебе стоит съездить в Неаполь. Их пицца просто бесподобна.

Она приподнимает бровь.

— Ты был в Италии?

Я киваю в ответ, но больше ничего не говорю. Я родился там, но не могу сказать ей об этом. Пока нет, а возможно, и никогда. Арчер и Гэв не знают о моем прошлом до Атланты,

так как слишком опасно, чтобы кто-то знал мою истинную личность.

Ева вздыхает.

— Я бы с удовольствием побывала там. Может быть, мы как-нибудь поедem вместе? — предлагает она.

Я тяжело сглатываю, понимая, что не должен возвращаться на родину. Пусть прошло пятнадцать лет с тех пор, как я уехал, и, скорее всего, меня никто не узнает, но это было бы рискованно.

— Возможно, — бездумно бормочу я.

Ева выглядит немного разочарованной моим нерешительным ответом.

— Итак, какой фильм мы будем смотреть? — спрашиваю, меняя тему.

Ева пожимает плечами.

— Ты так и не ответил, какие фильмы тебе нравятся.

Я улыбаюсь на это.

— Нет, не ответил. — Я бросаю на нее многозначительный взгляд. — Люблю девчачьи мелодрамы.

Она сердито смотрит на меня.

— Ты издеваешься надо мной?

Я смеюсь.

— Да, я их чертовски ненавижу.

Она вздыхает с облегчением, откидываясь на спинку дивана.

— Слава Богу. Мне их хватило с подругами.

— Мне нравятся триллеры и боевики, — отвечаю я.

— Тогда давай выберем триллер. Ты уже видел "Исчезнувшую"?

Я отрицательно качаю головой.

— Нет, он хорош?

— Потрясающий. — Она забирает у меня пульт и находит его на Netflix. — Давай посмотрим.

— Хорошо, — говорю я, беря еще один кусок пиццы. — Не забудь про пиццу, а то остынет.

Ева улыбается и берет еще кусочек, откидываясь назад, когда начинается фильм.

Я не могу перестать смотреть на неё, пока она ест. Она изысканна. Каким-то образом она делает всё так элегантно.

— На что ты смотришь? — спрашивает она.

Я ухмыляюсь.

— На тебя.

Она толкает меня.

— Ты должен был смотреть фильм, — ругается она.

Я смеюсь.

— Извини, просто нахожу тебя бесконечно более интересной.

Она сердито смотрит на меня.

— Соберись с мыслями. Тебе нужно сосредоточиться, иначе ты не поймешь, что происходит.

Я поднимаю руки в притворной капитуляции.

— Хорошо, не собирай свои трусики в кучу.

Она прищуривается, глядя на меня.

— Ты же знаешь, что на мне их нет.

Я хватаю ее за бедро и притягиваю к себе.

— Это правда? Должен ли я проверить...

— Оак, — рычит она, отталкивая меня от себя. — Мы смотрим фильм или нет?

Я тяжело вздыхаю и отпускаю ее.

— Да, прости.

Ева берет еще один кусок пиццы и передает мне последний.

Я притягиваю ее к себе, устраиваясь поудобнее с ней в моих объятиях. Как бы я ни старался сосредоточиться на фильме, который она так любит, это почти невозможно, когда она в комнате. Я хочу ее каждую секунду, когда она рядом.

Я нежно провожу пальцами по ее бедру, наслаждаясь тем, как ощущается ее кожа под моими мозолистыми пальцами. Она немного ерзает, становясь всё беспокойнее, чем больше я к ней прикасаюсь. Примерно через двадцать минут она сокрушенно вздыхает.

— Ты ведь не смотришь, правда?

Я прижимаюсь губами к ее шее и глубоко дышу.

— Так трудно сосредоточиться на чем-либо, когда ты рядом со мной.

Она вздыхает и хватается пульт, выключая фильм.

— Есть десерт?

Я наклоняю голову.

— В морозилке есть мороженое “Бен и Джерри”.

— Какой вкус? — Она бросает на меня строгий взгляд. — Твой ответ может изменить мое мнение о тебе.

— Соленая карамель. — Я смеюсь. — Я прошел твой тест?

Ее лицо светится.

— Да, потому что это мое любимое. — Она вскакивает и выбегает на кухню.

Я встаю и следую за ней, опираясь о дверной косяк на кухне и наблюдая, как она роется в моей морозильной камере. Ее ночная рубашка задирается вверх по ногам, открывая мне дразнящий вид на мою любимую часть ее тела.

— Что по-твоему, ты делаешь? — Спрашиваю её.

Она оглядывается через плечо и усмехается.

— Ищу мороженое.

— Я давал тебе разрешение? — Спрашиваю я, чувствуя, как на поверхность поднимается потребность к дисциплине. С тех пор, как она появилась здесь, я стараюсь сдерживать свои темные порывы, но желание причинить ей боль просто непреодолимо.

Ева дует на меня.

— Мне нельзя лезть в морозилку?

— Ты не спросила, прежде чем смотреть. — Я разминаю шею. — Я бы сказал, что тебя нужно наказать за это.

Она находит банку с мороженым и встает, направляясь ко мне.

— Я думала, ты закончил меня наказывать.

В ее глазах появляется намек на возбуждение.

Я сжимаю челюсть.

— Тебе нравится, когда тебя наказывают, малышка?

Горло Евы подрагивает, и она выглядит немного растерянной.

— Это будет странно, если я скажу ”да”?

Я качаю головой и притягиваю ее к себе, вдыхая цветочный аромат.

— Нет. Нет ничего необычного в том, чтобы получать удовольствие от боли. — Я с силой хватаю ее за бедра, впиваясь кончиками пальцев в нежную плоть. — Наклонись над столом для меня, — бормочу.

Она вздрагивает в предвкушении, бросая взгляд на баночку в своей руке.

— А как насчет мороженого?

Я беру его у нее из рук и ставлю на стол.

— Позволь мне позаботиться об этом.

Ева поворачивается и наклоняется через стол, задирая ночную рубашку до бедер.

Мой член набухает в штанах от этого зрелища. Я подхожу к ней, хватаю ее за ягодицы и раздвигаю их, чтобы как следует рассмотреть, какая она мокрая между бедер. У меня такое чувство, что она была такой же нуждающейся, как и я, во время просмотра фильма.

Я опускаю руку в сильном, но эротичном шлепке, мгновенно окрашивая ее кожу в розовый цвет от удара.

Ева стонет, выгибая спину в приглашении к новой боли.

В прошлом женщины позволяли мне причинять им боль только потому, что я был богат и успешен. Половине из них это вообще не приносило удовольствия, и никто из них не жаждал этого так, как Ева.

Я дважды хлопаю по каждой ягодице, затем глажу покалывающую кожу, прежде чем начать снова, несколько раз, пока она не начинает задыхаться и стонать.

— Ты такая хорошая девочка, Ева, — говорю я, протягивая руку между ее бедер, чтобы почувствовать, какая она влажная.

— Такая хорошая. — Я беру баночку с мороженым и намазываю немного ложкой на покрасневшую кожу, заставляя ее подпрыгнуть от шока. И прежде чем она успевает задать мне вопрос, слизываю всё, заставляя ее стонать.

— О, Боже, это потрясающее ощущение, — кричит она.

Я кладу немного мороженого между ее ягодиц, прямо на ее попку.

Мышцы Евы напрягаются, но она расслабляется, когда я слизываю все это, погружая свой язык внутрь.

— Оак, — задыхается она, хватаясь за стол.

Я наношу еще на ее ягодицы и заднюю дырочку, а затем слизываю все за один раз, наслаждаясь вкусом и тем, как содрогается и трясется моя женщина. Обхожу вокруг и встаю перед ней.

— Открой рот, — приказываю.

Она делает, как я говорю.

Я ложкой отправляю мороженое ей в рот, заставляя ее стонать. Она проглатывает всё, как хорошая девочка.

— Ты меня так чертовски возбуждаешь, — бормочет она.

Я беру ее за подбородок большим и указательным пальцами.

— Какой грязный рот, — я размышляю, наклоняясь, чтобы просунуть свой язык ей между губ, скользя им внутри в отчаянных движениях.

— Откинься назад, — приказываю я.

Она делает, как я говорю, и я наношу немного мороженого на твердые соски, заставляя её стонать.

Я слизываю его, прежде чем оно успевает растаять и попасть на стол.

— Черт, ты мне нужен, — выдыхает она. — Пожалуйста, трахни меня, сэр.

— Ты думаешь, тебя достаточно наказали? — спрашиваю.

Ева кивает, глаза затуманены, когда она наблюдает, как я исчезаю позади неё.

— Да, пожалуйста, сэр, прошу, трахни меня.

Ее мольбы чертовски восхитительны, и я возвращаюсь к ней за спину, вытаскиваю свой пульсирующий член из штанов и одним сильным ударом вонзаю его ей между бедер.

Ева вскрикивает от неожиданности, так как я не предупредил ее. Ее спина инстинктивно выгибается, когда я начинаю яростную атаку на ее жадную киску. Мои ногти сильно впиваются в ее бедра, когда я прижимаю ее к себе с каждым толчком, трахая так сильно, что кажется, я могу сломать ее, если не буду осторожен.

Все мои чувства исчезают, когда я беру ее, как одержимый, как зверь, выпущенный из клетки. Чем больше я пытаюсь подавить свою темную, садистскую сторону рядом с Евой, тем сильнее она рвется наружу, заставляя меня терять контроль.

Ева стонет, кричит и хнычет, когда я безжалостно беру то, что хочу.

Мой разум повторяет одно слово снова и снова, как племенную песнь: «Моя». Вот кто она.

Моя, чтобы ломать. Моя, чтобы причинять боль. Моя, чтобы трахать.

Темнота затуманивает мой разум, и в этот момент истины я понимаю, что даже если она возненавидит меня, когда я скажу ей правду, я не смогу отпустить ее. Я никогда не отпущу ее, даже если она думает, что каким-то образом то, что между нами имеет срок годности. Зверь внутри меня никогда не позволит ей сбежать.

Эта мысль заставляет меня трахать ее в еще более жестоком темпе.

Ногти Евы впиваются в деревянный стол, когда она выкрикивает мое имя в мольбе. Я не могу сказать, просит ли она меня притормозить или умоляет отправить ее за грань. Все, что я знаю, это то, что прямо сейчас остановиться невозможно.

Я шлепаю ее по заднице, когда вхожу в нее, мои яйца бьются о внутреннюю поверхность ее бедер. Голос звучит чужеродно для моих ушей, когда я говорю.

— Я хочу, чтобы ты кончила для меня. — Я снова шлепаю ее. — Я хочу почувствовать, как твоя киска обхватывает мой член так, словно она никогда, блядь, не хочет, чтобы я уходил, — рычу я.

Ева хнычет, а затем я чувствую, как ее мышцы дергаются вокруг моего члена, сильно сжимая его, как будто пытаюсь разорвать его надвое.

— О, Боже мой, — кричит она, извиваясь на кухонном столе, когда оргазм разрывает ее на части.

Я хватаю ее за шею и притягиваю к себе, прижимаясь грудью к ее спине, оставаясь глубоко погруженным в её киску. Ева вздрагивает, когда я скольжу рукой по ее горлу, блокируя дыхательные пути в то время, как я трахаю ее, пока она кончает. Мое освобождение мощно бьет по мне, и я стону, впиваясь зубами в ее плечо, оставляя следы.

Ева хнычет от боли, но не отстраняется. Она позволяет мне овладеть ею, как гребаному дикому зверю.

Мы оба падаем на стол, задыхаясь от нехватки кислорода, когда обоюдное удовольствие окутывает нас. Я крепко обхватываю руками бедра Евы, с моим членом глубоко внутри нее, желая, чтобы мы могли оставаться в нашем пузыре до конца наших дней.

Ева

Я цепляюсь за подарок, который купила в городе для Оака, ненавидя то, как мой желудок скручивает от нервов. Я знаю его совсем недолго, поэтому не уверена, что ему это понравится. В прошлую субботу, перед Зимним Балом, я поехала в город и нашла причудливый антикварный магазин, расположенный в переулке. Эта небольшая картина сразу же привлекла мое внимание, и я поняла, что должна подарить ее ему, но после того, как увидела потрясающие произведения искусства, которыми украшены стены его дома, не уверена, что она соответствует его стандартам.

Рождественская музыка тихо играет на заднем плане, когда я вхожу в гостиную и обнаруживаю Оака, стоящего возле уже зажженного камина. Ёлка освещена мерцающими огоньками с эффектом свечей, а под ней лежит пара подарков.

— Счастливого Рождества, — говорю я.

Он оборачивается, улыбаясь мне.

— Счастливого Рождества.

Он подходит ко мне и наклоняется, чтобы поцеловать в щеку.

— Я не хотел тебя будить, ты выглядела такой умиротворенной.

Мой живот трепещет, когда я протягиваю свой подарок, который обошелся мне дороже, чем я могла себе позволить, но мне хотелось подарить ему что-то значимое.

— У меня есть для тебя подарок, но если он тебе не понравится, я не обижусь.

Оак берет сверток и хватает меня за руку, заставляя сесть рядом с ним на диван.

— Уверен, что мне понравится.

Я смотрю, как он освобождает картину от оберточной бумаги, чтобы обнаружить живописную акварель, изображающую ручей, бегущий по красивому летнему лесу, в изящной позолоченной рамке.

— Она прекрасна, Ева. — Улыбка, которой он одаривает меня, — самая потрясающая вещь, которую я когда-либо видела. — Мне нравится. — Он встает и подходит к дальней стене, которая довольно пустая. — Как бы она смотрелась здесь? — спрашивает он, прижимая картину к голому гвоздю на стене.

— Идеально, — говорю, несмотря на то, что чувствую, что она немного не к месту с Ван Гогом на противоположной стене. — Хотя она не такая редкая, как другие твои картины. — Я морщу лоб. — Я не узнаю художника.

Он качает головой.

— Оно совершенна, потому что ты купила ее для меня.

Мои щеки пылают от его горячего взгляда, когда он вешает картину на гвоздь и делает шаг назад, чтобы полюбоваться ею. Он выглядит задумчивым, когда смотрит на меня.

— Я подумал, возможно, мне стоит начать картину завтра. — В его глазах дьявольский блеск. — Думаю, что это уже не будет так неуместно, если я нарисую тебя обнаженной.

Я смеюсь.

— Если только я смогу читать, иначе мне может наскучить сидеть неподвижно.

— Договорились, — говорит он, подходит к елке и берет подарок. — Я тоже тебе кое-что купил.

Он подходит ко мне и садится на диван, вкладывая мне в руку сверток.

Я осторожно разворачиваю бумагу, и вижу старинную книгу. Сердце замирает, когда я провожу пальцами по красиво переплетенной обложке, обводя название. Джейн Эйр.

— Это первое издание "Джейн Эйр"? — Я спрашиваю.

— Да, я вспомнил, что эта книга — твоя любимая.

Я тяжело сглатываю и качаю головой.

— Она, должно быть, стоила тебе целого состояния. — Я бросаю взгляд на картину на стене. — Теперь мой подарок кажется таким жалким.

Оак опускается передо мной на колени, берет мое лицо в ладони и смотрит мне в глаза.

— Не будь смешной. Мне нравится картина. — Он поднимается и прижимается лбом к моему. — Я наткнулся на неё в магазине редких книг в городе и решил, что хочу купить её для тебя. — Он нежно касается губами моих. — Не имеет значения, сколько это мне стоило, потому что ты стоишь всего, что у меня есть.

Я чувствую комок в горле и борюсь со слезами, наворачивающимися на глаза. Подарок Оака — самый продуманный подарок, который кто-то когда-либо приобретал для меня. Однако при мысли о том, во сколько это ему обошлось бы, мне становится немного дурно. Первое издание "Джейн Эйр" должно стоить десятки тысяч долларов.

Я отвечаю на его поцелуй, жалея, что все глубже и глубже погружаюсь в эту фантазию с ним. Когда мы отрываемся друг от друга, я смотрю в его прекрасные глаза и чувствую, как по щеке скатывается случайная слеза.

Он вытирает ее.

— Почему ты плачешь?

Я склоняю голову.

— Что мы делаем, Оак?

— Что ты имеешь в виду?

— Эта фантазия, в которой мы живем. Она не может продолжаться вечно. — Еще больше слез падает по моим щекам. — Мы не можем продолжать в том же духе.

Оак поцелуями убирает мои слезы, отчего боль в груди усиливается.

— Давай насладимся сегодняшним днем вместе и не будем думать ни о чем другом. Хорошо? — Он встает. — Сегодня Рождество, индейка полита и готова к приготовлению. Нам стоит пойти прогуляться по снегу.

— Хорошо, — говорю я, вытирая остатки слез. — Я оденусь.

Он улыбается, но улыбка не доходит до его глаз, когда я исчезаю в спальне, чтобы собраться. На улице холодно, поэтому я выбираю плотные брюки, рубашку и джемпер, а затем надеваю свое самое уютное зимнее пальто и толстый шарф, шапку и перчатки в тон.

Появляется Оак, прислоняясь к дверному косяку. Он уже одет в свою зимнюю экипировку.

— Готова?

— Да, — говорю с улыбкой, стараясь не обращать внимания на то, что меня гложет. Я знаю, что у того, что мы имеем сейчас, есть срок годности. После зимних каникул, если мы продолжим, нас кто-нибудь рано или поздно поймает. Когда я с Оаком, я счастлива как никогда в жизни, и все же над моей головой всегда висит это сомнение.

Оак берет мою руку в перчатке в свою и выводит меня через парадную дверь, прижимая к себе. Даже со всеми слоями, его тепло проникает сквозь одежду и помогает защититься от ледяного холода.

— Куда мы пойдем? — Я спрашиваю.

Оак улыбается.

— У меня есть на примете место, которое я хочу тебе показать. В это время года оно будет волшебным. — Он тянет меня к тропинке в лес, и мы минут пятнадцать гуляем по заснеженному ландшафту, восхищаясь тем, насколько все белое. Это невероятно красиво. У нас в Атланте часто выпадает снег, но он не такой густой и не настолько плотный, как здесь.

— Мы почти на месте, — говорит Оук, кивая вперед.

— Почти где? — Я спрашиваю.

Он улыбается, — и это одна из самых красивых сцен, которые я когда-либо видела.

— Сейчас увидишь.

— Вау, — ахаю я, когда мы подходим к краю ручья с водопадом, который полностью покрыт льдом. Самое захватывающее зрелище, которое мне приходилось видеть, — вода, застывшая во времени, в тот момент, когда она текла по скалам.

Оак наклоняет голову.

— Красиво, не правда ли?

Я киваю, а затем смотрю на него.

— Мне показалось, ты сказал, что у тебя нет времени на походы в лес. Как же ты нашел это место?

— Возможно, я сказал маленькую невинную ложь. — В его глазах появляется блеск. — Честно говоря, ты так сводила меня с ума, что я просто хотел, чтобы ты замолчала.

Я бью его по руке.

— Это не очень мило.

Он хватает меня за запястье и притягивает к себе.

— Не потому, что я не хотел слышать, как ты говоришь, просто мне было тяжело рядом с тобой с того самого дня, как мы, блядь, встретились. — Его теплое дыхание касается моего лица, когда он сокращает расстояние между нами. — Все, что ты делала, заставляло меня хотеть тебя еще больше, Ева, особенно после того, как мне пришлось помогать тебе одеваться в той гребаной больнице.

Я всхлипываю от силы и тепла его тела, прижатого ко мне.

— Я так сильно хотела тебя в тот день, — признаюсь ему.

Взгляд Оака перемещается на мои губы, а затем он накрывает их своими. Его рот твердый и требовательный, а язык исследует мои губы, заставляя их открыться.

Я стону, чувствуя его твердый член между нашими телами. Это безумие, что наше желание друг к другу, кажется, невозможно утолить.

— Мы должны любоваться прекрасным чудом природы, — шепчу я ему в губы.

— Я и люблюсь, — выдыхает он, покрывая поцелуями местечко чуть ниже моего уха.

— Оак, — стону я, чувствуя, как ледяной ветер холодит мою кожу, в то время как его тепло проникает в мою плоть. — Разве можно быть холодным и горячим одновременно?

Он усмехается и отрывает свои губы от моей кожи.

— Вероятно, нам не стоит оставаться здесь слишком долго.

Я беру его за руку, когда он поворачивается, чтобы снова посмотреть на замерзший водопад.

— Мы должны вернуться сюда, когда все оттаает, — говорю я.

Оак кивает.

— Да, на весенних каникулах, я думаю.

В его тоне слышится грусть, но я понимаю это после того, как он оборвал меня ранее,

не говоря уже о дилемме, в которой мы оказались.

— Если только я тебе к тому времени не наскучу, — шутит он.

Я качаю головой.

— Я думаю, что всё наоборот.

Серьезный взгляд на его лице удивляет меня.

— Этого никогда не произойдет, Ева. — Он обхватывает мое лицо рукой в перчатке и трется своим носом о мой. — Никогда, ты поняла?

Я тяжело сглатываю, желая не влюбляться в этого мужчину так быстро. Мы обречены, мы под запретом, но мое сердце жаждет, чтобы это было навсегда.

— Давай пройдемся обратно, — говорю я, мое горло болит от ощущения, что с каждым днем я тону в нем всё сильнее.

Он сжимает мою руку и кивает, ведя меня обратно тем путем, которым мы пришли. Впереди хрустит ветка, заставляя нас обоих замереть, пока мы ищем источник шума. Мое сердце подпрыгивает, когда я замечаю большую черную вспышку меха между двумя деревьями, и я мягко дергаю Оака за руку.

— Что там? — спрашивает он.

Я киваю вперед.

— Черный медведь.

Он сдвигает брови.

— Обычно они не осмеливаются подходить так близко к школе. — Он пытается оттолкнуть меня за спину, но я останавливаю его.

— Он нас не видел, — шепчу, качая головой. — Нам ничего не угрожает, если только не испугаем его.

Оак напрягается рядом со мной, когда медведь уходит от нас, но это совершенно захватывающее зрелище. Я мечтала увидеть медведей в дикой природе, и вот один из них, счастливый, идет по своим делам в лесу.

— Давай медленно пойдём в ту сторону, — шепчу я, кивая в направлении противоположном медведю.

Оак показывает дорогу, и мы медленно отступаем ко второй тропинке, удаляясь от медведя, и радуясь, когда он исчезает.

— Черт, это было близко, — говорит он, с облегчением опуская плечи.

Я наклоняю голову.

— Только не говори мне, что тебе было страшно, — говорю я, подталкивая его локтем.

Он приподнимает бровь.

— Разве нет?

— Нет, у него не было причин причинять нам вред, если только мы не угрожали ему.

Остаток пути к коттеджу мы проходим в молчании. Я вздрагиваю, когда вижу дым, поднимающийся из трубы, тоскуя по теплу огня.

— Как же холодно, — говорю, ускоряя шаги по направлению к коттеджу.

Он тоже ускоряется, вставляет ключ в дверь и открывает ее для меня.

Я вздрагиваю в тот момент, когда теплый воздух касается меня.

— Я скажу тебе, что мне нужно прямо сейчас.

— Что же это?

— Горячее какао. Хочешь немного? — Я иду на кухню.

Он кивает в ответ.

Я достаю молоко и подогреваю его на плите, прежде чем добавить какао и сахар. Оак смотрит на меня странным взглядом.

— Не мог бы ты найти мне две кружки? — спрашиваю, снимая кастрюлю с плиты.

Оак встает и, взяв две кружки, ставит их на стойку.

— Давай я, — говорит он, забирая кастрюлю у меня из рук и разливая содержимое в кружки.

Он также включает духовку и, взяв со стойки огромную индейку, кладет ее в центр.

— Возможно, я взял слишком большую индейку для двоих. — Он пожимает плечами. — У них не было ничего поменьше.

Я передаю ему кружку, в которую добавила сливки и шоколадную крошку.

— Спасибо, — говорит он, садится на табурет и усаживает меня к себе на колени. Он утыкается носом в мой затылок, глубоко вдыхая. — Я думаю, что это уже лучшее Рождество, которое у меня было за последние годы.

— Я тоже, — говорю. Потягивая горячий шоколад и наслаждаясь теплом его тела, прижатого к моему, я чувствую, как боль возвращается глубоко в груди.

Чувство защищенности, а, главное, чувство принадлежности, которое он мне дает, — это то, чего я жаждала всю свою жизнь. Оак дает мне все. Хотела бы я, чтобы весь остальной мир исчез, оставив нас наедине в этой фантазии навсегда.

— Я наелась, — говорю я, откладывая нож и вилку и откидываясь на спинку стула.

Оак посмеивается.

— На следующей неделе мы будем есть много индейки.

Я морщу нос.

— Не уверена, что смогу переваривать это еще целый год, — говорю, глядя на еду, которую мы только что съели.

Он качает головой и встает, убирая посуду со стола, чтобы поставить ее в мойку.

Я помогаю, собирая остатки и относя их к дальней стойке.

— Где ты хранишь посуду Tupperware? — спрашиваю я.

Он указывает на ящик справа от меня, и я выдвигаю его, выуживаю и складываю остатки, чтобы спрятать в холодильник. Как только мы всё убираем, он смотрит на меня со слишком знакомым голодным выражением лица.

— О чем ты думаешь? — Я спрашиваю.

Он подходит ко мне, сокращая расстояние между нами.

— Я думаю, что этот день был идеальным, но есть один способ сделать его еще лучше.

Воздух покидает мои легкие, когда он прижимает меня к своей твердой, мускулистой груди.

— Как? — спрашиваю я.

Он наклоняется и шепчет мне на ухо.

— Если ты позволишь мне растянуть твою маленькую попку своим членом.

Мои бедра сжимаются при этой мысли, заставляя меня вцепиться в его руки для поддержки.

— Ты разорвал бы меня на части, — выдыхаю я, сбита с толку, почему мои соски твердеют в тот момент, когда я говорю это.

— Я бы никогда не причинил тебе боль. — Он проводит руками по моей спине, посылая потребность прямо в сердцевину. — Но если ты не готова, я пойму.

— Нет, я готова, — говорю, удивляя саму себя. — Я хочу, чтобы ты сделал это.

Оак рычит, хватая меня за волосы и оттягивая за шею назад. Его губы опускаются на мое обнаженное горло, когда он покусывает мой пульс, заставляя его биться сильнее.

— Иди в спальню и разденься для меня, — бормочет он, кусая мою ключицу так, что становится больно. — Опустись на четвереньки и жди на кровати.

Я смотрю ему в глаза.

— Да, сэр, — отвечаю я, и поворачиваюсь, чтобы сделать то, что он сказал.

Он шлепает меня по заднице, посылая жгучее желание прямо в мой центр.

— Такая хорошая девочка, — мурлычет он мне вслед, вызывая во мне странное чувство гордости. Каждый раз, когда он хвалит меня, это сводит меня с ума, и он это знает.

Я направляюсь в спальню и быстро снимаю брюки и блузку, бросая одежду на ближайший стул. Оказавшись полностью обнаженной, бросаю взгляд на кровать. Мне приходит в голову идея, но я не знаю, сколько у меня времени. Я быстро бегу в ванную и хватаю анальную пробку, которую Оак уже использовал на мне, и смазку, после чего возвращаюсь в спальню.

Становлюсь в позу, и вставляю анальную пробку в свою попку. Покончив с этим, бросаю смазку на тумбочку и жду, чувствуя себя как никогда нуждающейся, с пробкой в заднице, и не зная, когда он войдет в эту дверь.

Его мягкие шаги эхом разносятся по коттеджу, пока он приближается, заставляя мое сердце учащенно биться. Когда он подходит к двери, я слышу, как из его груди вырывается дикое рычание.

— Я говорил тебе вставить эту пробку? — спрашивает он глубоким и хриплым голосом.

Я оглядываюсь через плечо.

— Нет, сэр, но я подумала, что это могло бы помочь для начала.

Его глаза вспыхивают, и он подходит ко мне, хватая мои ягодицы и широко раздвигает их.

Я задыхаюсь, когда он опускается на колени и всасывает клитор в рот, заставляя мои бедра дрожать.

— Оак, — выдыхаю я его имя.

Он стонет, скользя языком у меня между ног, пробуя меня на вкус.

— Так чертовски сладко.

Я сильнее прижимаюсь к нему, что вынуждает его схватить меня и удерживать на месте.

— Не двигаться. — Его доминирующий тон заставляет меня дрожать от желания.

Я не могу поверить, что собираюсь позволить ему трахнуть мою задницу. Это так грязно, так запретно, и все же это возбуждает меня сильнее, чем я когда-либо могла себе представить.

Оак хватает меня за бедра, а затем тянет за пробку, осторожно вытаскивая ее.

Я стону от внезапного ощущения пустоты.

Оак вводит в меня три пальца, заполняя дырочку за считанные секунды. Растягивание жалит, так как они больше, чем анальная пробка, но я чувствую, как в животе разгорается глубокая боль, когда он вводит и выводит их, добавляя при этом больше смазки.

— Эта маленькая жадная дырочка практически засасывает мои пальцы внутрь, — рычит он, выдавливая на нее еще больше смазки и добавляя четвертый палец.

— Черт, — кричу я, и покачиваю бедрами, чтобы привыкнуть к ощущению того, что

меня так широко растягивают. Возбуждение и смазка стекают по внутренней стороне моих бедер на кровать, создавая беспорядок.

Оак двигает четырьмя пальцами, пока я не начинаю стонать и царапать простыни. А затем он убирает их, заставляя меня хныкать.

— Думаю, ты готова, малышка.

Я тяжело сглатываю, понимая, что он имеет в виду.

— Ты уверен?

Он шлепает меня по заднице.

— Не задавай вопросов.

— Простите, сэр, — отвечаю я.

Я чувствую холодное, влажное ощущение, когда он наливает еще смазки на мою измученную дырочку, используя свои пальцы, чтобы протолкнуть ее в меня. Затем чувствую, как он прижимает головку члена к моему входу и мгновенно напрягаюсь.

— Расслабься, Ева. Если будешь напрягаться, тебе будет больно.

Я киваю и фокусируюсь на расслаблении, а не на образе столь огромного объекта, втиснутого в такое узкое пространство.

— Ты уже достаточно растянута. Мои четыре пальца были по самые костяшки внутри тебя.

Я стону от мысленной картины, выгибая спину, когда он усиливает давление. Головка его члена проскальзывает сквозь тугое кольцо мышц, и он останавливается, позволяя мне привыкнуть к ощущениям. Через несколько мгновений он снова опускается, толкаясь вперед. Я впускаю его внутрь, расслабляясь, насколько это возможно.

Поначалу мне чертовски больно, потому что его член такой твердый, что кажется, будто он засунул в меня железный прут.

— Черт, — выдыхает он, его голос такой хриплый, что у меня дрожат бедра. — Это так чертовски приятно. — Он подается вперед еще на дюйм и стонет. — И выглядит так, блядь, хорошо.

Я бросаю на него взгляд через плечо, и он ухмыляется.

— Ты приняла каждый гребаный дюйм.

В это трудно поверить, так как я наслаждаюсь невероятно полным ощущением глубоко внутри меня.

— Это чувствуется... хорошо, — говорю я.

Он рычит и хватает меня за бедра.

— Скажи мне, если будет слишком больно, — выдавливает он сквозь сжатые зубы, прежде чем очень медленно вытащить свой член. — Блядь, мне нравится смотреть, как твоя маленькая тугая дырочка вот так прижимается к моему члену, малышка.

Я стону, когда он снова входит в мою попку, открывая мне глаза на совершенно новый смысл удовольствия.

— Трахни меня, — умоляю я, глядя на него через плечо.

Челюсть Оака крепко сжата, а на его левом виске выступает вена, когда он цепляется за контроль, который так отчаянно пытается удержать. Я не хочу, чтобы он сохранял контроль. Темная, грязная сторона его души хочет брать всё, владеть всем и причинять боль. Я хочу, чтобы зверь вышел поиграть.

— Перестань сдерживаться и отдай мне всё, — подначиваю я.

Аквамариновые глаза Оака встречаются с моими и сужаются.

— Не искушай меня, — выдавливает он.

Я улыбаюсь ему.

— Трахни меня так чертовски жестко, что я не смогу сидеть неделю, — прошу я.

Он рычит и сильно впивается ногтями в мои и без того покрытые синяками бедра, сильно притягивая их к себе, чтобы вонзиться еще глубже. При каждом толчке его член скользит до упора, а его яйца шлепаются о мой пульсирующий клитор. А потом он отпускает зверя, отводя бедра назад, только для того, чтобы врезаться в меня с такой силой, что я едва могу дышать.

— Блядь, сэр, — кричу я, когда он усиливает хватку, жестоко издеваясь над моей задницей своим членом. Мне это нравится больше, чем я могу объяснить. Это так грубо и так чертовски грязно.

— Да, именно так, — говорю я, чувствуя, что приближаюсь к точке невозврата.

Ощущения от анального секса настолько разные, настолько захватывающие, что я просто знаю, что мой оргазм будет ошеломляющим.

— Вот и все, — ворчит он, трахая меня еще сильнее. — Я хочу, чтобы ты кончила, пока мой член глубоко в твоей заднице.

Он наклоняется и хватается меня за шею, приподнимая так, что моя спина оказывается на одной линии с его грудью. Затем обхватывает рукой мое горло, частично перекрывая дыхательные пути.

— Я хочу, чтобы ты забрызгала всю кровать, как хорошая девочка.

Струя горячей жидкости вырывается из моей киски, пропитывая кровать под нами, пока он продолжает трахать меня. Я кричу, но тихо, потому что не могу издать ни звука, когда его рука крепко сжимает мое горло. Все, что я вижу, — это звезды перед глазами, когда кульминация настигает меня, как товарный поезд, сбивая с рельсов, и я падаю в беспамятство.

Я дрожу так сильно, что думаю, может, со мной что-то не так. Оак стонет, и могу сказать, что он тоже вот-вот кончит.

— Блядь, ты практически доишь мой член, — рычит он, выплескивая каждую каплю спермы глубоко в мою задницу.

Он отпускает мое горло, и я хватаю ртом воздух, падая ничком на кровать. Оак осторожно вытаскивает из меня свой член, но затем я чувствую, как его заменяет что-то другое.

— Что это?

Он усмехается.

— Анальная пробка. Я хочу, чтобы ты держала мою сперму внутри себя всю ночь, — выдыхает он, падая рядом со мной.

Я качаю головой.

— Это было чертовски потрясающе.

Его ноздри раздуваются, и он притягивает меня к своей груди.

— Не знаю, что я сделал, чтобы заслужить тебя, Ева Кармайкл.

Он целует меня в лоб, а я прижимаю голову к его груди, позволяя биению его сердца убаюкать меня и погружаюсь в сон.

Оак

Евы нет в постели, когда я просыпаюсь, поэтому я иду на её поиски. Сердце бьется сильнее, когда не нахожу ее на кухне или в маленькой библиотеке. Горит свет в оранжерее, где я держу свой ноутбук и дневник.

— Ева, — произношу я ее имя, когда вхожу.

— Что это? — спрашивает Ева, указывая на ноутбук, открытый на отфотошопленном снимке её поцелуя с уборщиком.

Должно быть, я оставил свой ноутбук включенным, не заблокировав его. Либо это, либо она угадала мой пароль. Ёе глаза полны чистой муки, и это заставляет мою грудь болеть.

— Ты был тем, кто отправил фотографию моим родителям. — Она качает головой. — Т-ты. — Ее голос срывается, и случайная слеза скатывается по щеке. Она также кивает на открытый дневник на столе. — Я всё знаю.

— Ева, послушай. — Я иду к ней, но она делает шаг назад.

— Нет, — кричит она громче, чем я когда-либо слышал от неё. — Не подходи ко мне. Наталья предупреждала меня, что кто-то хочет, чтобы я была здесь. — Она сжимает кулаки. — Она сказала, что кто-то подделал фотографии, чтобы родители отправили меня сюда. Я должна была послушать ее.

Я перестаю двигаться, поднимая руки вверх в знак капитуляции.

— Пожалуйста, Ева, просто выслушай меня.

Она качает головой.

— Все это время ты лгал мне. — Ее глаза сужаются, когда она смотрит на меня с ненавистью. — Ты наказывал меня за то, что я не сказала тебе правду об уборщике, и все это время... — Ее голос срывается, когда по щекам стекает еще больше слез. — Ты болен, — выплевывает она, хватая дневник со стола и швыряя в меня.

Я ловлю его и кладу на тумбочку рядом.

— Видимо, ты не читала с самого начала. С причины, по которой я это делаю.

— Мне насрать, почему ты это делаешь, Оак. — Она сжимает кулаки по бокам. — Ты использовал меня. Ты...

Она отворачивается, выбегая из оранжереи.

Я следую за ней, понимая, что это последнее, чего я хочу. Мой план прощупать почву и после всё объяснить провалился.

Ева в спальне, собирает свою сумку.

Я прислоняюсь к двери.

— Что ты делаешь?

— Убираюсь от тебя как можно дальше.

Выражение ее глаз — это ненависть, страх и крайняя тоска, которые пронзают меня до глубины души.

Я подхожу к ней и мягко кладу руки ей на бедра, заставляя ее остановиться.

— Пожалуйста, Ева. Позволь мне объяснить.

— Не прикасайся ко мне, — рычит она, пытаясь вырваться.

Я не могу отпустить ее, не так легко. Ей нужно успокоиться и выслушать меня.

— Ты можешь уйти, как только дашь мне все объяснить.

Ее тело напрягается под моими пальцами.

— Ты не заслуживаешь шанса что-либо объяснить.

Я отхожу от неё, закрываю дверь в спальню и запираю ее.

— Я не отпущу тебя, пока ты не выслушаешь меня.

Ева таращится на меня, переводя взгляд со своей наполовину упакованной сумки на закрытую дверь.

— Ты держишь меня в плену?

— Нет, я заставляю тебя выслушать меня.

Я делаю шаг к ней, но она отступает.

— Тебе не нужно находиться рядом со мной, чтобы я тебя слышала. — Ева скрещивает руки на груди и сердито смотрит на меня. — Ты сядешь вон там. — Она указывает на кресло в углу. — Я сяду прямо здесь. — Она указывает на край кровати.

Я вздыхаю и делаю, как она говорит, пересаживаясь в кресло подальше от нее. Все, чего я хочу, — это обнять ее, растопить ее решимость и сказать, что я никогда не хотел причинить ей боль, с тех пор как узнал ее.

— Какую часть моего дневника ты прочитала? — Спрашиваю я.

Ева стискивает зубы.

— Часть о том, где ты затащил меня сюда под ложным предлогом.

Я провожу рукой по волосам.

— У меня есть грязное прошлое с твоими родителями.

Ее кулаки сжимаются при упоминании родителей.

— Какое это имеет отношение ко мне?

— Пять лет назад твои мать и отец уничтожили мою многомиллиардную корпорацию, и все потому, что я отказался платить им деньги за защиту и работать на их мошенническое предприятие в Атланте. — Я наклоняюсь вперед и упираюсь локтями в ноги, сплетая пальцы вместе. — Они оставили мне зловещее послание через две ночи после того, как я отказал им. Я приехал в здание своей корпорации и обнаружил, что все вокруг горит. — Я стискиваю челюсти, воспоминания о той ночи возвращаются снова. — Они не только уничтожили мою компанию той ночью. — Я встречаюсь взглядом с Евой, чувствуя себя немного странно, рассказывая ей о Джейн. — Они убили моего сотрудника по подбору персонала во время пожара. Женщину, которая любила меня, и я любил ее, хотя мы никогда не действовали в соответствии с нашими чувствами. В конце концов, я был генеральным директором.

Я нервно сглатываю, пытаюсь оценить реакцию Евы на мою историю.

Она просто сидит там, безучастно впитывая каждую деталь.

— В ту ночь я погиб вместе со своей корпорацией. Я сменил имя и сбежал из Атланты, зная, что оставаться было бы глупо. — Я бросаю на Еву многозначительный взгляд. — Ты не можешь оправиться от того, что оказался не на той стороне твоих родителей.

Я с трудом сглатываю.

— Итак, я получил свои страховые деньги от уничтоженной компании и купил Академию Синдиката с целью отомстить через одного из детей Кармайклов. — Я сжимаю челюсти, зная, что ей не понравится, что моей первоначальной целью был ее брат. — Изначально я нацелился на твоего брата, но ваш отец хотел, чтобы он с юных лет занимался семейным бизнесом, а не учился.

— И что именно ты собирался с ним сделать? — Спрашивает она, ее голос спокоен, учитывая то, что я ей рассказываю.

— Втянуть его в скандал, заставь твоих родителей поспешно вернуться в Академию Синдиката и... — Я потираю лицо, понимая, что следующие два слова могут разрушить все отношения с Евой. — Убить их.

Ева задыхается, глаза расширяются.

— Ты хочешь убить моих родителей?

Я встаю, чувствуя, как меня охватывает новая волна паники.

— Ева, ты должна понять, что они разрушили мои мечты и убили единственную женщину, которую я когда-либо любил, и все потому, что я не хотел на них работать. — Я расхаживаю по комнате. — Мне казалось правильным забрать у них всё. — Я тяжело вздыхаю. — Пока я не встретил тебя.

— И ты смог бы их убить? — Спрашивает она, словно пытаясь понять, способен ли я на такое насилие.

— Ева, у нас больше общего, чем ты можешь себе представить. — Я встречаю её взгляд. — Я уже рассказывал тебе о своих итальянских корнях. Мое имя при рождении было Лука Моретти, и я родом из Неаполя.

Мое сердце колотится сильно и быстро, поскольку я никому не рассказывал о своем истинном происхождении, даже двум моим самым близким друзьям. В конце концов, семья никогда не откажется от моих поисков.

— Я был их первенцем, которому предстояло унаследовать криминальную империю и править ею, но я никогда не хотел такой жизни. — Я расхаживаю по комнате, не глядя на Еву, когда рассказываю ей свои самые глубокие, самые мрачные секреты. — Итак, я сбежал в Америку, когда мне было восемнадцать, и взял новую личность, построив Archer Data Corp с нуля к тому времени, когда мне исполнилось двадцать восемь.

Теперь я смотрю на Еву и вижу шок в ее глазах, когда она слушает.

— Меня воспитывали так же, как и твоего брата, учили быть безжалостным, но я никогда не был создан для преступной жизни. Мой младший брат гораздо больше подходил для этой работы, и поэтому я убрался с дороги, но когда твои родители убили Джейн... — Я качаю головой. — Это вскрыло что-то темное внутри меня. Ты должна понять, что я был воспитан как убийца, Ева.

Я замечаю, как она вздрагивает.

— Так ты собирался убить их? — Она хмурится. — Ты убивал раньше?

Я мысленно возвращаюсь к ужасам детства. Мой отец был чудовищем, возможно, даже хуже, чем ее родители.

— Отец заставлял меня убивать с тринадцати лет.

— Тринадцати? — Эхом отзывается Ева, ее лицо бледное.

— Да. — Я киваю и встречаю ее потрясенный взгляд. — У меня было твердое намерение использовать тебя, чтобы добраться до твоих родителей, пока я не встретил тебя.

Ева садится немного прямее, ее глаза ничего не выдают.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты была такой, какой я не ожидал. Доброй, чистой и невинной. Гребаная противоположность твоим родителям, и я знал, что не смогу использовать тебя так, как планировал.

— Как ты собирался использовать меня? — Спрашивает Ева, ее голос срывается от эмоций.

Я подхожу к ней, и на этот раз она не уклоняется.

— Я намеревался втянуть тебя в скандал. — Пожимаю плечами. — Хотел бросить тебя в объятия профессора Дэниелса. — Я сажусь рядом. — Но не смог подпустить его к тебе. Я никого не мог к тебе подпустить. — Я беру ее за руку, и она напрягается, но позволяет мне держать ее. — Ты заставила меня понять, что в жизни есть нечто большее, чем месть, и тогда я понял, что ты тоже ненавидишь своих родителей.

Она убирает руку.

— Я ненавижу их, но я бы никогда не причинила им вреда так, как ты хочешь.

Удивительно, как девушка, всю свою жизнь взращиваемая таким злом, осталась им нетронутой. К сожалению, не могу сказать того же о себе. Может, я и убежал от тьмы, но часть ее живет внутри меня.

— Я знаю. — Я кладу руку ей на бедро и сжимаю. — Вот почему я придумал новый план. Тот, который не предполагает убийства, но он причинит твоим родителям не меньшую боль.

Ее брови хмурятся.

— Каким образом это возможно?

Я поднимаю палец вверх.

— Подожди здесь минутку.

Я направляюсь к прилегающему шкафу и ищу кольцо, которое подарила мне бабушка, перед тем, как вырваться из их лап. Я скучаю по ней больше всех из моей семьи.

Она понимала, почему я не хотел быть частью этого. За несколько дней до моего побега она практически сказала мне уходить и подарила свое обручальное кольцо на память о ней. Я беру коробочку и открываю ее, глядя на простое, но красивое украшение. В центре кольца из белого золота с цветочной короной — безупречный бриллиант в полтора карата.

Ева подумает, что я сумасшедший. В конце концов, ей восемнадцать лет. У нее вся жизнь впереди, и все же я хочу предъявить на нее права. Хочу, чтобы моё кольцо было на её пальце, а моё имя — за её именем ещё до того, как начнется её жизнь.

Я закрываю коробку, возвращаюсь в спальню и обнаруживаю, что Ева исчезла.

— Черт, — рычу я, когда вижу открытую дверь. Я выбегаю из комнаты, однако не нахожу ее ни на кухне, ни в гостиной. Сердце колотится, когда я открываю входную дверь, ледяной воздух хлещет вокруг меня и заставляет дрожать, но я бросаюсь в снег без верхней одежды.

Паника мгновенно утихает, когда вижу ее, сидящую на скамейке возле арки, ведущей в мой коттедж, и пинающую носком ботинка густой снег. Она кутается в толстое зимнее пальто и с тоской смотрит на окружающие ее зимние волшебные пейзажи.

— Ева, — зову я ее по имени.

Она переводит взгляд на меня, и выражение чистого страдания в ее глазах пронзает меня до глубины души.

— Мне очень жаль. — Ева хмурит брови, глядя на снег. — Мне нужно было подышать свежим воздухом.

Я иду к ней, чувствуя, как кровь сильнее приливает к моим венам от перспективы сделать предложение этой женщине. Мы знакомы всего два месяца, но я без сомнения знаю, что не смогу жить без нее. Вопрос в том, чувствует ли она то же, что и я.

Я останавливаюсь перед ней, опускаясь на колени на уровне ее глаз. Глядя на неё, с уверенностью понимаю, что люблю ее, и не могу отпустить ее без борьбы. Я верил, что любил Джейн, но никогда не чувствовал себя так. С Джейн я держал свои руки при себе и

мог сопротивляться притяжению, но против Евы устоять было невозможно.

Глаза Евы расширяются, когда я достаю черную бархатную коробочку.

— Что ты...

— Позволь мне сказать, — говорю я, открывая крышку, чтобы показать кольцо. — Ева Кармайкл, за последние два месяца я узнал тебя лучше, и ты самый добрый, самый красивый человек, которого я когда-либо знал.

Ее рот приоткрывается, она переводит взгляд с меня на кольцо.

— Я люблю тебя, и не хочу тебя отпускать. — Я смотрю в ее карие глаза, пытаюсь найти ответ за непролитыми слезами, которые сейчас собираются в них. — Ты выйдешь за меня замуж?

Она качает головой, и мое сердце проваливается в желудок.

— Оак, мои родители убьют тебя.

Я наклоняю голову набок.

— Нет, они не посмеют. Раньше я был расходным материалом, но сейчас, будучи директором этой школы, я обладаю огромной властью. Многие влиятельные семьи обязаны мне бесчисленными одолжениями, и даже твои родители не смогут преследовать такого человека, как я. — Я дотягиваюсь до её руки и сжимаю. — Это твой выход из положения. Шанс для тебя поступить в колледж и получить квалификацию ветеринара. — Я чувствую боль в груди. — Я буду защищать тебя и оберегать до конца наших жизней.

Слеза скатывается по ее щеке.

— Оак?

— Да, малышка?

— Ты серьезно? Разве это не испортит твою репутацию директора?

Я качаю головой.

— Это вызовет небольшой переполох, но ничего такого, с чем я не смогу справиться. В конце концов, если мы поженимся, это будет значить, что я не представляю угрозу для других девушек.

Я даже не знаю, правда ли это, но я должен сделать так, чтобы это сработало.

Ева всхлипывает, слезы быстро текут по ее лицу.

— Я не хотел тебя расстраивать, — говорю, садясь рядом с ней на скамейку и притягивая ее к себе. — Я хочу, чтобы ты знала, что я люблю тебя, Ева.

У меня болит грудь, потому что я никогда в жизни не любил другого человека. Не так.

— Я не расстроена, я так... — Ева отстраняется от меня и вытирает лицо. — Так счастлива. Да, я выйду за тебя замуж. — Она обхватывает мое лицо руками. — Я тоже тебя люблю.

Ее губы врезаются в мои, когда она вкладывает в поцелуй все свои чувства, заставляя мое сердце петь.

Я не понимаю, как мне настолько повезло найти свою вторую половинку. Кажется, у судьбы есть свой способ подшутить, но так или иначе, все получится лучше, чем я планировал. Месть предназначена для людей, у которых ничего нет, но мое стремление к мести принесло мне всё и даже больше.

Ева — мой мир, и я не могу дождаться, когда проведу с ней остаток своей жизни.

Ева

Я меряю шагами пол в коттедже Оака, ожидая, когда он закончит разговор со своим контактом.

Хотя наше новое соглашение означает, что шантажист ничего не получит как только мы объявим, что женаты. Оак намерен, чтобы я переехала к нему в коттедж до конца года, так как мы станем мужем и женой.

Священника уже вызвали, чтобы он обвенчал нас до того, как снова начнутся занятия в школе. Если мы хотим одурачить моих родителей, нам нужно действовать быстро. Они даже не связывались со мной на Рождество, что неудивительно. Половину времени они, кажется, забывают о моем существовании, хотя и считают, что я важна для будущего их клана.

Предательство Оака ранило меня сильнее, чем я могу объяснить. Я все еще зла на него за то, что он сделал со мной, и за его намерение использовать меня как залог в своем стремлении отомстить. Однако все обрело смысл, как только он объяснил. Мои родители разрушили его мир, так что, думаю, вполне естественно хотеть заставить их заплатить за это.

Он появляется из кабинета с серьезным выражением лица.

— Что случилось? — Спрашиваю я.

— Это Дмитрий.

У меня сводит живот, поскольку это означает, что он, должно быть, последовал за нами после того, как Оак вырубил его.

— Значит, он притворился, что без сознания?

Он кивает.

— Это единственное объяснение того, как он узнал, где мы были. — Оак проводит рукой по своим взъерошенным волосам. — Он хочет подать на меня в суд за нападение.

— Откуда ты это знаешь? — Я спрашиваю.

— Мой контакт установил прослушку на его телефон, и он разговаривал с адвокатами по поводу своего дела.

Я закатываю глаза.

— У Дмитрия нет дела, поскольку он подверг меня сексуальному насилию. — Я скрещиваю руки на груди. — Я могла бы подать на него в суд.

Оак кивает, но все еще выглядит обеспокоенным.

— Верно, но как когда мы поженимся, кто тебе поверит? Это будет выглядеть так, как будто ты пытаешься прикрыть своего мужа.

Я вздыхаю.

— Разве мы не можем раздобыть какой-нибудь компромат на Дмитрия?

— Мой человек занимается этим, но он пока ничего не нашел. — Оак прикусывает нижнюю губу.

— Что? — Я спрашиваю.

— Не слишком ли это быстро — жениться завтра?

Слишком быстро.

Я не думаю, что смогу выйти замуж за этого мужчину достаточно быстро, независимо от того, насколько я раздражена тем, что он так долго скрывал от меня правду.

— Нет.

Легкая улыбка появляется на его губах.

— Хорошо, потому что завтра Арчер возвращается из отпуска, и он согласился быть моим шафером и нашим свидетелем.

Я поднимаю бровь.

— Профессор Дэниелс? — уточняю я.

— Да, он мой самый близкий друг. — Он делает паузу, пожевывая внутреннюю сторону щеки. — Он знает все о моем стремлении отомстить, как и Гаврил. Они в курсе, что я поцеловал тебя, но я никогда не говорил им, что это зашло дальше, пока не позвонил Арчеру и не попросил его быть моим шафером. — Он наклоняет голову. — Ты хочешь, чтобы Наталья присутствовала?

Я качаю головой.

— Нет, я бы предпочла, чтобы были только мы.

— Ты редкая жемчужина, знаешь это? Большинство девушек не терпели бы ничего, кроме самой большой свадьбы, какая только возможна.

— Ну, я не большинство девушек.

— Да, ты не такая. — Он целует тыльную сторону моей ладони, посылая дрожь по позвоночнику.

— Во сколько мы завтра поженимся?

— Священник согласился на венчание в полдень в школьной часовне.

Я тяжело сглатываю, так как в последний раз, когда я была в этой часовне, он заставил меня оттирать кровь с пола.

— Тем не менее, я все еще зла на тебя за то, что ты устроил мне все эти наказания, когда знал, что я говорю правду. — Я сужаю глаза на него. — Зачем ты это сделал?

Оак проводит рукой по своим растрепанным волосам, вздыхая.

— Честно говоря, это был хороший повод прикоснуться к тебе. Это единственная причина. — Он хватается меня за руку и сжимает. — Я не святой, Ева. Темнота — это часть меня, и я борюсь с ней каждый божий день. — Его глаза ищут мои. — Вот почему мне нравится наказывать тебя. — Он хрустит шеей. — Мне нравится причинять тебе боль, даже несмотря на то, что я хочу защитить тебя от всех остальных.

Я беру его за руку и сжимаю.

— Тебе повезло, что я, кажется, получаю удовольствие от боли, не так ли? — Спрашиваю, понимая, что его наказание было способом утолить его желание ко мне.

Хотя я ненавидела то, что он не слушал меня, когда я говорила ему правду, в глубине души я хотела, чтобы он наказывал и прикасался ко мне, поскольку так чувствовала себя ближе к нему.

Я замечаю медальон, который он носит на шее, свисающий поверх рубашки, и провожу пальцами по металлу.

— Это семейная реликвия?

Оак смотрит на медальон с печалью в глазах.

— Он принадлежал моему деду, человеку, который подарил моей бабушке это кольцо. — Он указывает на обручальное кольцо на моем пальце. — Он оставил его мне в своем завещании, и это единственная собственность, кроме кольца, которую я оставил при себе после побега из Неаполя.

— Он красивый. — Я рассматриваю его поближе, замечая, что на нем выгравированы слова. — Что там написано?

— Это семейный девиз, который гласит: "Кровь нас связывает, кровь нас закаляет". — Он с болью произносит эти слова. — Я разорвал эту связь в тот момент, когда бежал из Италии, но сделал бы это снова, если бы пришлось.

Я чувствую, что его эмоции по поводу своей семьи примерно такие же запутанные, как и мои.

— У тебя были братья или сестры?

Он кивает.

— Да, брат и сестра. Бенито и Адриа.

— Ты скучаешь по ним?

Его челюсть сжимается.

— Разумеется, но я сделал то, что должен был, когда уходил. — Он тяжело сглатывает. — Я не хочу больше говорить о своей семье.

— Конечно. Почему бы нам не посмотреть тот фильм, который мы пытались смотреть на Рождество? — Я спрашиваю.

Он усмехается.

— Хорошо, обещаю, что на этот раз буду внимателен.

Я беру пульт, устраиваюсь поудобнее, завернувшись в его объятия, и включаю фильм, чувствуя себя счастливой, что уже завтра смогу назвать этого человека своим мужем.

Я кручу пальцами волосы, глядя на свое отражение в зеркале, и с трудом верю, что сегодня пойду к алтарю и выйду замуж за директора своей школы.

Профессор Дэниелс будет присутствовать на церемонии, что кажется немного странным, но, по-видимому, он самый близкий друг Оака.

Это безумие. Я даже представить не могу, что скажут Наталья, Камилла и Адрианна, когда я сообщу им новости в начале следующего семестра.

Позади меня женщина прочищает горло, вынуждая меня повернуться.

— Ты готова? — спрашивает она. Я думаю, что она флорист, поскольку сжимает в руках букет белых роз.

Я киваю в ответ, и она входит в маленькую раздевалку рядом со школьной часовней.

— Это для тебя.

Я улыбаюсь.

— Спасибо.

Она кивает, а затем ее брови хмурятся.

— Где твои родители?

Я прищуриваюсь, глядя на нее.

— Они не смогли приехать, — лгу я.

— Мне жаль это слышать. — Она поворачивается, чтобы уйти. — Удачи.

Я ничего не отвечаю, снова глядя на себя в зеркало. Брак — это не то, о чем я когда-либо думала, и теперь я выхожу замуж. Многие девушки мечтают о своей свадьбе как о каком-то грандиозном и волшебном событии, но для меня это худшее представление о церемонии. Маленькая свадьба, на которой присутствует только мужчина, которого я люблю, и один свидетель, звучит как рай.

Я разворачиваюсь и выхожу из раздевалки, направляясь к приоткрытым дверям в часовню.

Священник ждет снаружи, и улыбается, когда видит меня.

— Мисс Кармайкл, я полагаю?

— Да, отец.

Он подает знак, чтобы заиграла музыка.

— Сейчас я пойду внутрь. Подождите одну минуту, и тогда Вы сможете войти. — Он кивает головой в сторону настенных часов.

— Конечно, — говорю я в ответ, наблюдая, как он исчезает в часовне. Мое сердце сильно колотится, когда я заглядываю внутрь и замечаю Оака, стоящего поодаль, а рядом с ним профессора Дэниелса.

Мои ладони потеют, когда я смотрю на мужчину, за которого собираюсь замуж. Я бы ни за что не поверила, если бы кто-то сказал мне, что я выйду замуж в восемнадцать лет. Смотрю на часы и замечаю, что прошла минута с того момента, как священник вошел в эти двери.

Я проскальзываю в двери, и одинокий скрипач переключается на свадебный марш, привлекая внимание Оака к концу прохода.

Он улыбается в тот момент, когда видит меня, и любое предсвадебное волнение исчезает. В тот момент, когда он смотрит на меня, все кажется правильным. Я ускоряю шаги, спеша оказаться рядом с ним, пока священник ждет у алтаря.

Оказавшись на расстоянии вытянутой руки, он протягивает мне свою, и я беру ее, чувствуя, как все мои нервы исчезают в тот момент, как его кожа касается моей.

— Дорогие возлюбленные, мы собрались здесь сегодня, чтобы соединить этого мужчину, Оакли Бирна, и эту женщину, Еву Кармайкл, священными узами брака. — Он смотрит на пустые скамьи, нахмутив брови. — Если у кого-то есть возражения против этого союза, говорите сейчас или замолчите навеки.

Конечно, следует тишина, и священник прочищает горло.

— Теперь, Оакли, пожалуйста, произнесите свои клятвы, а Арчер, пожалуйста, вынесите кольца вперед.

Оак достает из кармана карточку, и у меня внутри всё переворачивается.

— Ева, с первого дня нашего знакомства, я понял, что моя жизнь изменилась навсегда. Ты — воплощение всего хорошего, что есть в этом мире, девушка, настолько не тронутая тьмой, что я подумал, не ангел ли ты.

Мои щеки пылают от его слов.

— Я влюбился в тебя как только увидел, и клянусь любить, защищать и оберегать тебя до конца своих дней. Пока у меня есть дыхание в легких и биение в груди, я буду рядом с тобой. До самой смерти.

Он берет кольцо у Арчера и надевает на мой безымянный палец.

Слеза стекает по моей щеке, когда эмоции в его голосе переполняют меня.

— И Ева. Теперь ты можешь произнести свои клятвы.

Я киваю и произношу слова, которые прокручивала в голове.

— Оак, меня никогда не интересовали романтические отношения. Все это казалось немного банальным, пока я не встретила тебя. В тот момент, когда наши глаза встретились, что-то внутри меня изменилось. — Я улыбаюсь ему. — Ты впервые в жизни помог мне почувствовать себя в безопасности и дал мне место, которому я могу принадлежать. — Я качаю головой. — Ты прислушался к моим мечтам и понял, как много они значат для меня. Я люблю тебя так сильно, что это причиняет боль, и я знаю, что проведу остаток своей жизни, любя тебя.

Я надеваю кольцо на его палец, пытаюсь поверить, что всё это не просто безумный сон. Священник удовлетворенно кивает, а затем говорит.

— Теперь я объявляю вас мужем и женой. — Он бросает взгляд на Оака. — Вы можете поцеловать невесту.

Оак хватается меня за талию и глубоко целует, его язык скользит по моим губам.

Я не возражаю, ведь вокруг не так много людей. Если бы это была большая свадьба, я бы, наверное, смутилась.

Однако профессор Дэниелс быстро разнимает нас, пока мы не слишком увлеклись.

— Полегче, вы двое. — Он хлопает Оака по плечу и подмигивает ему. — Прибереги это для брачной ночи.

Оак бросает на него сердитый взгляд, но кивает.

— Ты присоединишься к нам за праздничным напитком в коттедже?

Арчер кивает.

— Конечно, только дайте мне двадцать минут, чтобы переодеться из этой гребаной шкурины.

Он указывает на смокинг, в котором выглядит довольно привлекательно. Я привыкла видеть его в спортивной форме из-за того, что он преподает физкультуру и боевую подготовку.

— Ладно, тогда увидимся, — Оак направляет меня в противоположную сторону, к внешнему выходу из часовни. — Давай вернемся в коттедж.

Я улыбаюсь, сжимая его руку.

— Мне кажется, что я еще никогда не была так счастлива.

— Я тоже.

Мы возвращаемся в коттедж в комфортной тишине, но, когда подходим к арке, понимаем, что что-то не так.

Я знаю, что Оак тоже это чувствует, так как улыбка исчезает с его лица.

— Кто-то вломился, — бормочет он, не сводя глаз со сломанного замка на входной двери.

Мой желудок сжимается от беспокойства, и я крепче прижимаюсь к мужу, гадая, кто мог проникнуть в дом. И тут замечаю машину, припаркованную в двухстах ярдах дальше по дороге.

— Мои родители, — бормочу, кивая на нее.

Это их машина. Черный Рэндж Ровер с черными колесами и регистрационным знаком Джорджии.

— Дерьмо, — выдыхает Оак, мышцы напрягаются. — Как они узнали?

— Понятия не имею. — Я качаю головой. — Они даже не звонили мне на рождественские каникулы.

Он хватается меня за руку и сжимает.

— Держись позади меня, хорошо?

Я сглатываю, понимая, что не хочу, чтобы Оак столкнулся с моими родителями, не после всего, что они с ним сделали. Они монстры и не прислушиваются к голосу разума.

— Нам не следует туда заходить. Это слишком опасно.

— Все будет хорошо, я обещаю. — Он отпускает мою руку. — Теперь держись позади меня.

Я смотрю, как он идет к взломанной двери коттеджа, его мощные плечи напряжены.

Мое сердце колотится, как лошади, несущиеся галопом по полю, а я остаюсь рядом с ним, вцепившись пальцами в ткань его рубашки.

Оак ведет нас в коттедж, где нас встречает отец, который смотрит с ненавистью, целясь из пистолета прямо в сердце моего мужа.

Я тяжело сглатываю, зная, что мой отец — отличный стрелок. Он никогда не промахивается. Внезапно я смотрю в лицо своему худшему кошмару, понимая, что появление родителей разрушило блаженное счастье брака с моей второй половинкой. Фантазия разбита вдребезги двумя людьми, которые должны были поддерживать меня несмотря ни на что.

Оак

Я смотрю в дуло пистолета Джейми Кармайкла, и знаю, что не могу позволить ему победить в этот раз, не тогда, когда мне есть что терять. Ева значит для меня больше, чем всё, чем я когда-либо обладал.

— Опустит пистолет, Джейми. — Я скрещиваю руки на груди и смотрю на него. — Если ты убьешь меня, то можешь навсегда распрощаться с организацией.

Ева придвигается ближе к моей спине, сжимая в кулаке мою рубашку.

— Отдай мою дочь, и я уйду. — Он подает знак Еве, которая съезживается позади меня. — Ева, прекрати это немедленно и иди сюда, — рывкает он.

— Боюсь, ты опоздал, Джейми. Ева уже стала моей законной женой, а потому примерно с полчаса назад она больше не твоя забота.

— Я этого не потерплю. — Джейми рычит, взводя курок пистолета. — Ева — наша наследница, и она выйдет замуж за подходящего мужа, который сможет управлять нашей империей.

Ева выходит из-за моей спины с высоко поднятым подбородком.

— Я никогда этого не сделаю, потому что Оак — мой муж, и, как я уже говорила тебе с того дня, как умер Карл, я не намерена иметь ничего общего с империей. — Она сердито смотрит на своего отца. — Ты просто никогда меня не слушал.

Джейми что-то бормочет, и дверь в гостиную открывается, когда к нам подходит Анджела Кармайкл.

— Ева, немедленно садись в машину, — зовет она, кивая в сторону двери, через которую мы вошли.

— Никуда я с вами не пойду, — шипит она, глядя на них с такой же ненавистью, какую чувствую я. — Вы отправили меня сюда, так что это ваша вина, что я влюбилась в Оака и вышла за него замуж.

— Вышла за него замуж? — Выплевывает Анджела, её глаза расширяются. — Что ты... — она замолкает, когда видит белое свадебное платье Евы и кольцо на ее пальце. — Ты ублюдок. — Она зло смотрит на меня. — Какого хрена ты это сделал?

— У меня на это свои причины, — говорю я, сохраняя хладнокровие, несмотря на то, что Джейми держит пистолет и направляет его прямо на меня. — Однажды вы разрушили мою жизнь. Кажется, будет только справедливо, если я отплачу вам тем же.

Анджела морщит нос.

— О чем ты говоришь?

Я ожесточаю свой взгляд, понимая, что эта пара эгоцентричных, высокомерных засранцев все еще не узнают меня.

— Пять лет назад я оставил свою жизнь позади и сменил имя.

Глаза Джейми сужаются, когда он рассматривает меня более внимательно, как будто пытаюсь понять, кто я такой.

— Бретт Арчер ничего не напоминает? — Спрашиваю я.

Его глаза вспыхивают яростью.

— Ты гребаный ублюдок.

— Ты называешь ублюдком меня? — Я рычу, шокируя себя собственной злобой в

голосе. — Ты разрушил мой мир, и все, что я сделал, — это женился на твоей дочери. Это не идет ни в какое сравнение с тем, что ты сделал со мной. — Мое внимание переключается на жену. — В любом случае, я женился на ней не назло тебе. — Я тяжело сглатываю, зная, что следующие слова могут иметь неприятные последствия. — Ева — мой мир, и я буду беречь и защищать ее, если это хоть что-то значит для тебя.

Ева подходит ближе ко мне, скрещивая руки на груди.

— Вы оба мертвы для меня. С таким же успехом вы могли бы усыновить какого-нибудь ребенка, который захочет участвовать в ваших планах.

Ее мать ахает, выглядя шокированной словами дочери.

Чего она ожидала?

Ее едва ли можно назвать матерью из-за того, как она обращается с Евой. Это гребаный позор.

Я прочищаю горло.

— Если ты застрелишь меня, тебе придется иметь дело с катастрофическими последствиями.

Глаза Джейми сужаются.

— Если ты не вернешь мне дочь, у меня не останется выбора. — Он делает шаг вперед, заставляя меня напрячься. — У тебя много власти, Оак, но и у меня тоже.

В этот момент в дверь входит Арчер, пугая Джейми и Анджелу, поскольку он направляет пистолет на Джейми, а не на меня.

— Что, черт возьми, здесь происходит?

Он поднимает руки вверх, когда замечает, что Кармайкл целится в него. Тот отвлекается как нельзя более вовремя. Я бросаюсь вперед и выхватываю пистолет прямо из рук Джейми. От удара он падает на пол, а я направляю пистолет прямо ему в лицо.

— Не двигайся, блядь, — рычу я.

Позади меня взводится курок, и я замираю, оглядываясь через плечо.

Анджела Кармайкл держит крошечный пистолет и целится мне в спину.

— Опустит оружие, Оак, — приказывает она.

Я качаю головой.

— Мы зашли в тупик. Я могу выстрелить твоему мужу в лицо и не промахнуться. Вопрос в том, убьет ли меня твой выстрел?

Ева задыхается.

— Нет, Оак, не опускайся до их уровня.

Я ненавижу то, что она права. Возможно, мой отец и заставил меня убивать в юном возрасте, но я не делал ничего подобного с тех пор, как покинул Италию. Я отступаю, чтобы разглядеть ее получше. Если я нажму на курок, значит, ничем не отличаюсь от ее родителей.

— Анджела, опусти пистолет, а я опущу свой. — Я показываю на ствол в руке.

— Мама, делай, как он говорит, — настаивает Ева, что, кажется, только приводит ее мать в ярость.

— Ты никчемное маленькое отродье. — Она бьет Еву по лицу свободной рукой, поджигая мою кровь.

— Не трогай мою жену, — рычу я, свирепо глядя на нее. — Ты хочешь, чтобы я застрелил твоего мужа?

Ева пятится от матери, в ее глазах вспыхивает ненависть.

— Ты жалкое подобие матери, — бормочет она.

Анджела сердито смотрит на нее.

— Ты худшая дочь, которую я могла бы себе пожелать. — Она указывает на нее пальцем. — Хотела бы я, чтобы ты умерла вместо своего брата.

Лицо Евы искажается от боли. Пусть она ненавидит своих родителей, но они все еще могут причинить ей боль, вонзая в спину ножи. В ее глазах появляются слезы.

— Анджела, я сказал, опусти пистолет, — повторяю, сохраняя свой голос спокойным. — Давай поговорим об этом как взрослые люди.

— Взрослые люди! — кричит она, явно в истерике. — Тебе тридцать два года, а ты только что женился на восемнадцатилетней. — Ее глаза сужаются. — Ты, блядь, больной извращенец, которого нужно остановить на корню.

— Заткнись, мама, — рычит Ева, делая шаг к ней. — Опустит пистолет и перестань быть гребаной сукой.

— Как ты смеешь так со мной разговаривать? — Она поворачивается и целится из пистолета в Еву, что выводит меня из себя. — Я привела тебя в этот долбаный мир, и будь я проклята, если не смогу забрать тебя из него. — Ее палец зависает над спусковым крючком, весь пистолет дрожит в ее руке.

— Анджела, не будь такой глупой, — говорит Джейми, в его глазах неподдельный страх.

Я за милую душу могу определить, кто из них не в себе, и Анджела готова убить свою дочь, я уверен в этом. Прежде чем у нее появляется шанс, я бросаюсь на неё, привлекая ее внимание обратно к себе.

— Я скорее умру, чем ты застрелишь мою жену, — рычу.

Раздается выстрел, когда она нажимает на курок, целясь в меня. Боль разрывает мое левое плечо, и я в агонии падаю на пол.

Через мгновение раздаются два выстрела, но я не знаю, кто стрелял.

— Оак, — зовет Ева, бросаясь ко мне.

Я сажусь.

— Я в порядке. — Я оглядываюсь и вижу, что Анджела лежит в луже собственной крови, пуля прошла прямо через центр её лба. — Кто стрелял в твою маму?

— Арчер, — говорит она, кивая в сторону моего лучшего друга, который держит в руках пистолет.

Его глаза расширяются, когда он видит, что мы смотрим на него, и он бросается на помощь.

— Оак, извини, я просто.. — Он содрогается. — Я отреагировал инстинктивно.

Я хмурю брови.

— За что ты извиняешься?

Он бросает взгляд на мертвое тело Анджелы.

— Я никогда раньше никого не убивал.

— Однако у тебя отличный выстрел, — говорит Ева.

Он кивает.

— Мне нравится посещать тренировки по стрельбе по мишеням.

— Она стреляла в меня, Арч. Я ничего другого от тебя и не ожидал, но, возможно, тебе следует извиниться перед Евой. Это ее маму ты застрелил.

Глаза Арча расширяются.

— Анджела Кармайкл? — он уточняет, становясь белым как полотно.

— Не извиняйся передо мной, — говорит Ева. — Я сама была готова застрелить ее после того, как она выстрелила в тебя. — Она сжимает мою руку. — Ты уверен, что с тобой все в порядке? — Она снова переводит взгляд на огнестрельную рану, склоняясь надо мной.

— Моя мать — сука за то, что стреляла в тебя, — говорит Ева, глядя на отца, который плачет над ее телом, но я сомневаюсь, что его слезы искренние.

Арчер разрывает мою рубашку и осматривает рану, заставляя меня вздрогнуть.

— Элейн уже вернулась после каникул?

Я пожимаю плечами, морщась от этого движения.

— Не знаю. Позвони ей.

Арчер достает свой мобильный телефон из кармана и набирает ее номер.

— Привет, Элейн. Ты случайно не вернулась в академию? — Он кивает. — Отлично. С Оаком произошел небольшой несчастный случай. Можешь встретить нас у его коттеджа? — На несколько мгновений повисает тишина. — Отлично, увидимся через минуту.

Он встречает мой взгляд.

— Она уже в пути. Пять минут.

Я хмыкаю и поворачиваюсь, чтобы взглянуть на отца Евы.

— Пусть охрана выведет его из помещения.

Джейми вскакивает на ноги, сжимая руки в кулаки.

— Прояви немного уважения. Твоя обезьяна только что убила мою жену.

Арчер рычит и подходит к нему вплотную.

— Кого ты назвал обезьяной?

— Папа, просто уходи, — говорит Ева, глядя на него. — Забери тело мамы, но просто уходи.

Он смотрит ей в глаза, и я вижу в них намек на сожаление.

— Хорошо, знай, что я ничего этого не хотел, Ева. Я хотел, чтобы ты была успешной, вышла замуж за человека, который мог бы править нашей империей.

— Это не то, чего хотела я. И это все, что имеет значение, поскольку это моя жизнь.

Он вздыхает и достает свой мобильный, несомненно, звоня кому-то из машины, чтобы тот пришел и помог ему убрать тело Анджелы с пола в гостиной. Мгновение спустя появляется один из его парней, и широко раскрытыми глазами осматривает хаотичную сцену перед ним.

— Помоги мне перенести ее, — приказывает Джейми.

Он делает, как сказано, берет её за ноги, в то время как Джейми хватает за руки, а затем немилосердно выносит тело из коттеджа по направлению к машине.

Сестра Джаспер появляется несколько минут спустя, слегка запыхавшись.

— О Боже, что здесь произошло?

— Оака ранили в плечо, — говорит Арчер, качая головой. — Не думаю, что это слишком серьезно.

Арчер и Ева убираются с ее пути, чтобы она могла осмотреть мою рану. Элейн трогает ее, болезненно двигая моей рукой.

— С Оаком все будет в порядке, — объявляет медсестра. — Мы отвезем его в медпункт, чтобы наложить несколько швов, но пуля вышла, так что ему понадобится только аспирин и бинт, чтобы перевязать рану. — Она бросает на меня многозначительный взгляд. — Тем не менее, тебе очень повезло. — Ее брови хмурятся. — Что ты здесь делаешь, Ева?

Я прочищаю горло.

— Мы с Евой поженились сегодня днем.

Глаза Элейн расширяются, и она усмехается.

— Что, прости?

— Да, мы поженились, — повторяет Ева. — Сейчас это не важно. — Она подходит и помогает мне подняться на ноги, поддерживая меня. — Нам нужно подлатать моего мужа. — Она бросает на Элейн колкий взгляд, и та судорожно кивает.

— Конечно, следуйте за мной.

Я хватаюсь за Еву для поддержки, затем Арчер тоже протягивает мне свою руку, и мы направляемся к главному зданию школы.

Я не так представлял себе окончание нашего свадебного дня, но могу сказать, что я благодарен за то, что мы оба живы и Джейми сдался. Тот факт, что он ушел с телом своей жены, говорит о том, что он не намерен бороться с этим.

Ева наконец-то свободна, и я могу защитить ее от мира, частью которого она не хочет быть.

Ева

Моё сердце колотится так сильно, что я едва слышу студентов по ту сторону занавеса.

Оак намерен объявить о нашей свадьбе всей школе во время приветственного собрания в зале сегодня ровно через пять минут.

Он сказал, что я не обязана присутствовать, но мне показалось неправильным оставить его рассказывать всем в одиночку. Наталья, Камилла и Адрианна вернулись еще вчера по моей просьбе, чтобы я лично сообщила им эту новость.

Сначала я лишила всех троих дара речи, но как только они наконец заговорили, я объяснила все сумасшедшие, отвратительные вещи, которые произошли во время зимних каникул. Они были рады за меня, когда оправались от шока.

Оак также рассказал обо всем персоналу, который, за исключением Гаврила и, конечно, Арчера, был очень потрясен. Некоторые выразили протест, утверждая, что это аморально. Однако Оак заявил, что вся школьная структура аморальна, поэтому он не считает их аргументы весомыми.

Я готова к странным взглядам и шуткам в свой адрес, как только это станет достоянием общественности, но меня это не волнует. У меня есть любимый мужчина, и три замечательные подруги, которые меня поддерживают.

Оак прочищает горло в микрофон, и я понимаю, что время пришло.

Черт.

Это безумие.

Мы также ожидаем некоторой негативной реакции со стороны родителей учащихся, как только это станет общеизвестным, но Оак считает, что все будет не так плохо, как я думаю.

— С возвращением в Академию Синдиката. Надеюсь, вы все хорошо провели зимние каникулы.

В толпе раздаются несколько выкриков, но Оак их игнорирует.

— Мне нужно сделать довольно противоречивое заявление, которое может шокировать многих из вас.

Арчер кивает мне, и я выхожу на сцену к Оаку, замечая ободряюще улыбающуюся Наталью в первых рядах толпы.

— На зимних каникулах Ева Кармайкл стала Евой Бирн, моей женой. Теперь она живет со мной в коттедже на территории академии. На случай, если у кого-то из вас возникнет вопрос, почему вы видите, как ваш преподаватель целует студентку или тайком приводит ее к себе домой.

Я замечаю, как он многозначительно смотрит на Дмитрия, который выглядит разъяренным нашим внезапным заявлением.

Многие студенты перешептываются между собой, и все выглядят растерянными или испытывающими отвращение.

— Я понимаю, что это очень необычно, но мы с Евой полюбили друг друга и поженились. Всё очень просто. Если у вас есть вопросы, я приму их сейчас.

Элиас ухмыляется и поднимает руку.

— Да, Элиас.

— Вы трахали ее в классе, профессор?

На виске Оака вздувается вена, когда он сжимает челюсти.

— Любой, кто скажет что-нибудь глупое, проведет утро с профессором Ниткиным. Я принимаю только уважительные вопросы.

Он кивает Гаврилу, который выходит вперед, хватая Элиаса за локоть и тащит его из комнаты.

Весь зал затихает, заставляя меня задуматься, что же Гаврил Ниткин делает с людьми.

Как он вселяет такой страх в студентов, рожденных быть убийцами?

— Еще вопросы есть? — Спрашивает Оак.

Парень, которого я не узнаю, поднимает руку.

— Да, Джейден.

— Значит ли это, что Вы больше не будете ее учить, ведь наверняка может возникнуть вопрос о несправедливом отношении к ней, когда речь идет об оценках?

Его вопрос вызывает несколько смешков, но я полагаю, что он справедлив.

— Ева останется на занятиях, которые я преподаю, но профессор Ниткин будет оценивать ее работы и экзамены, чтобы избежать возможного вопроса о фаворитизме.

Оак оглядывает остальных учеников.

— Кто-нибудь еще?

Мой желудок сжимается, когда я вижу, как Дмитрий поднимает руку.

— Что, Дмитрий? — Оак огрызается, напряжение нависает над ним.

— Так вот почему Вы напали на меня на вечеринке в руинах, профессор? — спрашивает он.

Мы ожидали, что он не откажется от этого глупого заявления о нападении. Возможно, это правда, что он ударил Дмитрия, но Дмитрий пытался облапать меня.

— Ты имеешь в виду тот случай, где я защищал Еву, когда ты пытался сорвать с нее трусики, а она кричала, чтобы ты этого не делал? — Спрашивает Оак самым спокойным голосом.

Щеки Дмитрия краснеют, и он избегает взгляда Оака.

— Неважно, — говорит он, махнув рукой.

Многие студенты смеются над ним. Надеюсь, на этом вопрос исчерпан, но если он продолжит в том же духе, мы будем бороться.

— Есть еще бесполезные вопросы? — Спрашивает Оак. Его встречает тишина, и он кивает. — Хорошо, тогда отправляйтесь на завтрак.

Все студенты болтая, поднимаются со своих мест и направляются из зала в сторону столовой. Наталья, Адрианна и Камилла задерживаются, подзывая меня.

Я поворачиваюсь к Оаку.

— Увидимся позже. Я собираюсь позавтракать с подругами.

Он улыбается и скользит рукой по моей шее, притягивая к себе для быстрого поцелуя.

— Хорошо, не опаздывай вечером домой.

Мои щеки пылают и я нервно сглатываю, когда оборачиваюсь и вижу, что несколько студентов таращатся на меня. Я спешу к Наталье.

— Не могу поверить, что ты замужем за этим Богом-мужчиной, — говорит она, качая головой.

Я наклоняю голову.

— Ты хочешь сказать, что он не в моей лиге?

— Нет, Боже, нет. Ты великолепна, но он наш гребаный директор.

Камилла смеется.

— Возможно, я попытаю счастья с Ниткиным.

Мы все смотрим на нее как на сумасшедшую.

— Что? Он горячий.

— Ага, и чертовски сумасшедший, — говорит Адрианна, закатывая глаза. — Никто бы добровольно не связался с этим мужчиной. Он садист.

Щеки Камиллы краснеют, но она пожимает плечами.

— Это не умаляет того, насколько он великолепен, и теперь я знаю, что это возможно... — она смеется. — Впрочем, я шучу.

— Ладно, — говорит Наталья. — Дело твоё.

Я качаю головой.

— Нам лучше приступить к завтраку, пока не съели всю вкусную еду.

Наталья берет меня за руку.

— Теперь я понимаю, почему ты так хотела провести зимние каникулы здесь, наедине, — она делает ударение на последнем слове, и я не могу удержаться от улыбки.

— Да, прости, что не рассказала тебе, но это было слишком рано. — Я мотаю головой. — Я никогда не ожидала, что мы поженимся.

— У меня действительно есть к тебе претензии. — Наталья дует на меня. — Какого черта я не была твоей подружкой невесты?

Я смеюсь, качая головой.

— Потому что мы никого не приглашали.

Когда мы входим в столовую, Джинни Дойл заступает нам дорогу.

— Какого хрена тебе надо теперь, Дойл? — спрашивает Камилла.

Она поднимает руки вверх.

— Я просто хочу отдать должное Еве за то, что она подцепила самого горячего учителя в школе. — Она выглядит искренне впечатленной. — Я недооценила тебя, Кармайкл. Или лучше сказать, Бирн?

— Просто Ева подойдет, — невозмутимо отвечаю я.

— Справедливо. — Она протягивает мне руку, и я настороженно смотрю на нее. Я беру её и пожимаю, зная, что если покажу страх, это поднимет ее эго. — Поздравляю, Ева. — Она подмигивает и уходит, чтобы сесть обратно с Анитой и Керри, двумя девушками, которые напали на меня в мой первый вечер здесь.

Получить ранение было ужасно, но в каком-то смысле, я думаю, это быстрее сблизило нас с Оаком. С той ночи между нами возникло напряжение и с тех пор только нарастало.

— Что все это значило? — спрашивает Адрианна, когда мы занимаем свои места за нашим обычным столом.

— Без понятия, — говорю я.

— Ты, наверное, завоевала восхищение и зависть всех девушек в школе, — говорит Наталья, оглядываясь на взгляды, которыми нас окружают. — Практически каждая была влюблена в задумчивого и сварливого директора Бирна, а ты надела на него кольцо.

Адрианна смеется.

— Все еще не могу в это до конца поверить. Я имею в виду, что это безумие, верно?

— Да, — говорю я, ухмыляясь. — Хотя Оак ожидает некоторых последствий от родителей, когда информация распространится.

Камилла взмахивает рукой.

— Большинству родителей наплевать на то, что директор женился на ученице. В конце концов, теперь он занят. Мой отец даже глазом не моргнул бы, услышав эту новость.

— Мой тоже, — соглашается Адрианна. — Не похоже, что это обычная школа.

Я расслабляюсь под их заверениями, однако Оак уверен, что некоторые родители поднимут бурю. Нам придется разобраться со всем, когда это произойдет. А пока я собираюсь наслаждаться своим новым статусом, и игнорировать ненавистников.

Я поправляю свой рюкзак, пока иду по тропинке к коттеджу. Ощущение, что кто-то наблюдает за мной, заставляет волосы у меня на затылке встать дыбом.

— Ева, — зовет Элиас.

Мой желудок опускается, когда я поворачиваюсь к нему лицом.

— Элиас, чего ты хочешь?

Он ухмыляется и скрещивает руки на груди, прислонившись к ближайшей стене.

— Почему бы тебе не подойти сюда? — Он указывает на стену.

Я качаю головой.

— Мне и здесь хорошо, спасибо.

Его глаза сужаются.

— Только потому, что ты теперь маленькая любимица директора, не пытайся вставать между Натальей и мной. — Он крадется ко мне. — Ты можешь думать, что это дает тебе власть, но с Натальей ты, блядь, не влазишь в это.

Я свирепо смотрю на него.

— Почему бы тебе не перестать морочить голову Нэт и не признать уже, что у тебя есть чувства к ней?

Его челюсть сжимается, и он перестает надвигаться на меня.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

Я наклоняю голову.

— Думаю, ты понимаешь, что я имею в виду. Иначе почему ты так одержим ею?

— Одержим? — спрашивает он, хмуря брови. — Я не... — Он замолкает, как будто только сейчас осознав, что помешался на моей подруге.

— Дошло наконец? — спрашиваю я, поддразнивая.

Элиас смотрит на меня, его кулаки сжимаются, когда он подходит ко мне.

— Просто не стой у меня на пути, поняла?

— Я поняла тебя с первого раза, Элиас. И разве с тех пор я мешалась у тебя под ногами?

Элиас усмехается и откидывается назад.

— Нет, но я говорю тебе не впутывать Оакли в это.

— Я и не собиралась. — свирепо смотрю на него. — Теперь, если ты не возражаешь. Я иду домой.

Хруст гравия привлекает наше внимание, когда Оак приближается к нам. Его глаза устремлены на Элиаса, а кулаки сжаты.

— Элиас, какого хрена ты здесь делаешь? — рычит он.

Я кладу руку на грудь Оака.

— Все в порядке. Мы просто разговаривали.

Ухмылка Элиаса такая дерзкая, что мне хочется его ударить.

— Ага, Вы так ревнуете, что Ева больше не может даже разговаривать с парнями?

— Не с теми, которые, блядь, душат ее в пустых коридорах, — рычит Оак.

Элиас поднимает руку в знак капитуляции.

— Ладно, успокойтесь. Я уйду. — Он отворачивается и идет по дорожке обратно к школе.

— Чего он хотел? — Интересуется Оак.

— Просто спрашивал о Наталье. Я думаю, он равнодушен к ней.

— Сомневаюсь в этом, Ева. Парень провел здесь все свое время, изводя Наталью.

Я качаю головой.

— Почему никто другой этого не видит?

— Не видит что?

— Ничего, — бормочу я, размышляя, не почудилось ли мне это. Я вижу, как Элиас смотрит на нее с другого конца комнаты. Это напоминает мне о взгляде Оака, когда он наблюдает за мной. Голодный, собственнический. Как будто он хочет владеть ею всеми возможными способами, как физически, так и эмоционально. Очевидно, что у него недостаточно эмоциональной зрелости, чтобы поступить по-мужски, и вместо этого ему приходится мучить ее.

— Как прошел твой день? — спрашивает Оак, когда мы входим в коттедж.

Я бросаю свою сумку на пол и плюхаюсь на диван.

— Странно.

— Странно? — спрашивает он.

Я киваю.

— Да, для начала, Джинни поздравила меня.

Оак приподнимает бровь.

— Она была искренней и сказала, что восхищена тем, что я подцепила самого горячего учителя в школе.

Он смеется.

— Правда?

Я толкаю его локтем под ребра за его самоуверенность.

— А потом все давали мне пять или бросали на меня непристойные взгляды, но это было лучше, чем я ожидала.

— Хорошо. — Он садится рядом со мной. — Должен признать, у меня был тяжелый день.

— Родители? — Я спрашиваю.

Он качает головой.

— Пока нет, но сегодня мне пришлось уволить Элис Джеймсон.

— О нет, она была моей любимой учительницей. Почему?

Он потирает рукой затылок.

— Она много чего сказала о нас, и пыталась приставать ко мне, на что я ответил отказом и уволил ее.

Я сжимаю кулаки.

— Что она пыталась сделать?

— Поцеловать меня, но не подошла близко. — Оак наклоняется ко мне и прижимается губами к моим. — Ни одна другая женщина никогда не приблизится к этим губам и на сантиметр, — выдыхает он.

— Хорошо, — отвечаю я, прижимаясь своими губами к его. — Потому что они мои.

Он улыбается.

— Да. — Оак сажает меня к себе на колени. — Я твой, а ты моя. — Он обхватывает пальцами мой затылок и целует меня. — Я скучал по тебе сегодня.

Я улыбаюсь а ответ.

— Это глупо.

— Нет, не глупо. Я скучаю по тебе всякий раз, когда мы не вместе. — Он углубляет поцелуй. — Прежде чем я пройду точку невозврата, мне нужно приготовить нам ужин.

Я стону, когда он снимает меня со своих колен и отдаляется.

— А потом я сожру тебя. — Он подмигивает и исчезает на кухне.

После того, как он утверждал, что не самый лучший повар, оказалось, что он довольно искусен на кухне. Я люблю его еду. Я люблю его. Я откидываюсь на спинку дивана и опускаю голову, улыбаясь самой себе.

Следующие несколько месяцев могут быть беспокойными после раскрытия наших отношений, но вместе мы сможем пройти через всё.

Ева

— Занятие окончено, — объявляет Оак, не сводя с меня глаз. — Миссис Бирн, останьтесь.

Несколько студентов хихикают, а Наталья бросает на меня понимающий взгляд.

— Встретимся позже.

Я киваю в ответ и остаюсь сидеть за партой, уставившись на своего мужа. Когда последний студент покидает аудиторию, закрывая за собой дверь, в его глазах отражается чистая похоть.

— Чем могу помочь Вам, сэр? — спрашиваю я, накручивая прядь волос на палец.

Он встает и подходит ко мне, пока я сижу за своим столом.

— Я хотел обсудить весенние каникулы, поскольку они начинаются завтра.

Я поднимаю бровь.

— А для чего именно ты хотел обсудить весенние каникулы? — спрашиваю.

Он хватает меня за воротник блузки и дергает вверх, чтобы я встала перед ним, его глаза пылают смесью желания и раздражения.

— У нас не было медового месяца. Я собираюсь отвезти тебя в Неаполь.

Мои глаза расширяются, и я качаю головой.

— Разве это не опасно, учитывая...

— Мое прошлое? — заканчивает он за меня.

Я киваю в ответ.

— Прошло пятнадцать лет с тех пор, как я видел свою семью. Никто из них не узнал бы меня сейчас, а в моем паспорте новое имя. — Он пожимает плечами. — Думаю, мы можем рискнуть, чтобы ты смогла попробовать лучшую пиццу в мире.

Я наклоняю голову.

— Не уверена, что любая пицца стоит того, чтобы рисковать своей жизнью. — Я качаю головой. — Почему бы нам не съездить куда-нибудь поближе? — предлагаю ему.

В глазах Оака появляется странный блеск.

— Я только что узнал, что моя бабушка скончалась, и ее похороны через три дня. — Его взгляд скользит к кольцу на моем пальце. — Та же женщина, которая подарила мне это кольцо.

— Мне очень жаль, — говорю я, положив руку ему на грудь. — Конечно, ты не можешь спокойно присутствовать на похоронах?

— Нет, но я могу наблюдать издалека. Примерно в семистах метрах от кладбища есть старые руины, и я хочу быть там, пока ее будут хоронить.

Все это звучит рискованно, а после небольшого исследования его семьи, оказалось, что они так же опасны, как были мои родители.

— Хорошо, но мы должны быть очень осторожны, Оак. Когда моя мать подстрелила тебя ...

Он прерывает меня.

— Это была не более чем поверхностная рана.

— Я знаю, но это не значит, что я не была напугана. — Я цепляюсь за его рубашку. — Я не могу потерять тебя.

— Ты не потеряешь. — Он прижимает свои губы к моим, и я целую его в ответ. Поцелуй быстро превращается в большее, и я смотрю на стеклянную дверь в класс, хватаясь за его плечи. — Мне пора идти.

Он сильнее прижимает меня к своему телу.

— Ни за что. У меня нет урока, значит у тебя тоже.

— Дверь, — предупреждаю я.

Он ворчит, а затем идет опускать штору на окне.

— Теперь наклонись для меня, жена.

Я делаю, как он говорит, от тона его голоса по мне распространяется трепет.

С тех пор, как мы объявили о нашем браке остальным ученикам, мы стали немного безрассудными, но нам не перед кем отчитываться. В конце концов, Оак управляет этой школой. Было несколько жалоб от родителей, но Оак заверил их, что ученики теперь в надежных руках, поскольку он связан только с одной женщиной.

Оак открывает ящик стола и достает флакончик со смазкой, заставляя меня дрожать от предвкушения.

— Нет, не здесь, — бормочу я, качая головой.

Он ухмыляется и достает кляп с шариком, держа его наперевес.

— Да. Я хочу трахнуть твою задницу на своем столе.

Я сжимаю бедра вместе при этой мысли. Как будто ему каждый раз приходится продвигаться на шаг дальше. К счастью, до окончания школы осталось всего несколько месяцев, а осенью я поступлю в ветеринарную школу поблизости.

Он нежно проводит рукой по моей попке, погружая палец в мокрое возбуждение.

Я вскрикиваю, когда он обводит клитор подушечкой большого пальца, сводя меня с ума.

— Тише, малышка, или вся школа услышит. — Он засовывает мне в рот кляп и закрепляет его. — Это должно помочь.

Он опускается на колени и погружает свой язык глубоко в меня, пробуя на вкус, как мужчина, изголодавшийся по киске.

Наше желание друг к другу не знает границ. Чем больше времени мы проводим вместе, тем сильнее оно нарастает, делая невозможным нормальное существование. Все, о чем я могу думать, — это он.

Оак погружает два пальца глубоко в меня, умело поглаживая их и попадая в то место, которое заставляя меня кричать в кляп. Я не могу понять, как он может знать мое тело даже лучше, чем я сама.

Я смотрю, как он тянется за смазкой, а затем чувствую, что он брызгает холодной жидкостью на мою чувствительную дырочку. Медленно он вводит пальцы внутрь, растягивая меня, заставляя стонать с кляпом во рту.

Через несколько мгновений Оак достаточно растягивает меня и впрыскивает смазку на свой толстый член, прижимаясь к тугому кольцу мышц. Его грубые руки сжимаются вокруг моих бедер, и я задерживаю дыхание, ожидая, когда он пронзит меня своим членом.

Он с силой прижимает меня к себе и подается вперед, врезаясь в меня как дикарь. Оказавшись внутри, он двигает бедрами медленными, обдуманно движениями. Он знает, что я хочу жестко и быстро и даже не могу умолять его об этом. Вместо этого все, что я могу делать, это извиваться и издавать сдавленные звуки из-за кляпа.

— Вот и все, малышка, прими мой член в свою попку. — Он шлепает меня по правой ягодице, затем по левой, входя в меня все сильнее, и я чувствую, как его решимость

подразнить меня ускользает. — Ты моя, — рычит он, наклоняясь, чтобы покрыть поцелуями мою все еще одетую спину. — Ты принадлежишь мне.

— Сильнее, — кричу я сквозь кляп, но это выходит приглушенно.

Он хватает меня за шею и с силой поднимает вверх, посылая волну жар прямо в сердцевину.

— Что это было? — Оак проводит зубами по моей шее. — Боюсь, я тебя не слышу, и школа тоже.

Он стонет и выходит из меня, переворачивая меня на спину, как будто я ничего не вешу. А затем, не давая мне ни секунды, чтобы привыкнуть к новой позе, снова погружается в мою попку.

Я плачу сквозь кляп, удовольствие и боль смешиваются в одно умопомрачительное ощущение, которое превращает меня в податливую игрушку в его руках.

— Прими это, малышка, — ворчит он, глядя на меня сверху вниз с таким желанием, что я чувствую себя самой красивой девушкой в мире. — Я хочу увидеть, как моя жена кончает на мой член. — Он наклоняется и слегка душит меня рукой, убедившись, что сжимает достаточно сильно, чтобы оставить синяк. — Я хочу, чтобы ты обрызгала всю мою рубашку, и мне пришлось бы сменить ее перед следующим уроком. Ты поняла?

Мои глаза закатываются, когда его бедра двигаются быстрее, жестче, толкая меня на край обрыва так сильно, что кажется, он может сломать меня пополам, прежде чем я сорвусь с него.

— Кончи для меня, — приказывает он.

Я не могу ни в чем ему отказать, и мое тело сотрясается. Каждый мускул сокращается, когда я обрызгиваю его рубашку, создавая беспорядок. Звезды вспыхивают за моими веками, и я смыкаю их, бесстыдно постанывая в кляп.

Оак сильнее сжимает мое горло.

— Смотри на меня, пока я кончаю в твою задницу, — приказывает он.

Я заставляю себя открыть глаза и наблюдаю за своим мужем, когда он толкается еще два раза, прежде чем тоже кончить. Выражение его лица, когда он наполняет меня своей спермой, вызывает невероятное наслаждение. Он отпускает мое горло и несколько мгновений с обожанием смотрит в мои глаза, наблюдая, как я полностью подчиняюсь его желаниям и потребностям. А затем вытаскивает свой член из меня и заменяет его большой анальной пробкой.

— Я хочу, чтобы она оставалась там до конца дня. Не вынимай. — Он отстегивает кляп и бросает его на стол. — Ты поняла?

— Да, сэр, — говорю я, а он захватывает мои губы и глубоко целует меня.

— Будь хорошей девочкой и иди на следующий урок.

Я спрыгиваю со стола и иду на выход, но взвизгиваю, когда Оак шлепает меня по заднице.

— Быстрее, или я могу снова опрокинуть тебя на свой стол, — предупреждает он.

Я уйду, не в силах поверить, что такой мужчина, как он, может настолько сильно хотеть меня. Может быть, в нем и есть тьма, но от этого я люблю его еще больше. Возможно, потому что глубоко внутри, под моим отчаянным желанием остаться нетронутой тьмой мира моих родителей, часть ее все же заразила и меня.

Оак наблюдает за происходящим в бинокль, в то время как я остаюсь сидеть в шезлонге,

держась вне поля зрения, как он велел.

Я вижу его страдания, когда он издалека наблюдает за похоронами, и мне больно, что я не могу его утешить. Поэтому я встаю, игнорируя его приказ, и обнимаю его за талию.

— Ты в порядке? — Спрашиваю я.

Он качает головой.

— Нет, моего отца, брата и сестры здесь нет. — Он хмурится. — Мой дядя ведет себя так, как будто всем заведует он.

Он достает свой мобильник, набирает что-то на итальянском в гугле. И тут же роняет телефон на пол, опускаясь вместе с ним.

— Оак, в чем дело?

Он качает головой, и я беру телефон, прокручивая статью в итальянских новостях. Речь идет о его отце и брате с сестрой. Судя по всему, они погибли в прошлом году в автокатастрофе на Сицилии.

— Они все мертвы, — бормочет он.

Я провожу рукой по его волосам и опускаюсь перед ним на колени.

— Мне так жаль.

Его кадык дергается, когда он сглатывает.

— Не понимаю, как я мог не знать. — Он сдвигает брови. — Смерть моей бабушки была во всех газетах, но их гибель — нет. По крайней мере, не здесь, в Неаполе.

Слеза стекает по его щеке, когда он непонимающе смотрит на меня.

— Ты не знал, — говорю я, прижимаясь губами к его щеке, чтобы стереть слезу. — Это не твоя вина.

Оак кивает.

— Я знаю, я просто... — Он качает головой. — Это было трудное решение — оставить всех, кого я любил, но я знал, что не могу участвовать в кровопролитии. Думаю, я всегда знал, что до этого дойдет. Моя семья убита.

— Здесь говорится, что они попали в автомобильную аварию.

Оак невесело смеется.

— Не будь такой наивной, Ева. У моего отца была давняя вражда с боссом сицилийской мафии. Его смерть не была несчастным случаем.

Я тяжело сглатываю и игнорирую беспокойство внизу живота.

— По крайней мере, ты сбежал из этого мира. — Я провожу рукой по волосам. — Иначе ты мог бы быть мертв.

Он встречается со мной взглядом и вздыхает.

— Ты права. — Он встает, берет бинокль и смотрит на похороны своей бабушки. — Моя мать все еще жива, а бабушка умерла в преклонном возрасте без особых происшествий. По крайней мере, я могу быть благодарен за это.

Я обхватываю его за талию, обнимаю, и мы остаемся там еще долгое время после того, как похороны закончились и все разошлись. Оак наконец встает, когда солнце опускается за горизонт вдалеке.

— Нам нужно идти, если мы хотим успеть заказать столик в Сорбилю.

Я качаю головой.

— Мы можем отменить, если хочешь.

Он морщит лоб.

— Зачем нам это делать? Это лучшая пицца в Неаполе.

— Потому что ты только что издалека наблюдал за похоронами своей бабушки и узнал, что твои брат, сестра, и отец мертвы.

Его грудь вздымается.

— Я хочу поесть пиццу там, где бывал в детстве. Это хороший способ помянуть их, не так ли?

Я киваю.

— Да, конечно. — Я не могу представить, что он чувствует прямо сейчас. — Поехали.

Он ведет меня к взятой напрокат машине, и мы направляемся по ветреным дорогам обратно в Неаполь из Эрколано. Это примерно в двадцати минутах езды обратно в город, где Оак паркуется рядом с рестораном. Мы заходим, там полно народу, я замечаю проблеск слез в глазах Оака, когда он оглядывает маленькую пиццерию, и сжимаю его руку.

Он улыбается, но улыбка не достигает его глаз.

Все, чего я хочу, — это избавить его от боли, но я знаю, что это невозможно. Я могу только быть рядом с ним. Официант усаживает нас после пятнадцатиминутного ожидания за маленький столик в задней части зала.

Оак сжимает мою руку через стол.

— Все точно так, как я помню.

— Вы часто приезжали сюда, когда ты был ребенком?

Он кивает.

— В основном по особым случаям, но поскольку мы были такой большой семьей, их было много. — Он смеется. — Мы использовали любой предлог для пиццы в Сорбильо.

— Здесь вкусно пахнет. — Я облизываю губы. — Не могу дождаться, чтобы попробовать её.

Оак переплетает свои пальцы с моими и сжимает.

— Я люблю тебя, Ева. — Выражение его лица становится серьезным. — Очень сильно.

Я замечаю, что он выглядит немного нерешительным, как будто хочет что-то сказать, но не уверен, как.

— В чем дело? — спрашиваю его.

— Мы поженились так быстро, что я никогда не спрашивал, хочешь ли ты детей в будущем?

Я удивлена его вопросом, но киваю в ответ.

— Да, когда закончу учебу и найду работу, я бы хотела создать с тобой семью.

Он улыбается, и его плечи опускаются от облегчения.

— Это хорошо. Я всегда хотел иметь семью, хотя никогда не верил, что это возможно для меня.

— Почему нет?

— Считал себя слишком сломленным и мрачным, чтобы найти любовь.

Я сжимаю его руку на столе.

— Это смешно. Я люблю каждую частичку тебя, даже темноту.

Он улыбается.

— Я знаю. Вот почему я уверен, что выиграл в чертову лотерею, найдя дорогу к тебе.

Подходит официант с нашими пиццами.

— Маргарита? — спрашивает он.

Я поднимаю руку, и он кладет ее передо мной.

— И diavolo для Вас, — говорит он, ставя блюдо перед Оаком.

Я знаю, его угнетает то, что он не может говорить здесь по-итальянски, но мы оба согласились, что так безопаснее, поэтому не стали поднимать тему его происхождения.

— Спасибо, — говорю я, улыбаясь официанту.

Он кивает.

— Buon appetito. — Он уходит, оставляя нас наслаждаться едой.

Я наклоняю голову.

— Эта пицца лучше твоей?

— Наверняка, — говорит он, смеясь. — Моя не сравнится с настоящей неаполитанской пиццей, приготовленной на дровах.

— Об этом судить мне. — Я отрезаю кусочек ножом и вилкой и подношу его ко рту, пробуя на вкус. — Боже мой, — говорю я, продолжая жевать. — Это лучшая пицца в мире.

Он самодовольно улыбается.

— Я же говорил.

— Ты прав, она лучше твоей, но твоя была очень хороша для домашней.

Он качает головой и набрасывается на свою пиццу.

— Всегда такая дипломатичная, моя жена. Одна из многих причин, по которым я так тебя люблю.

— Я тоже тебя люблю, — говорю, чувствуя как меня переполняют эмоции, когда смотрю ему в глаза.

По иронии судьбы, место, в которое я знала, что не впишусь, оказалось местом, где я нашла свою вторую половинку. Это безумие, что директор школы, который олицетворяет всё, что я презираю в нашем мире, оказался любовью всей моей жизни.

1SAT (Scholastic Aptitude Test) — экзамен для тех, кто поступает на программы обучения уровня бакалавриата в колледжи и университеты США